37
К845

СПЕЦХРАНЕНИЕ
ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ

Крупская

Воспитание молодежи в ленинском духе.

504896

Библиотека УД ЦК ВКП(б)
СПЕЦХРАНЕНИЕ
ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
В УСТАНОВЛЕННЫЙ СРОК

37
К845

Н. К. КРУПСКАЯ

ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В ЛЕНИНСКОМ ДУХЕ

Библиотека ЦК ВКП(б)
1936 г.
794
4-50
Ст 1 (22) 53
Управление делами ЦК КПСС
БИБЛИОТЕКА
СПЕЦФОНД
229

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1925

Набрано в типографии издат. „Молодая Гвардия", Ленинград. В. О., 5-я лин., 28; отпечатано во 2-й типографии Транспечати НКПС имени т. Лоханкова, Ул. Правды, 15, в колич. 20.000 экз. Ленинградский Гублит № 21190.

Управление делами ЦК ВЛКСМ
БИБЛИОТЕКА

504896

Библиотека АП РФ
2 010002 25225 1

ОТ ЦК РЛКСМ

Выпуская отдельным сборником речи и статьи Надежды Константиновны Крупской о молодежи, ЦК РЛКСМ выполняет давно назревшую потребность.

Сейчас же по своем возвращении из эмиграции Надежда Константиновна в первой же своей статье в „Правде“ ставит вопрос о подрастающем поколении. По праву Н. К. должна считаться одним из пионеров юношеского движения в России. Ее статьи в 1917 г., ее примерный устав Союза рабочей молодежи, непосредственная работа в Ленинграде, письмо в Москву— первые камни в фундамент РЛКСМ. Эти ее выступления собраны в первом разделе сборника „1917 год“.

Второй отдел сборника посвящен непосредственно вопросам коммунистического воспитания. Уже в 1919 г. в письме к молодежи (помещенном в „Юном Коммунисте“) т. Н. К. ставит вопрос о постановке воспитания.

Наиболее важные выступления ее относятся к периоду окончания гражданской войны, когда в работе Союза ясно обозначились большие недочеты и из'яны. Н. К. резко ставит, особенно в своей брошюре „РКСМ и бойскаутизм“, вопрос о необходимости серьезнейшего изменения методов союзной работы. Не со всеми ее мыслями и предложениями Союз соглашался, но бесспорно, что в выработке „нового курса“ работы ее брошюра и статьи сыграли большую службу для движения.

Те мысли, которые впервые развил на нашем III с'езде Владимир Ильич, в выступлениях Н. К. нашли свою дальнейшую проработку.

Сейчас, когда перед Союзом, выросшим за последние годы в несколько раз, вобравшим совершенно новые, свежие слои молодняка, самым серьезнейшим образом стоит задача воспитания этих комсомольцев в духе ленинизма,—более, чем когда-либо, книга Н. К., в которой каждая строка так или иначе ставит вопрос о методах и путях ленинского воспитания молодежи, явится огромным подспорьем, лучшим пособием и советом.

В особой рубрике собраны высказывания Н. К. по вопросу о труде подростков, их реорганизации и школе рабочей молодежи.

Взгляды Маркса и Энгельса на роль детского труда популяризованы были Н. К. в ее написанной еще до революции работе „Народное образование и демократия“ и ряде статей. После победы революции одна из первых т. Крупская ставит вопрос о применении взглядов Маркса в жизни. В этом отношении для всякого читателя большой интерес представит проект Н. К. о создании школ рабочей молодежи, написанный ею в 1918 г.

Первый этап строительства школы рабочей молодежи в Советской России,—сперва как школы-клуба, потом как школы фабзавуча,—неразрывно связан с теми идеями, которые высказывала Н. К., с ее поддержкой и указаниями. Целый ряд из них ждет еще своего осуществления. И здесь каждый работающий сумеет многое почерпнуть из перепечатываемых нами статей.

Н. К. неоднократно указывала Союзу на недостаточное использование им методов бойскаутизма. Полемика, ведшаяся вокруг ее брошюры „РКСМ и бойскаутизм“, была толчком к организации пионерского движения. В особом отделе мы собрали все ее выступления по вопросам детского движения, начиная с критики опыта создания „юков“ в 1919 г.

С разрешения Н. К. мы перепечатываем несколько ее писем принципиального характера, направленных к работникам ЦК РЛКСМ. Особенно интересно ее письмо о методах работы с детьми, написанное еще до выпуска брошюры „РКСМ и бойскаутизм“.

* * *

То, что Союз больше всего ценит в т. Крупской, это умение ее критически, без лести, без лишних похвал подойти и правильно оценить нашу работу. Союз очень многие хвалят, и очень немногие умеют внимательно к нему присматриваться, видеть хорошие и дурные стороны, когда нужно—резко сказать правду. Таким лучшим советником и другом является для нас Надежда Константиновна.

Когда книга уже набиралась, она дополнена была несколькими новыми ее статьями о детском движении и докладом о ленинском воспитании на пленуме ЦК РЛКСМ.

Это—новый показатель того, что Н. К. изо дня в день следит за нашей работой, продумывает ее пути.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда, после долгих лет эмиграции, в апреле 1917 г. я вернулась в Россию и приехала в Ленинград, движение рабочей молодежи носило уже широкий размах. Я стала внимательно присматриваться к нему, ходить на собрания молодежи. Революционная волна захватила рабочую молодежь с необычайной силой. Она кипела, рвалась к борьбе, к новой жизни. Рабочая молодежь в то время была еще беспартийной, но это была рабочая молодежь, жившая одной жизнью с рабочим классом, и классовый инстинкт был у ней чрезвычайно силен, выявлялся во всех ее высказываниях, порывах, действиях. Когда рабочий класс сплотился около коммунистической партии, признал ее своею, и рабочая молодежь пошла за ней.

Этот 1917 г. связал меня особо крепкими нитями с рабочей молодежью, заставил принимать близко к сердцу все вопросы, касающиеся молодежи. По многим из них я высказывала свое мнение.

В данной книжке собраны эти мои высказывания. Я рада, если они хоть немного помогли молодежи в ее работе.

Н. Крупская.

КАК Я СТАЛА МАРКСИСТКОЙ

(Из воспоминаний)

Было это давно, тридцать один год тому назад. Мне было тогда 22 года, и я жаждала цельного мировоззрения. С раннего детства я слышала в семье разную критику существующих порядков и особенно действий царского правительства. В конце семидесятых и в самом начале восьмидесятых годов у нас бывал кое-кто из народовольцев. Помню 1-е марта. Тогда я чего-то ждала необычайного, от волнения не спала всю ночь. Помню и 3-е апреля — день казни первомартовцев. Потом потянулись тяжелые годы реакции. Умер отец, изменилась домашняя обстановка. Ниоткуда не слышала живого слова, в тогдашних книгах не находила ответа на волновавшие вопросы, и они глохли неразрешенные. Не знала, что читать: то читала книжку по истории воздухоплавания, то нидерландскую революцию Мотлея, то Реклю. Читала все, что попадется под руку, и читаемое не связывалось никак между собою, не захватывало жизни.

У меня была близкая подруга из очень радикальной семьи, и мы с ней часто говорили на политические и общественные темы, вглядывались в жизнь острыми глазами, но выйти на дорогу собственными усилиями не могли, а помочь нам было некому. Иногда в семье моей подруги собирались знакомые, все радикальная публика, среди них были и старые народовольцы, много пережившие. С любопытством и благоговением смотрела я на них, прислушивалась к их речам, но в этих речах слышалась лишь усталость. Пели „Дубинушку“, „Комарика“, „Из страны в страну“. А когда я спросила на такой вечерке одного старого народовольца, что надо делать, он стал мне развивать теорию „малых дел“.

— Не нужно гнаться за невозможным, не нужно стремиться перевернуть все в корне—это невозможно, надо не гнаться за недостижимым, а делать то, что под руками: хорошо учить, помогать людям.

Такая проповедь из уст старого народовольца, на фоне свирепой реакции, когда все было придушено, из уст человека, просидевшего не мало лет в тюрьме за борьбу с самодержавием, действовала угнетающе. Тоской веяло от его советов и от всех этих бывших людей; люди они были хорошие, но с вынутой душой. Я была подростком, но отлично видела это.

Нет, нельзя итти по пути первомартовцев. Из террора ничего не вышло, да и сами бывшие террористы не верят больше в него. Что же делать? Однажды я попала в кружок, группировавшийся около В. В. Водовозова. Речь шла об аграрных отношениях в Италии и о судьбах Ирландии. Я не пропустила ни одного слова и теперь помню еще, кто что говорил, но больше я в этот кружок не пошла: связь между аграрным вопросом в Италии и вопросом „что делать" тогда для меня не существовала. Была я еще раз в кружке литературном, на котором присутствовал Михайловский. Но речь там шла исключительно о ошекспировском „Макбете" и в этот кружок я не стала ходить. Когда я кончала гимназию, мне попался 13-й том Л. Толстого, том, где Л. Толстой подвергал жестокой критике существующий строй. Особенно сильное впечатление произвела его статья „О труде и роскоши". Может быть, в статьях Л. Толстого я вычитывала не совсем то, что он хотел сказать.

— А что, если пойти по пути, указываемому Л. Толстым, отказаться от всякого пользования чужим трудом, вообще начать с перевоспитания себя? Может, так скорее можно прийти к цели, к благу народа, чем путем террора?

Я стала принимать меры, чтобы перебраться в деревню, но дело это затягивалось. Коренной перемены жизни не выходило. В то время в помещении „Посредника" происходили собеседования толстовцев с радикалами; я была там раза два и ушла оттуда разочарованная. Я не могла принять толстовства в целом, с его непротивлением злу, с его религиозным миропониманием.

Осенью 1889 года открылись в Петрограде Высшие Женские курсы. Я поступила на них, надеясь получить там то,

что мне надо было. Я знакомилась с приехавшими из провинции курсистками. У них не было даже того отрицательного опыта, который был так обширен у меня. Они в большинстве своем просто стремились учиться. Взялась за ученье и я. Погрузилась в математику, в то же время ходила и на лекции филологического факультета. Но там приходилось слушать лишь Платонова по истории и Введенского по психологии. Конечно, все это плюс работа для заработка с'едало время, и к рождеству я уже твердо решила бросить курсы.

В это время моя гимназическая подруга познакомилась с кружком технологов, и у них в квартире стала собираться молодежь. Меня сразу же, с первого же дня, захватили новые интересы. Всех интересовали, и так же интенсивно, те же вопросы, что и меня.

После одного общего собрания (присутствовало на нем человек 40) решили разделиться на кружки. Я вошла (это было уже в начале 1890 года) в этический кружок. Собственно говоря, об этике в кружке разговора было мало, говорили об общих вопросах мировоззрения. В связи с занятиями в кружке пришлось мне прочитать книжку Миртова (Лаврова) „Исторические письма". Не отрываясь, с громадным волнением, прочла я эту книжку, — это была первая книжка, говорившая о тех вопросах, которые не давали мне покоя, говорила прямо о вещах, которые я так хотела знать. Курсы я бросила и вся отдалась новым впечатлениям. Впервые услышала я в кружке слово „Интернационал", узнала, что существует целый ряд наук, разбирающих вопросы общественной жизни, узнала, что существует политическая экономия, в первый раз услыхала имена Карла Маркса и Фридриха Энгельса, услыхала, что что-то известно о том, как жили первобытные люди, и что вообще существовало какое-то первобытное общество. Весной мы хоронили Шелгунова. Весной же я отправилась к С. Н. Южакову, бывавшему в семье моей подруги, и попросила его дать мне 1-й том „Капитала" Маркса и еще книг, которые мне будут полезны. Маркса тогда не выдавали даже в Публичной библиотеке и его очень трудно было достать. Кроме „Капитала" Южаков дал мне еще Зибера „Очерки первобытной культуры", „Развитие капитализма в России" В. В. (Воронцова), Ефименко „Исследование Севера".

Ранней весной мы с матерью наняли избу в деревне, я забрала с собой книжки, данные Южаковым. Все лето я усердно работала с хозяевами, местными крестьянами, у которых нехватало рабочих рук. Обмывала ребят, работала на огороде, гребла сено, жала. Деревенские интересы захватили меня. Проснешься бывало ночью и думаешь сквозь сон: „Не ушли бы кони в овес".

А в промежутках я столь же усердно читала „Капитал". Первые две главы были очень трудны, но, начиная с третьей главы, дело пошло на лад. Я точно живую воду пила. Не в терроре одиночек, не в толстовском самоусовершенствовании надо искать путь. Могучее рабочее движение—вот где выход.

Начинает вечереть, сижу с книгой на ступеньках крыльца, читаю: „Бьет смертный час капитализма: экспроприаторов экспроприируют". Сердце колотится так, что слышно. Смотрю перед собою и никак не пойму, что лопочет примостившаяся тут же на крыльце нянька-подросток с хозяйским ребенком на руках.

„По-нашему — щи, по-вашему — суп... по-нашему—челн, по-вашему — лодка... по-нашему — весло, не знаю уж как по вашему",—старается она растолковать мне, не понимая моего молчания. Думала ли я тогда, что доживу до момента „экспроприации экспроприаторов"? Тогда этот вопрос не интересовал меня. Меня интересовало одно: ясна цель, ясен путь. И потом, каждый раз, как взметывалась волна рабочего движения,—в 1896 г. во время стачки петербургских текстильщиков, 9 января, в 1905 году, в 1912 году во время ленских событий, в 1917, — я каждый раз думала о смертном часе капитализма, о том, что на шаг эта цель стала ближе. Думала об этом смертном часе капитализма и на 2-м С'езде Советов, когда земля и все орудия производства об'являлись собственностью народа. Сколько еще шагов осталось до цели? Увижу ли последний шаг? Как знать,—но это не важно! Все равно, теперь „мечта возможной и близкой стала". Она стала осязаемой. Неизбежность, неотвратимость ее осуществления очевидна для всякого. Агония капитализма уже началась.

Марксизм дал мне величайшее счастье, какого только может желать человек: знание, куда надо итти, спокойную уверенность в конечном исходе дела, с которым связала свою жизнь. Путь не всегда был легок, но сомнения в том, что он правилен, никогда не было. Бывали, может быть, ошибочные шаги, иначе

и быть не могло, но ошибки поправлялись, а движение шло широкой волной к цели...

Кроме „Капитала" я прочла и все другие книжки, данные мне Южаковым. Много дал мне Зибер („Очерки первобытной культуры"). Я кончила гимназию, педагогический класс, была некоторое время на курсах—и никогда не слышала о движущих силах истории, не слышала и о жизни первобытного общества. Передо мною открывались совершенно новые горизонты. Конечно, марксистка тогда я была еще я очень первобытная. Сделалась я ею лишь зимой 1890—91 г.

Осенью, когда с'ехалась учащаяся молодежь, возобновилась кружковая деятельность. Было организовано так называемое „Всероссийское землячество", насчитывавшее в Питере около 300 членов. Каждый кружок посылал своего представителя в центральную организацию. В этой центральной организации говорилось исключительно о формах организации студенчества, о студенческих библиотеках и проч. Рассадником марксизма был Технологический институт. Там было два уже вполне сложившихся марксиста — студенты старших курсов Бруснев и Цывинский. Они и направляли чтение студенческой молодежи Технологического института в марксистское русло, направляли ее внимание на рабочее движение. В университете процветал так называемый легальный марксизм, не столько интересовавшийся рабочим движением, сколько формами хозяйственного развития, которые ему представлялись какими-то самодовлеющими. Хозяйственные формы развиваются в определенном направлении, совершенно независимо от воли и участия людей. Капитализм обречен на гибель, на известной стадии развития эта гибель неизбежна, но для этого не надо устраивать никаких революций, рабочим не надо вмешиваться в этот об'ективный процесс развития.

В Военно-медицинской академии процветало народничество.

Я вошла в марксистский кружок. Еще раз я прочитала „Капитал", на этот раз уже гораздо основательнее. Прочитанное перерабатывалось и обсуждалось в кружке. У нас был на руках написанный вопросник, который значительно помогал работе. Параллельно я ходила в Публичную библиотеку и перечитала все, что было там из имевшего отношение к марксизму. Читались, главным образом, старые журнальные статьи да изложение „Капитала" Зибера. Литература тогда по марксизму

была крайне бедна. Не было переведено из Маркса ничего, кроме „Капитала“, даже „Коммунистического Манифеста“ не имелось; ничего не было переведено из Энгельса. „Происхождение семьи, собственности и государства“ Энгельса читалось по каким-то рукописным тетрадкам; в них не хватало середины и конца. Чтобы перечесть „Анти-Дюринга“, я засела за немецкий язык и не пожалела потраченного времени.

Мне хотелось поскорее принять активное участие в рабочем движении. Сначала я попросила дать мне кружок рабочих наших технологов, но связи у них с рабочими были в то время не велики, и кружка мне дать не сумели. Попыталась было получить кружок у народовольцев, но тут у меня потребовали принадлежности к партии Народной Воли. Я не могла отказаться от марксизма. Тогда я решила завязать связи через воскресно-вечернюю школу Варгунина, за Невской заставой. Школа эта помещалась в селе Смоленском, в самом центре рабочего района, и вместе с женской и Обуховской школой вмещала около 1.000 учеников-рабочих разной подготовки, начиная с безграмотных.

В этой школе я проработала 5 лет, завязала очень большие связи, близко узнала рабочую жизнь, рабочих. Тогда были еще такие нравы, что приехавший инспектор закрывал повторительную группу за то, что там проходились дроби, когда по программе полагалось лишь 4 правила арифметики, что рабочего выселяли по этапу на родину за употребление в разговоре с управляющим выражения „интенсивность труда“ и т. д. И тем не менее в школе можно было работать. Можно было говорить, что угодно, не употребляя лишь страшных слов: „царизм“, „стачка“, „революция“. И мы (на следующий год в школу поступило еще несколько марксистов) старались, не поминая имени Маркса, раз'яснять ученикам марксизм. Меня удивляло, как легко было, стоя на почве марксизма, об'яснять рабочим самые трудные вещи. Вся жизненная обстановка подводила их к восприятию марксизма. Смотришь, придет из деревни осенью паренек. Сначала, во время уроков „по географии“ и „русскому языку“, затыкает уши и читает ветхий или новый завет Рудакова, а, смотришь, к весне уже бежит после занятий в школе в кружок, о чем намекает с многозначительной улыбкой. Скажет какой-нибудь рабочий на уроке „географии“: „кустарные промыслы не могут выдержать кон-

куренции с крупным производством", или спросит: „какая разница между архангельским мужиком и иваново-вознесенским рабочим", и уже знаешь, что этот рабочий входит в марксистский кружок, и он знает, что он этой своей фразой показал, что он „сознательный", и устанавливается тогда между нами особая какая-то связь, точно он пароль какой сказал. Потом уже приходит каждый раз поклониться по-особенному: „Ты, мол, наша". Но и не ходившие в кружки, не умевшие еще формулировать „разницы между архангельским мужиком и иваново-вознесенским рабочим", относились к нам, учительницам, как-то особенно заботливо и любовно.

— Вы книжек сегодня не раздавайте, — предупреждает какой-нибудь ученик, хотя раздаваемые книжки обычно библиотечные,—тут новый пришел, кто его знает: в монахах ходил. Мы про него разузнаем.

— При этом черном ничего не говорите, он в охранку шляется,—предупреждает пожилой рабочий, церковный староста, неодобрительно относящийся к непочтительной к старшим молодежи, и все же считающий необходимым предупредить учительницу.

Уходит ученик в солдаты и перед отъездом приводит своего приятеля с Путиловского завода.

— Далеко ходить, по вечерам ходить не может, а по воскресеньям пусть на „географию" ходит.

Эти пять лет, проведенные в школе, влили живую кровь в мой марксизм, навсегда спаяли меня с рабочим классом.

86433

I. ПЕРВЫЙ ЭТАП

СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

Буржуазные педагоги очень много говорят и пишут о необходимости „гражданского воспитания" молодежи, при чем под гражданским воспитанием они понимают воспитание уважения перед частной собственностью, перед существующими государственными порядками, воспитание в духе шовинизма (или, как они говорят, патриотизма), презрения к чужим нациям и т. д. Чтобы укрепить все эти чувства в детях, они стараются устраивать всякого рода союзы молодежи, в роде „бой-скаутов", в которых молодежь с ранних лет могла бы упражняться в этих чувствах. Дети рады, что им дается возможность приложить к чему-нибудь свои силы, проявить свою активность, ловкость, сообразительность, и совершенно не замечают и не понимают, какой яд вливают при помощи этих союзов в их души. Это—яд буржуазного мировоззрения, буржуазной морали. Это—яд, который делает молодежь неспособной принять участие в великом освободительном движении пролетариата, в движении, которое освободит весь мир от гнета эксплоатации, уничтожит деление на классы и даст всему человечеству возможность счастливого существования. Результаты такого гражданского воспитания мы видели у нас в России, в Питере, когда учащихся средних учебных заведений вовлекли в демонстрацию в защиту Временного Правительства, и, окруженные враждебной рабочему классу толпой, они шли среди котелков и разряженных дам и присоединились к тем, кто говорил о том, что Ленин при помощи немецких денег подкупил рабочих, кто ругал социалистов мерзавцами, кто избивал ораторов за то, что они имели мужество в враждебно-настроенной толпе открыто выражать свои мысли Молодежь уверили, что она исполняет свой гражданский долг, демонстрируя с этой враждебной рабочему классу толпой.

Не всякий союз молодежи хорош; есть союзы молодежи, которые, может быть, доставляют много удовольствия детям, но которые развращают их.

Есть другое „гражданское воспитание". Это гражданское воспитание, которое дает рабочей молодежи жизнь. Она воспитывает в них великое чувство пролетарской классовой солидарности, делает для них близким, дорогим, полным глубокого смысла лозунг: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь", ставит их в ряды борцов „за братский мир, за святую свободу". Рабочая молодежь всех стран образовывает свои пролетарские союзы молодежи. Они об'единены в единый „Интернационал молодежи", который идет рука об руку с рабочим классом, ставит себе те же цели. Интернационал молодежи не распался во время войны. И среди кровавой бойни он призывал рабочую молодежь всех стран в свои ряды, звал к борьбе. Германской секцией Интернационала молодежи долгое время руководил Карл Либкнехт, так мужественно выступивший против теперешней грабительской хищнической войны, открыто бросивший упрек в лицо правительству собственной страны и приговоренный за это к каторге.

Когда вслед за женской международной конференцией в 1915 году была созвана международная конференция рабочей молодежи, от Российской секции Интернационала молодежи не могло быть правильного представительства. Не могло быть потому, что при самодержавии рабочие и работницы-подростки не могли создать правильной оформленной организации, и потому еще, что война так затруднила сношение между странами, что не было возможности снестись с Россией. Но Ц.К. Р.С.-Д. Р.П. послал на эту конференцию своего делегата *), чтобы заявить от имени рабочей молодежи России, что она всем сердцем с рабочей молодежью всех стран, что она идет с ней под общим знаменем Интернационала. И Ц.К. не ошибся; это доказали заводские ученики и ученицы Петрограда, уже об'единившие в своих рядах около 50 тысяч.

Они положили начало Российской секции „Интернационала молодежи", они зовут к об'единению всю рабочую молодежь, не только работающую на фабриках и заводах, но и ремесленных учеников, и учениц, и торговых мальчиков, и маленьких

*) Тов. Инессу Арманд и Г. Сафарова.

газетчиков, всех тех, одним словом, кто с юных лет вынужден продавать свою рабочую силу. Они зовут присоединиться к ним рабочую молодежь Москвы, Московской области, Екатеринослава, Харькова, словом, всей России. Они зовут их всех к борьбе за лучшее будущее, к борьбе за социализм.

Да здравствует Российская секция молодого Интернационала!

„Правда" № 57.
Воскресенье, 27 мая 1917 г.

БОРЬБА ЗА РАБОЧУЮ МОЛОДЕЖЬ

За кем рабочая молодежь,—за тем будущее. Зная это, социалисты всех стран идут в среду юношества и ведут там свою пропаганду. Они идут туда с открытым забралом, не скрывая своих взглядов и того, кто они. Они ясно и определенно говорят, чего они хотят, говорят, за что они борются. Они говорят рабочей молодежи: вы—дети пролетариата, вам предстоит впереди тяжелая борьба. Чтобы победить в этой борьбе, надо быть сознательными, организованными, ясно видеть, куда идешь. И чем раньше поймете вы, в чем задачи пролетариата, тем лучше. Работая на фабриках, на заводах, вы и теперь волей-неволей, самой жизнью вовлечены в классовую борьбу пролетариата, вы не можете от нее оторваться, не изменив классовой солидарности. Юношеские социалистические организации в Западной Европе представляют собой пролетарские организации, и их газеты и журналы носят вполне определенный политический характер.

Буржуазные партии хотят отвлечь рабочую молодежь от партии пролетариата, ослабить классовый характер их организации.

Но прямо, открыто звать к этому они не смеют; они знают, что, сделай они это прямо, рабочая молодежь просто отвернулась бы от них. И потому они идут к молодежи не под видом членов той или иной партии, а чаще всего просто под видом добрых, сочувствующих молодежи людей. Пользуясь доверчивостью молодежи, они стараются прежде всего приобрести их расположение, они прямо не говорят, что рабочая партия плоха, но говорят: „Товарищи, вы еще не зрелы, вам рано еще заниматься политикой, рано навешивать на себя ярлык, надо сначала поучиться, приобрести знания, и только тогда вы можете сознательно решить, к какой партии вы принадлежите, не давайте влиять на себя, охраняйте свою индивидуальность, независимость".

И часто товарищи подростки идут навстречу этим призывам, чувствуя, как мало они знают, как много им надо еще

учиться, они считают, что говорящий так—прав. Они не замечают, какая грубая лесть заключается в этих словах. „Охраняйте свою духовную независимость". Разве человек малознающий может охранить свою духовную независимость? Ему предлагают вместо политики заниматься историей, литературой и пр. Но в каждой исторической книжке, в каждой истории литературы отражается мировоззрение того, кто эту книжку написал. В историческую книжку, написанную буржуазным писателем, вложены мысли этого буржуазного писателя, и они влияют на того, кто эту книжку читает. Значит, и при помощи исторических или литературных книжек можно тоже оказать влияние на малознающего юношу.

Не разбираясь в окружающем, он и не заметит этого влияния. Буржуазия так и старается чаще всего повлиять на молодежь, не прямо, не открыто, а тайком.

И такое влияние самое худшее. Тот, кто говорит: „Вам рано заниматься политикой, не давайте никому влиять на себя", в сущности говорит: „Не давайте влиять никому на себя, кроме меня и моей партии".

Организация молодежи в России только складывается. Первые шаги самые важные, самые ответственные. От них в значительной степени зависит то, по какому пути пойдет все движение: будет ли организация молодежи в России организацией пролетарской, пойдет ли она рука об руку с рабочей организацией своей страны и с Интернационалом молодежи и будет ли издавать свой пролетарский орган, где простым, понятным языком будут обсуждаться все вопросы экономической и политической борьбы, или же организация рабочей молодежи оторвется на время от рабочего движения, станет издавать орган культурно-просветительного характера, с сильно выраженным буржуазным влиянием, где будут обсуждаться разные отвлеченные вопросы. В первом случае Петроградской организации рабочей молодежи предстоит, вероятно, почетная роль—сплотить около себя всю рабочую молодежь России, во втором—наделать ряд ошибок и на время задержать развитие организации. Мы не сомневаемся, что революционная пролетарская молодежь Петрограда пойдет по первому пути.

„Правда" № 59.
Среда, 30 мая 1917 г.

ПИСЬМО В МОСКВУ

От 30 мая 1917 г.

Дорогие товарищи!

Получила через „Правду“ ваше письмо и пользуюсь оказией, чтобы переслать вам ответ, ибо письма идут непомерно долго. Расскажу о положении дел в Петербурге. Среди учащихся средних учебных заведений ведется очень определенная буржуазная пропаганда со специальным натравливанием на большевиков. Учащиеся принимают участие в кадетских демонстрациях за Временное Правительство и т. д. Из всей массы учащихся средне-учебных заведений выделился лишь сравнительно небольшой „Союз социалистической молодежи“. Туда входят и социал-демократы, и анархисты, и эс-эры. Считают они в своих рядах несколько сот, но активных членов—человек 100, из них большевиков человек 6 -10. Адрес их Ц.К. такой: Владимир Абр. Тартаковский, Таврическая, 11, кв. 6, Петроград. Рабочая молодежь сорганизовалась отдельно; под влиянием местной организации считают они сорганизованной рабочей молодежи тысяч 50. Каждый район сорганизовался отдельно. Каждый завод посылает своего делегата в районный комитет молодежи. Всех районов 8 (не все районы еще сорганизованы, вообще-то их в Петрограде больше). Каждый район из своей среды посылает делегатов в Центральный Совет Юношества. Надо сказать, что в Петрограде молодежь ведет энергичную работу, среди них много сильной публики, много здорового пролетарского инстинкта, но не знают они еще меры своих сил. Затребовал от них Совет Раб. и Солд. Деп. устав. Чтобы писать устав, нужен опыт; советчиком к ним попал какой-то нелепый тип, мнящий себя великим писателем, не то эс-эр, не то просто либерал. И соорудили они нелепый устав,

при чем, когда пришлось с ними говорить, вложили они в него совсем не то, что там написано. Есть еще и другое — не знают меры своих сил. Если кто будет судить по уставу, отнесется к Петроградскому Союзу молодежи отрицательно, но все это дело поправимое, и питерская молодежь стоит на правильном пути. Скоро выпустим в книгоиздат. „Прибой“ брошюру по вопросу, как организоваться рабочей молодежи.

Думаю, что рабочей молодежи и учащимся надо пока что организовываться отдельно. Тем из учащихся, которые вполне разобрались в партийных вопросах, следует входить в союзы рабочей молодежи и работать там, но стремиться слить организацию учащейся и рабочей молодежи не следует, у них разная среда, разные интересы, возникает много недоразумений, не вполне определившаяся публика из учащихся будет вносить нежелательный дух в рабочие организации. Организациям рабочей молодежи придавать чисто партийный характер не следует, так как в такие организации необходимо втянуть самые широкие слои рабочей молодежи. Молодежь очень старательно охраняет свою независимость, боится навязывания каких-либо взглядов со стороны и проч. Из этой здоровой боязни вытекают часто наивные задачи, которые она себе ставит. Например, петроградская рабочая молодежь собирается выработать свою собственную программу. Конечно, в ходе работы найдена будет мера сил, по существу же стремление к независимости во взглядах—стремление здоровое. Очень обяжете, товарищи, если будете писать подробно, как обстоит дело с организацией рабочей молодежи в Москве.

КАК ОРГАНИЗОВАТЬСЯ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ *)

Со всех концов России в „Правду“ обращаются с запросами, как организоваться рабочей молодежи. Желание организоваться у молодежи горячее, но так как дело это новое, то молодежь часто не знает, как за него взяться, ставит себе слишком широкие, „например, выработать самостоятельно какую-то программу партии“, то слишком узкие, наприм., чисто культурно-просветительные цели. Для того, чтобы организация пошла по правильному пути, надо выработать общий устав, обсудить его сообща на делегатских и др. собраниях молодежи, потом дружно проводить его в жизнь. Устав надо принимать не торопясь, хорошенько обдумать все, потому что, если какая-нибудь организация поторопится, примет неудачный устав, это затруднит дело слияния рабочей молодежи России в один общий союз. И в партиях уставы принимаются обдуманно, общими собраниями, после обсуждения разных проектов, взвешивается каждое слово, каждый параграф.

Для молодежи это дело особенно трудное, так как знания у молодежи еще мало, знакомства с уставами разных партий нет, выражаться точно она не привыкла. Чтобы помочь рабочей молодежи выработать общий устав, предлагаю обсудить такой проект его.

---

*) Эта статья Н. К. Крупской, помещенная в „Правде“ № 75, 20 июня 1917 г. („Правда“ была единственной газетой в 1917 г., помещавшей статьи о движении молодежи), играла очень большую роль для развития нашего союза: целый ряд организаций создался и оформился под влиянием этой статьи.

Устав Союза Рабочей Молодежи России.

§ 1. Рабочая молодежь всей России, все мальчики и девочки, юноши и девушки, живущие продажей своей рабочей силы, какой бы веры они ни были, на каком бы языке ни говорили, организуются в один „союз рабочей молодежи России".

Что в союз входят подростки без различия пола, религии и национальности, необходимо непременно оговорить, а то союз молодежи какого-нибудь города может вдруг постановить, что не надо принимать девочек или латышей, поляков или евреев, татар и т. п. Это повредит делу об'единения и будет нарушением принципа братства всех трудящихся.

§ 2. „Союз рабочей молодежи России" ставит себе целью подготовлять из своих членов свободных, сознательных граждан, достойных участников той великой борьбы, которую им предстоит вести в рядах пролетариата за освобождение всех угнетенных и эксплоатируемых от ига капитала.

Эту цель необходимо подчеркнуть. Это—великая цель, которая воодушевляет рабочих всего мира. Не может она не воодушевлять и молодежь, которая так отзывчива на все великое, честное, хорошее. Не может она не воодушевлять в особенности молодежь России, которая так недавно еще была свидетельницей, а отчасти и участницей революции. Нельзя быть пролетарской организацией, не ставя себе этой цели.

§ 3. Так как Интернационал молодежи, куда входит рабочая молодежь всех стран, ставит себе ту же цель и так как „союз рабочей молодежи России" верен лозунгу „Пролетарии всех стран, об'единяйтесь", то он примыкает к Интернационалу молодежи, об'являет себя секцией (частью) этого Интернационала.

Буржуазные правительства вовлекли рабочих в грабительскую, братоубийственную войну, натравили рабочих одной страны на рабочих другой, заставили их стрелять друг в друга, резать друг другу глотки. Рабочая молодежь не может сочувствовать этому. Ее лозунг—„Братство всех народов". Поэтому в своем уставе „союз рабочей молодежи России" должен подчеркнуть свою братскую солидарность с рабочей молодежью других стран.

§ 4. Чтобы быть полезными борцами за рабочее дело, рабочей молодежи нужны силы, здоровье.

С этой целью рабочая молодежь должна: а) вести уже теперь борьбу за охрану детского труда, требовать 6-час. рабоч. дня, здоровых условий труда, отмены ночной работы подростков, медицинской помощи и проч., б) вести борьбу за повышение заработной платы, где она недостаточна, для того, чтобы дать молодому рабочему или работнице возможность есть сытную, здоровую пищу, жить в чистом, теплом, сухом помещении и проч., в) так как эту борьбу подростки могут вести только при поддержке взрослых рабочих, а с другой стороны, и взрослые нуждаются в их поддержке, то подростки должны посылать своих выборных в советы старост, вступать в профессиональные союзы и вообще итти рука об руку со взрослыми рабочими в борьбе за улучшение своего экономического положения.

§ 5. Чтобы быть сознательными борцами за лучшее будущее, молодым рабочим и работницам нужно как можно больше знаний. Поэтому: а) „союз рабочей молодежи России" требует всеобщего дарового обязательного обучения до 16-и лет, б) устройство библиотек, читален, курсов, научных кинематографов и проч., в) рабочая молодежь сама, не медля же, берется за организацию кружков самообразования, летучих библиотек, клубов, экскурсий и проч...

Все эти занятия должны быть направлены так, чтобы они служили основной цели, будили классовое самосознание молодежи, давали ей возможность разобраться в окружающей действительности при происходящих событиях, давали возможность судить, опираясь не только на чужие слова, но и на собственные знания.

§ 6. Рабочей молодежи нужны не только знания, но и умение организовываться. Самостоятельные союзы рабочей молодежи являются лучшим средством выработать организационные навыки. Поэтому все кружки самообразования, клубы, читальни и проч., не говоря уже о самой организации, должны быть построены на основах самоуправления, должны давать возможность широкого развития самодеятельности.

Сознательность и привычка в организации необходимы рабочей молодежи для того, чтобы она могла с честью выполнять те великие задачи, которые возложат на нее разгорающиеся мировые события.

ПАРТИЯ И ДВИЖЕНИЕ МОЛОДЕЖИ

(Доклад на 2-й Ленинградской конференции Р.С.-Д.Р.П. (б.) 3 июля 1917 г.).

Тов. Крупская в своем докладе указала собранию, что вопрос об организации молодежи — важный вопрос, не разрешенный до сих пор не только у нас, но и на Западе. По последнему подсчету Международного Социалистического Бюро в 1915 г. на 17 стран насчитывалось около 120.000 организованной молодежи, находящейся под социальным влиянием. Между тем буржуазные организации молодежи насчитывают значительно большее количество организованных членов. На конгрессе 1915 г. указывалось на недостаточную самостоятельность организации молодежи. Только в пяти странах организациями управляла сама молодежь, в остальных же управление принадлежало взрослым, которые вырабатывали весь план занятий молодежи. К этим странам относится и Германия, где организациями молодежи руководила партия, выделяя для этого комитеты из партийных членов. Этим об'ясняется, почему организация молодежи не приняла в этих странах массового характера.

Переживаемый революционный момент привел Петроградскую рабочую молодежь к сознанию необходимости создать свои организации. Наши организации молодежи насчитывают до 50.000 организованных по районам членов. Организация поставлена таким образом: представители от заводов образуют районные комитеты, представители районных комитетов избирают на $1^1/_2$ месяца Центральный Комитет. Всю эту организационную работу молодежь провела самостоятельно. Дав ей право на самодеятельность, партия совершенно не обращала внимания на эту организацию.

Это дало возможность втереться в Центральный Комитет организации типу из „Маленькой Газеты“, окружавшему себя ореолом таинственности и беспартийности. Этот тип, которого они выбрали делопроизводителем Центрального Комитета, пишет им уставы, статьи, программы. Классовый инстинкт подсказал молодежи недопустимость линии, проводимой их делопроизводителем, и среди них раздается определенный протест против него. Классового самосознания у молодежи еще нет, но классовый инстинкт сказывается в их действиях сильно. В духе этого пролетарского инстинкта и раздаются горячие речи их ораторов, которых среди них довольно много. Кто слышал 1-го мая речи 13—14-летних юношей, тот не усумнится, как сильно в них сказывается этот пролетарский инстинкт. Во всех странах буржуазия старается оторвать молодежь от рабочих. В Германии, например, молодежь до 18-и лет не имеет права участвовать на политических собраниях. Буржуазный писатель (Кершенштейнер) доказывал, что для охлаждения юношества необходимо подчинить его влиянию вождей, т. е. оппортунистов германской с.-д. партии. Связь между организациями молодежи и взрослых несомненно должна быть самая тесная.

Но, принимая во внимание то обстоятельство, что активную роль молодежь будет играть только в своих юношеских организациях и что активность имеет более воспитательное значение, надо давать им полную самодеятельность в их организациях. Благодаря тому, что мы оставили свою молодежь без внимания, она наделала много ошибок при выработке своего устава. Например, от вступающего в союз требуется „хранить свою беспартийность до совершеннолетия“. Контакт между партийными организациями и организациями молодежи должен быть самый близкий. Мы должны рекомендовать заводам внимательное отношение к заводской молодежи. На одном заводе Выборгской стороны совет старост отказался принять представителя от союза молодежи. Юноши отправились искать правды в Исполнительный Комитет Совета. Чхеидзе их приветствовал, но помочь им отказался. Дружеское отношение к молодежи необходимо, иначе молодежь отойдет от нас. Считаясь с уровнем знания и понимания нашей молодежи, мы не можем настаивать на партийности союзов молодежи, пусть их организации будут беспартийными. Наша

задача помочь молодежи в ее работе и помочь ей осознать, что такое партия, какова ее роль и организация.

Союз Выборгской стороны образовал 8 научных, довольно мудреных секций, спор о которых показал, что молодежь стоит на здоровой пролетарской почве. Мы можем влиять на молодежь, но навязывать ей определенные организационные формы мы не должны. Сейчас они приняли, под влиянием их делопроизводителя Шевцова [1]), устав чисто буржуазной организации, но пролетарский инстинкт молодежи заставляет ее толковать этот устав совершенно иначе, и надо дать их отношению к уставу перебродить... Достаточно, что по духу их организация является чисто пролетарской, связанной с Интернационалом молодежи. Нашей задачей является создание из молодежи активных сознательных работников.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Шевцов, именуя себя либералом, втерся в организацию рабочей молодежи Ленинграда „Труд и Свет", в которой был одним из руководителей. Будучи проводником буржуазной идеологии, Шевцов пытался отвлечь рабочую молодежь от участия в классовой борьбе, проводя исключительно „культурничество" в организации. В манифесте „Труд и Свет", составленном им, говорится: „Пусть наши отцы позаботятся о дальнейшей победе над буржуазией, а молодежи нужно в первую очередь учиться". Предлагал красный флаг заменить голубым, мотивируя тем, что молодежи подходит голубой цвет, как символ весны, соответствует цвету студенческих фуражек, эмблеме знания, и подходит под цвет синих блуз. Также проводил идею, что молодежь должна быть беспартийной. Всячески противился устройства демонстраций, предпринятых для защиты экономических интересов и направленных против временного правительства (3—5 июля)

II. ВОПРОСЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

ПОДГОТОВКА ЛЕНИНЦА

(Речь на VI с'езде РЛКСМ).

Товарищи, 30 лет тому назад в своей брошюре „Что такое друзья народа" Владимир Ильич сочувственно приводил стихотворение Лессинга [1]): „Кто теперь станет читать Клопштока [2]), а между тем все его хвалят. Мы хотели бы, чтобы нас меньше прославляли и чтобы нас больше читали". Вот эта цитата, в которой говорится, что мы бы хотели, чтоб нас не столько прославляли, сколько читали, я думаю, может быть отнесена и к В. И. Часто в разговоре он с сожалением употреблял презрительное слово—икона, когда речь заходила о каком-нибудь старом революционере, который не имел уже никакого влияния, слова которого не влияли никак на действия массы, но которого окружали почетом и всячески превозносили. В. И. говорил: „Что же, это уже икона", и в его сочинении есть цитаты, в которых он говорит, что икона—это нечто такое, чему надо помолиться, поклониться, перед чем надо перекреститься, но что никак не влияет на действия людей.

Ленина не надо превращать в икону. Надо, чтобы его идеи служили бы руководством к действию. Эта мысль, мне кажется, должна быть руководящей идеей у тех комсомольцев, которые хотят стать ленинцами.

Вы, товарищи, хотите стать ленинцами, для этого вам надо научиться служить делу освобождения трудящихся, служить делу коммунизма.

В довоенные времена, в период мирного развития, в тех странах, где социализм был допускаем, там часто социалисты считали, что им достаточно иметь партийный билет, выписывать социалистическую газету, посещать собрания, чтобы быть членом партии. Мы, конечно, так не можем смотреть на это.

Мы живем в такую эпоху, когда мы уже ясно понимаем, что личная жизнь не может отделяться от общественной жизни. Это в прежние времена, может быть, было неясно, что такой разрыв между личной и общественной жизнью ведет к тому, что рано или поздно человек изменяет делу коммунизма. Мы должны стремиться к тому, чтобы нашу личную жизнь связать с делом борьбы, с делом строительства коммунизма.

Это, конечно, не значит, что мы должны отказаться от личной жизни. Партия коммунизма—не секта, и поэтому нельзя проповедывать такой аскетизм. Мне пришлось на одной фабрике слышать, как работница говорила, обращаясь к работницам: „Товарищи работницы, вы должны помнить, что раз вы вступаете в партию, вы должны отказаться от мужа и от детей". Конечно, так нельзя подходить к делу. Дело не в том, что надо отказываться от мужа и детей, а в том, чтобы из детей воспитать борцов за коммунизм, сделать так, чтобы и мужа сделать таким же борцом. Надо уметь сливать свою жизнь с общественной жизнью. Это не аскетизм. Напротив того, благодаря такому слиянию, благодаря тому, что общее дело всех трудящихся становится личным делом, благодаря этому, личная жизнь обогащается. Она не становится беднее, она дает такие яркие и глубокие переживания, которых никогда не давала мещанская семейная жизнь. Вот уметь слить свою жизнь с работой на пользу коммунизма, с работой, с борьбой трудящихся за строительство коммунизма—это одна из задач, которая перед нами стоит. Вы—молодежь, вы только что начинаете строить свою жизнь, и вы можете построить ее так, чтобы не было разрыва между личной жизнью и жизнью общественной.

Товарищи, Владимир Ильич писал, что не может быть революционного движения без революционной теории. Над выработкой этой революционной теории он много работал. Ясно поставленная цель, углубленное понимание цели, определение путей к этой цели, это—то, что необходимо каждому революционеру, потому что если он не будет ясно видеть, куда надо итти и какими путями итти, как бы горячо он ни относился к своей работе, он постоянно будет впадать в ошибки.

Ясно понимать цель, ясно видеть путь — необходимо для того, чтобы уметь в своей деятельности различать основное от второстепенного. Вот у В. И. было это умение: различать

основное от второстепенного. Во время борьбы, во второстепенном иногда можно уступить для того, чтобы завоевать основное. Оппортунисты отличаются от революционеров тем, что они уступают важное, основное, забывают о цели, отказываются от нее. И вот мы видим, как на протяжении своей деятельности Владимир Ильич боролся с этим оппортунизмом, с этим неумением отстоять основное, принципиальное. И есть другая ошибка: если человек не отличает основного от второстепенного, он часто дает себя оглушить революционной фразой. Борьба с революционной фразой также проходила красной нитью через всю деятельность Владимира Ильича.—Революционная теория не догма,—говорил Владимир Ильич. Это руководство для действия, руководство для работы. И вот с этой точки зрения и надо подходить всегда к теории. В настоящую минуту изучение революционной теории нам всем чрезвычайно нужно. СССР в смысле экономического развития—страна отсталая, и поэтому в ней много прослоек пролетариата. Есть передовые слои пролетариата, работающие в крупной промышленности, есть более отсталые, есть ремесленники, степень классовой сознательности у разных групп очень различна. И потому устами не каждого пролетария пролетарская истина глаголет. Надо уметь отличать передовую идеологию пролетариата, и поэтому для молодежи чрезвычайно важно внимательное изучение революционной теории.

Не надо слепо принимать все на веру: у каждого должна быть своя голова на плечах. Поэтому надо все основательно продумать, самому все основательно проверить. Это одна из задач молодежи, одна из задач комсомольцев, которые хотят стать ленинцами. Владимир Ильич говорил, что теория дает руководство к действию. И действительно, только благодаря тому, что он руководился революционной теорией, он умел нащупывать ту ближайшую цель, к которой надо в данную минуту стремиться.

Ясное понимание цели и путей ее достижения дает революционеру должный закал. Оно укрепляет его решимость в момент наступления. Оно не дает ему впадать в панику в момент отступления. „Мы должны быть всегда готовыми ко всему“,—писал В. И. еще в 1902 г. в своей брошюре: „Что делать“. Мы должны быть готовыми и к периодам революционного затишья, и к порывам революционного взрыва.

„Мы должны быть готовы на все,—писал В. И.,—начиная от спасения чести, престижа и преемственности партии в момент наибольшего революционного „угнетения" и кончая подготовкой, назначением и проведением всенародного вооруженного восстания."

Надо уметь итти на компромиссы, если они неизбежны. „Задача истинно революционной партии,—писал В. И. в сентябре 1917 г. в газете „Рабочий Путь",—не в том, чтобы провозгласить невозможный отказ от всяких компромиссов, а в том, чтобы через все компромиссы, поскольку они неизбежны, уметь провести верность своим принципам, своему классу, своей революционной задаче, своему делу подготовки революции и воспитания масс народа к победе революции".

Конечно, итти на компромиссы не всегда приятно. В. И. любил цитировать Чернышевского [3]), который говорил: „Политическая борьба не тротуар Невского проспекта". Приходится и по грязи ходить иной раз.

Не любил В. И. фразерства, хвастовства, требовал от революционера, от члена партии самой напряженной работы.

Эта работа часто неприятная, будничная, но от нее не может отказываться революционер, для дела нужна не только эффектная, но и повседневная будничная работа.

„От неверия в черную работу, медленную, трудную, тяжелую, люди впадают в панику и ищут легкого выхода",—писал В. И. тов. Мясникову [4]).

Работать не покладая рук для достижения поставленной цели, не падать духом—таков завет Ильича.

Нужно связать свою жизнь с работой для дела коммунизма руководиться революционной теорией, трезво смотреть жизни в глаза, не бояться упорной работы, тогда вы сумеете стать ленинцами.

Товарищи комсомольцы, вся жизнь у вас впереди, вы живете в момент громадного социального сдвига, берите же знамя Ленина и, идя нога в ногу с массами, впереди масс, идите к великой цели.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Лессинг Ф.—немецкий писатель, поэт и философ XVIII ст. по своим взглядам—представитель тогдашней революционной буржуазии.

[2]) Клопшток—немецкий писатель и драматург XVIII ст.

[3]) Чернышевский, Николай Гаврилович—крупнейший представитель русского народничества 60-х гг., чрезвычайно талантливый и образованный экономист и публицист. С большой похвалой и уважением о Чернышевском и его работах отзывался Маркс. Взгляды Чернышевского во многом приближались к марксизму (сам Чернышевский с работами Маркса знаком не был). Большую блестящую книгу оставил о Чернышевском Плеханов. С большим уважением относился к Чернышевскому и Владимир Ильич.

[4]) Письмо г. Мясникову (соб. соч. Ленина Т. XVIII ч. I стр. 342) написано в ответ на его доклад в ЦК РКП и статью „Больные вопросы". Мясников в своей защите „демократических свобод" скатился до плоского меньшевизма, за что в 1922 г. исключен из партии.

К ВОПРОСУ О КОММУНИСТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

Чтобы правильно подойти к вопросу, каково должно быть коммунистическое воспитание молодежи, надо прежде всего дать себе отчет в том, что за человек должен быть коммунист, что он должен знать, к чему стремиться, как поступать.

Коммунист прежде всего — человек общественный с сильно развитыми общественными инстинктами, желающий, чтобы всем людям жилось хорошо, чтобы все люди были счастливы.

Коммунистами могут быть выходцы из всех классов общества, но больше всего коммунистов выходит из рабочей среды. Почему? Потому, что условия жизни рабочих таковы, что воспитывают в них общественные инстинкты: коллективный труд, успех которого зависит от общих усилий, общая обстановка труда, общие переживания, общая борьба за человеческие условия существования, — все это сближает рабочих между собою, спаивает их узами классовой солидарности. Возьмем класс капиталистов. Условия жизни этого класса совершенно иные. Конкуренция заставляет всякого капиталиста видеть в другом капиталисте прежде всего конкурента, которому надо подставить ногу; в рабочем капиталист видит лишь „рабочие руки", которые должны работать над созданием прибыли для него, капиталиста. Конечно, общая борьба против рабочего класса сплачивает капиталистов, но той внутренней спайки, того растворения в коллективе, которые мы видим у рабочих—им делить между собой нечего,—в классе капиталистов нет, капиталистическая солидарность раз'едается червоточиной конкуренции. Вот почему человек с развитыми обще-

ственными инстинктами в рабочей среде является правилом, в капиталистической же среде такой человек складывается в виде исключения.

Общественный инстинкт значит очень много. Часто он помогает чутьем находить правильный выход из положения, помогает найти правильный путь. Вот почему при чистке РКП обращалось внимание, принадлежит ли тот или иной член партии к рабочей среде или нет. Тому, кто принадлежит к рабочей среде, легче выправиться. У нас в России интеллигенция,—видя, как легко дается благодаря классовому инстинкту рабочему понимание того, до чего интеллигент, например, доходит с большим трудом,—склонна была в конце 90-х годов и в первой половине первого десятилетия XX века (1896—1903 гг.) преувеличивать значение классового инстинкта. „Рабочая Мысль" — одна из социал-демократических нелегальных газет—договорилась до того, что перестала даже допускать, чтобы не из рабочей среды мог выйти социалист. Потому, что Маркс и Энгельс не были рабочими, „Рабочая Мысль" писала: „не надо нам Марксов и Энгельсов!"

Классовый—в рабочем классе он совпадает с общественным—инстинкт есть условие, необходимое для того, чтобы быть коммунистом. Необходимое, но недостаточное.

Коммунисту надо еще немало з н а т ь. Во-первых, он должен понимать, что вокруг него делается, должен разбираться в механизме существующего строя. Когда в России стало развиваться рабочее движение, социал-демократы озаботились в первую голову распространением в широких массах таких брошюр, как, например, Дикштейна [1]) „Кто чем живет", „Рабочий день" и т. п. Но мало понимать механизм капиталистического строя. Коммунисту надо еще изучить законы развития человеческого общества. Он должен знать историю развития хозяйственных форм, развития собственности, деления на классы, развития государственных форм. Должен понимать их взаимозависимость, знать, как из определенного общественного уклада вырастают религиозные и моральные представления. Поняв законы развития человеческого общества, коммунист должен ясно представлять себе, куда идет общественное развитие. Коммунизм должен представляться ему не только желанным строем, где счастье одних не будет строиться на несчастьи других, он должен понимать также, что коммунизм именно

и является тем строем, к которому неизбежно идет человечество, и что коммунисты должны расчищать лишь путь этому строю, содействовать его скорейшему наступлению.

В рабочих кружках, возникавших на заре рабочего движения в России, обычно проходилась с одной стороны политическая экономия, имеющая целью об'яснить структуру современного общества, и история культуры (история культуры противополагалась при этом обычному изложению истории, которое представляло собою часто набор исторических фактов самого различного значения). Вот почему в кружках того времени читался 1-й том „Капитала" Маркса и „Происхождение семьи, собственности и государства" Ф. Энгельса.

В 1919 году в одном из сел Нижегородской губернии, в селе „Работки", мне пришлось наткнуться на такое явление. Учителя рассказали мне, что во 2-й ступени они проходят политическую экономию и историю культуры, что ученики единогласно потребовали введения этих предметов в курс школы 2-й ступени.

Откуда в волжском селе, в котором все население занимается исключительно волжскими промыслами да земледелием, у крестьянских подростков могло появиться такое и так определенно формулированное желание? Очевидно, интерес к политической экономии и истории культуры был занесен в „Работки" каким-нибудь рабочим, ходившим когда-то в кружок и об'яснившим ребятам, что им надо знать.

Однако в переживаемый момент русскому коммунисту надо знать не только это. Октябрьская революция открыла перед Россией возможность самого широкого строительства в направлении коммунизма. Но, чтобы использовать эти возможности, надо знать, что надо делать сейчас, чтобы хоть на шаг продвинуться к коммунизму; надо знать, что возможно сейчас достигнуть и чего нельзя; надо знать, к а к строить новую жизнь. Надо прежде всего знать основательно ту отрасль работы, за которую берешься, а затем надо обладать методом коммунистического п о д х о д а к делу. Возьмем пример. Чтобы правильно поставить медицинское дело в стране, надо, во-первых, знать самое дело, во-вторых, знать, как оно было раньше поставлено у нас в России, как ставится в других государствах, и наконец, в третьих, надо уметь подойти к нему по-коммунистически, а именно: повести агитацию среди широких слоев трудящихся,

заинтересовать их, вовлечь в работу, создать усилиями трудящихся могучую организацию вокруг медицинского дела. Надо все это не только знать, как сделать, надо уметь это сделать. И выходит, что коммунист должен знать не только, что такое коммунизм и почему он неизбежен, но должен знать хорошо еще свое дело, должен уметь подойти к массе, повлиять на нее, убедить ее.

В своей личной жизни коммунист должен всегда руководиться интересами коммунизма. Что это значит? Это значит, что как бы, например, ни хотелось остаться в привычной уютной домашней обстановке, раз для дела, для успеха коммунистического дела, надо бросить все и ехать в самое опасное место, коммунист это делает. Это значит, как бы трудна и ответственна ни была возлагаемая на коммуниста задача, раз это нужно, коммунист берется за нее и старается провести ее в меру своих сил и уменья, идет на фронт, на субботник, на изъятие ценностей и т. п. Это значит, что коммунист свои личные интересы всегда отодвигает на задний план, подчиняет их общим интересам. Это значит, что коммунист не проходит равнодушно мимо того, что кругом него делается, что он активно борется с тем, что вредит делу коммунизма, борется с тем, что вредит интересам трудящихся масс, а с другой стороны, отстаивает активно эти интересы, считает их своими.

Кого выбрасывали при чистке из партии: а) шкурников и примазавшихся, т. е. тех, кто свои личные интересы ставит выше интересов коммунистического дела; б) тех, кто равнодушен к коммунизму, ничего не делает, чтобы помочь ему осуществиться, кто далеко стоит от массы и не стремится сблизиться с ней; в) кто не пользуется уважением и любовью массы; г) за грубое обращение, чванство, неискренность и пр.

Итак, чтобы быть коммунистом: 1) надо знать, что плохо в капиталистическом строе, куда идет общественное развитие и как надо содействовать скорейшему наступлению коммунистического строя; 2) надо уметь прикладывать свое знание к делу; 3) надо быть душой и телом преданным интересам трудящихся масс и коммунизму.

Перейдем теперь к вопросу о коммунистическом воспитании молодежи.

Великая революция, вся революционная обстановка развила в молодежи, горячей и отзывчивой, глубокий интерес к обще-

ственной жизни. Это относится не только к рабочей молодежи, но и к молодежи крестьянской, и к молодежи интеллигентской. Молодежь тянется к коммунизму.

И вот необходимо не заглушать это стремление, а всячески поддерживать, развивать проснувшиеся под влиянием революции общественные инстинкты молодежи.

Как поддерживать? Во-первых, необходимо, чтобы организация РКСМ давала каждому своему члену возможность в той или иной форме работать для дела коммунизма, быть не только пассивным созерцателем того, как строится коммунизм, но быть активным строителем его. То дело, для которого поработал, в которое вложил кусочек своего я, делается гораздо более близким. Конечно, для того, чтобы каждый мог найти в рядах РКСМ дело по своим силам и по душе, организация РКСМ должна быть достаточно гибка и жизненна, должна быть тысячами нитей связана с той громадной творческой строительной работой, которая сейчас ведется в стране. Участие в строительстве будет одновременно давать и уменье, и те организационные навыки, которые нам, россиянам, так необходимы.

РКСМ может воспитать в своих членах уменье работать коллективно, проводя всюду умелое разделение труда, воспитывая чувство ответственности за свою работу перед коллективом, воспитывая трудовую дисциплину и уча коммунистическому подходу к строительству новой жизни. Успех этой воспитательной работы зависит целиком от размаха работы РКСМ и налаженности его организации, глубины и жизненности постановки всех вопросов.

Воспитание характера, выдержки должно цениться РКСМ не меньше, чем умение говорить, выступать.

Кроме активного участия в общественной работе РКСМ было бы, может быть, полезно требовать от каждого члена Союза Молодежи работы, по крайней мере в течение года, где-нибудь на фабрике или заводе. Американцы и немцы требуют от каждого кончающего инженера годовой практический стаж в предприятии в качестве рядового рабочего, работающего в общих для всех рабочих данного предприятия условиях. Американцы и немцы считают, что только проделавший такой стаж инженер способен будет управлять рабочими и влиять

на них. Тем более необходим был бы такой стаж общественной работы для каждого члена Союза Молодежи.

На ряду с воспитанием характера, общественных инстинктов, практических умений вести работу, необходима большая работа каждого члена РКСМ над своим мировоззрением. У нас в России эта работа тесно переплетается с работой над самообразованием. Если мы находимся в более выгодных условиях, чем западно-европейская молодежь, в том отношении, что гораздо меньше пропитаны буржуазными предрассудками, буржуазными взглядами, то нам гораздо труднее в том отношении, что громадное большинство рабочей и особенно крестьянской молодежи не имеет даже самого необходимого минимума общеобразовательных знаний. А без этого невозможно и овладение марксизмом. Нашей молодежи приходится учиться и учиться, пользоваться каждой свободной минутой, каждым случаем, чтобы заполнить те пробелы, которые мешают им стать сознательными коммунистами.

Надо упорно работать и над приобретением того научного марксистского фундамента, который необходим, чтобы разбираться в сложных вопросах окружающей действительности, чтобы не теряться перед каждым непонятным на первый взгляд положением. Совпартшколы, партшколы, кружки с умелыми руководителями облегчат эту задачу некоторой части молодежи. Но таких счастливцев, которые могли бы воспользоваться всеми этими учреждениями, будет все же небольшое меньшинство. Громадное большинство вынуждено будет учиться самостоятельно, отчасти в одиночку, отчасти небольшими группами, сообща работающими над приобретением знаний. В помощь этим усилиям самопроизвольно возникающих кружков должны быть изданы рекомендательные каталоги, методические указания, как вести кружковую работу, целый ряд примерных программ. Издать все это как можно скорее крайне необходимо.

„Юный Коммунист", № 8—9,
за 1922 г.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Дикштейн—польский социал-демократ, автор знаменитой книжки „Кто чем живет", об'яснявшей механику извлечения прибавочной стоимости. Была самой популярной книжкой в подпольных кружках.

РКСМ И БОЙСКАУТИЗМ

Предисловие к 1-му изданию.

В члены РКСМ принимаются юноши и девушки от 14-и до 23-х лет включительно. Само собой, что все высказанное относится лишь к младшему, переходному возрасту, 14—16—18 лет (у различных лиц переходный возраст кончается в различные годы; законодательство подростками называет лиц от 16 до 18-и лет, учитывая еще не сложившиеся силы молодежи этого возраста; точно так же правильнее переходный возраст и в отношении психическом считать между 14—18-ю годами).

Главная цель брошюры: с одной стороны, подчеркнуть все отрицательные стороны бойскаутизма, с другой, указать на целесообразность бойскаутских методов.

Постоянно вновь и вновь повторяются попытки в той или иной форме создать бойскаутские организации у нас в России. Однако буржуазная сущность бойскаутизма настолько резко выражена, настолько пропитывает насквозь весь бойскаутизм,—при чем таков его международный характер,—что не может ни игнорироваться (игнорировать эту буржуазную сущность пытается, например, Иннокентий Жуков, деятель Дальневосточной республики, страстно увлекающийся бойскаутизмом), ни быть формой, в которую можно влить иное содержание (юкизм). Над скаутизмом надо поставить крест.

С другой стороны, самодеятельность, активность и пр. понимаются у нас часто очень узко. Практика бойскаутизма бросает свет на те методы, которые должны широко применяться в деле воспитания молодежи. Эти методы должны практиковать союзы молодежи, РКСМ, продумав их и приме-

ния их для осуществления целей коммунизма; должны они быть внесены и в практику школы 2-й ступени, которая у нас, даже в своем реформированном виде, носит ярко выраженную печать школы бюрократической, школы учебы.

Эти вопросы особенно необходимо поставить сейчас, когда так много говорится о хозяйственном строительстве. Хозяйственное строительство, равно как и коммунистическое, требует соответствующего воспитания молодежи.

1-е января 1922 года.

Предисловие ко 2-му изданию.

Брошюра „РКСМ и бойскаутизм", написанная год тому назад, вызвала много нареканий, особенно со стороны членов РКСМ, хотя, конечно, каждый член РКСМ понимал, что написана она „дружественной державой", и потому отнесся к ней серьезно.

Теперь, перечитав спустя год эту брошюру, я вижу, что она порождает недоразумения, потому что она чрезвычайно неполна и многого из того, что говорилось при устном обсуждении вопроса, в ней не сказано или сказано неполно.

Мне важно было указать на следующее: работа РКСМ должна быть построена так, чтобы она давала простор активности каждого члена, что только так строя свою работу, РКСМ сумеет привлечь в свои ряды широкие массы рабочей и крестьянской молодежи, что только активно вмешиваясь в жизнь, молодежь сможет воспитать из себя настоящих коммунистов будущего. Только активно вмешиваясь в живую жизнь, молодежь сможет выработать в себе те организационные навыки, которых так часто не хватает старому поколению при строительстве новой жизни. Я считаю величайшим преступлением всякую демагогию по адресу РКСМ, но именно потому, что придаю работе РКСМ громадное значение, что считаю, что теперешним комсомольцам придется быть участниками мировой революции. Я хочу, чтобы они в этой борьбе оказались на высоте задачи. Мне не все равно поэтому, будут ли комсомольцы самодовольными хвастунами, захлебываясь повторяющими: „мы, мы, мы"... или серьезными работниками, умеющими

взвешивать свои действия и силы, умеющими отдаваться беззаветно служению великой цели.

Наши ребята выросли в атмосфере революции, и потому с ними можно говорить, не сюсюкая, называя вещи своими именами. Они сумеют выслушать правду.

Некоторые из товарищей усмотрели в моей брошюре желание обкарнать крылья молодежи, уверить ее, что уши выше лба не растут и т. д. Это просто ни с чем несообразно. В моей брошюре речь шла совсем о другом. Великая цель не достигается сразу. Путь к ней распадается на ряд более мелких последовательных составных, так сказать, частей, и достижение великой цели возможно лишь путем достижения этих составных целей. Надо брать город за городом, деревню за деревней. Город, который надо сейчас брать, это—научиться перестроить нашу повседневную жизнь, наш быт, наши привычки в духе коммунизма. Говорить об этом, выдвигать эту задачу не значит звать куда-то в другую сторону от коммунизма, с неба на землю; говорить об этом значит говорить о том, как надо лучше помочь коммунизму внедриться во все поры жизни.

Но все же брошюрка „РКСМ и бойскаутизм", при чтении ее год спустя по ее написании, когда стало психологически возможно посмотреть на нее несколько со стороны, показалась мне неудовлетворительной вот с какой стороны. Я вовсе не хотела сказать, что РКСМ должен заниматься только самовоспитанием, а не участвовать в строительстве жизни уже и сейчас. Я вовсе не хотела сказать: „ваше дело только играть и учиться, а не перестраивать жизнь, вы—детишки и не суйтесь туда, где вас не спрашивают". Я не предлагала свести деятельность РКСМ к игре. Говорить так значило бы совершенно не понимать задач РКСМ. Революция сделала наших ребят рано взрослыми, это во-первых. Во-вторых, учатся в процессе работы. Мне казалось это ясным само собой, но в брошюре эта мысль недостаточно развита. Мне надо бы, чтобы сделать ее ясной, набросать конкретно, что я понимаю под методами бойскаутизма в приложении их к работе РКСМ. Конечно, это мне несколько трудно было бы сделать, так как для этого надо участвовать в повседневной работе РКСМ. Однако без этого брошюра может быть истолкована неправильно. Я даже подумала, что, может быть, и вовсе не стоит повторять

ее издание, но раз вопрос поднят, нельзя его замалчивать. И потому я решила, что брошюру надо пустить вторым изданием, сказав в предисловии то, что сказано мною выше. Надеюсь, РКСМ не посетует на меня.

1 января 1923 г.

Если мы посмотрим на организацию РКСМ, то увидим, что организация эта является простой копией партийной организации с той только разницей, что члены Комсомола—молодежь и что членами его могут быть и беспартийные юноши и девушки.

Центр тяжести в работе Комсомолов—это поднятие уровня политической сознательности своих членов, и только.

Среди членов РКСМ много очень хорошей молодежи, всем сердцем преданной коммунизму, готовой отдать ему все свои силы.

Было бы чудом, если бы революция не вырастила такой молодежи.

И эта молодежь много и самоотверженно работает в союзе, не мало для него делает. Но самая организация, самая работа РКСМ идет не по правильному пути. Молодежь тянется за партией, принимает резолюции по текущему моменту, мобилизует своих членов то на фронт, то на транспорт и представительствует во всяких советских и партийных организациях. Все это было бы не так уж плохо, если бы на ряду с этим союзом велась работа по воспитанию своих членов, по воспитанию в духе коммунизма широких слоев молодежи трудящихся классов. К сожалению, это воспитывающее влияние слабо. Массы городской и деревенской молодежи стоят вне рамок союза. Удовлетворение получают лишь лидеры союза, те, кто умеет выступать, те, кто представительствует в разных учреждениях и в процессе этого представительства многому научается, а комсомольская масса, что она получает, в чем она проявляет свою активность, на чем она воспитывается?

И характерное явление. На последнем Всероссийском с'езде РКСМ половина членов с'езда принадлежала к числу интеллигенции, другая принадлежала к рабочим и крестьянам, в гро-

мадном большинстве оставившим свою работу и состоящим в настоящее время на советской службе*). И хотя вся присутствовавшая на с'езде молодежь была арци-революционно настроена, но как-никак, а говорить об органической связи ее с широкими массами молодежи трудящихся классов надо с большой и очень большой оговоркой.

Приток интеллигентской молодежи в Комсомолы сильнее притока молодежи рабочей и крестьянской. Почему? Комсомольцы говорят: фабрики стоят, нас поснимали с работы. Но куда же делись эти снятые с работы дети рабочих, которые через 2—3 года станут опять к станку? Разве союз имеет право упускать их из-под своего влияния? А где же крестьянская молодежь? Рабочей и крестьянской молодежи миллионы, а какая часть их в Комсомолах? Дело тут не в том, что рабочая и крестьянская молодежь исчезла с лица Советской России, а в том, что характер и методы Комсомолов таковы, что рабочая и крестьянская молодежь играет в них десятистепенную роль, чисто пассивную, что ей не на чем себя выявить, и она уходит из союза неудовлетворенная.

Разве это не так, товарищи?

Работа союза не учитывает ни специфической психологии переходного возраста (12—18 лет), ни специфической психологии рабочего подростка, а потому и влияние РКСМ во сто раз слабее, чем оно могло бы быть.

Специфическая особенность психологии переходного возраста заключается в том, что это психология полу-ребенка, полувзрослого. Подросток еще, как ребенок, жадно впитывает в себя все впечатления, растет и физически и духовно, ощущает рост этот, в нем черпает силу и отвагу, но не знает еще меры своих сил, должен еще их попробовать. Активность — потребность свободного применения этих сил, хотя бы в игре—остро ощущаемая потребность этого возраста.

Но в то же время подросток уже не ребенок. У него уже имеется довольно большой жизненный опыт. Иногда опыт довольно суровый. Он не может уже жить теми иллюзиями, которыми живет ребенок, у него совершенно иные интересы, интересы взрослого человека. Он не прочь играть, но только

*) Молодежи прямо от станка, прямо от сохи было ничтожное количество.

игра должна быть для него осмыслена, должна служить чему-то другому.

Молодежь в этом возрасте способна на беззаветное увлечение, на самый горячий энтузиазм. Только это увлечение, этот энтузиазм быстро гаснут, если они не могут вылиться в какое-либо действие, претвориться в живую, захватывающую подростка деятельность, и не только деятельность умственную, духовную, но и деятельность чисто физическую.

Методы работы Комсомолов не дают исхода этой бьющей через край энергии молодежи.

В момент революции толпы рабочей молодежи хлынули в союз молодежи. В одном Питере организованной в союз рабочей молодежи было свыше 50.000 чел. Она кипела, бурлила, устраивала демонстрации, выступала элементарно, но горячо, страстно, у себя на фабриках и заводах шла в ногу с революцией. Потом она умирала на фронтах. Теперь страна перешла на мирное строительство. После революционного праздника настали революционные будни. Надо всю жизнь перестроить заново, изменить все свои привычки, перестроить весь быт, подняться на совершенно иную культурную ступень, научиться видеть, научиться учиться, научиться работать, организовывать труд, научиться по-человечески жить, по-братски, коллективно чувствовать и в коллективе черпать все новые и новые силы.

Для всего этого нужна железная выдержка, суровая учеба, неослабная воля. Это трудно, скучно, буднично. Но без этого задаром окажутся все принесенные на алтарь революции жертвы; без этого нет победы пролетариата, без этого—гибель.

Когда-то давно, в 80-х годах, Тургенев[2]) в своем романе „Новь“ изобразил революционеров чуждыми народу, беспочвенными фанатиками, не очень умными и бесполезными, и устами своего „положительного типа“ Соломина встал на точку зрения „малых дел“. Вычесать голову обовшивевшему ребенку, научить бабу лучше доить корову—вот настоящее живое дело. Проповедь „малых дел“ на фоне мрачных 80-х годов была величайшей пошлостью. Дела, мол, нам нет до того, что помещики гнут в бараний рог мужика, что фабрикант высасывает соки из рабочего, что вешают революционеров; будем сидеть в сени под елью и вычесывать голову Ванятке—полезное дело.

Но времена меняются. Рабочие и крестьяне взяли в свои руки власть, теперь они должны ее использовать. Изменилась

историческая обстановка, и лозунг реакционный превратился в лозунг революционный. Внимания к мелочам требует тов. Троцкий. В своей такой сильной речи на с'езде Политпросветов шаг за шагом, на массе конкретных примеров, он показывает, какую колоссальную роль при данной обстановке играет культурный уровень армии, уменье смазывать сапоги, не разводить крыс, уменье точно и своевременно передать приказ и т. д., и т. д. Только поднятие культурного уровня Красной армии может обеспечить ей победы в будущем. Тов. Троцкий знает красноармейца, и он центр тяжести ставит не в организации всякого рода лекций, митингов, библиотек, не от них ждет он основной помощи. И лекции, и митинги, и библиотеки дело хорошее, но самое главное не в этом, самое главное в перевоспитании всех привычек красноармейца, в культурном благоустройстве всего его быта. О создании условий, способствующих такого рода перевоспитанию красноармейской молодежи и заботится больше всего Троцкий. Одним из таких условий Троцкий считает всеобщность мобилизации определенного возраста. Всеобщность мобилизации того или иного возраста поставит бок-о-бок красноармейца от сохи и красноармейца с учебной скамьи, из союза молодежи, из Свердловского университета, поставит их всех в общие условия совместной казарменной жизни, и влияние более культурных элементов будет при этом несомненно велико на крестьянские красноармейские массы.

Товарищи комсомольцы, что ваши члены внесут в этом отношении, в отношении культурном, в казарму? Ведет ли ваш союз длительную, кропотливую работу над культурным перевоспитанием своих членов?

И не только увеличение силы, мощи Красной армии зависит от под'ема ее культурного уровня, от культурного под'ема зависит и под'ем производительных сил страны. В своих ярких, простых, конкретных статейках тов. Сосновский неустанно вскрывает всю нашу дикость, некультурность, неумелость. „Выучить бабу доить как следует корову, научить ее, как поить скотину и пр.—самое важное сейчас дело женотделов", писал он по поводу последнего Всероссийского с'езда женотделов.

Тот, кто ежеминутно наталкивается на бестолочь, неразбериху, небрежность, беспомощность, неряшество нашей повседневной жизни, не может не говорить так.

И тот призыв к самоперевоспитанию масс, который раздается из уст вождей, относится всецело и к РКСМ.

Еще в 1920 году на 3-м Всероссийском с'езде РКСМ тов. Ленин в своей речи говорил об этом.

„Перед вами задача строительства, и вы ее можете решить,—говорил он,—только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что об'единяет всю непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы".

„Быть членами союза молодежи—значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспитание. Только в этой работе превращается молодой человек или девушка в настоящего коммуниста. Только в том случае, если они этой работой сумеют достигнуть практических успехов, они становятся коммунистами".

„Мы хотим Россию из страны нищей и убогой превратить в страну богатую. И нужно, чтобы Коммунистический Союз Молодежи свое образование, свое учение и свое воспитание соединил с трудом рабочих и крестьян, чтобы он не запирался в свои школы и не ограничивался лишь чтением коммунистических книг и брошюр".

„Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами".

„Надо, чтобы Коммунистический Союз Молодежи воспитывал всех с молодых лет в сознательном и дисциплинированном труде".

Должно ставить дело так, „чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, самую простую".

И тов. Ленин приводит ряд примеров:

„На нескольких примерах, взятых из опыта работы той или другой организации молодежи, я покажу вам наглядно, как это воспитание коммунизма должно итти".

„Все говорят о ликвидации безграмотности. Вы знаете, что в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя. Недостаточно того, чтобы Советская власть приказала, или чтобы партия дала определенный лозунг, или чтобы бро-

сить известную часть лучших работников на это дело. Для этого нужно, чтобы само молодое поколение взялось за это дело".

„Коммунизм состоит в том, чтобы та молодежь, те юноши и девушки, которые состоят в союзе молодежи, сказали: это наше дело, мы об'единимся и пойдем в деревни, чтобы ликвидировать безграмотность, чтобы наше подрастающее поколение не имело безграмотных. Мы стремимся к тому, чтобы самодеятельность подрастающей молодежи была посвящена на это дело".

„Вы знаете, что скоро превратить Россию из темной безграмотной страны в грамотную нельзя, но если за это дело возьмется союз молодежи, если вся молодежь будет работать на пользу всех, тогда этот союз, об'единяющий 400.000 юношей и девушек, имеет право называться Коммунистическим Союзом Молодежи".

„...Возьмите работу на подгородных огородах. Это одна из задач Коммунистического Союза Молодежи. Народ голодает, на фабриках и заводах голод. Для того чтобы спастись от голода, надо развить огороды, но земледелие ведется по старому.

И вот нужно, чтобы более сознательные элементы взялись за дело, и вы тогда увидите, что огороды увеличатся, площадь их расширится, результаты улучшатся. В этом деле КСМ должен принимать активное участие. Каждый союз или каждая ячейка союза должны считать это дело своим делом".

„Задача КСМ в том, чтобы организовать в деревне или в своем квартале помощь в таком деле,—беру маленький пример,—как обеспечение чистоты и распределение пищи.

Как это делалось в капиталистическом старом обществе?

Каждый работал только для себя, и никто не смотрел, есть ли тут старые и больные, или все хозяйство падает на плечи женщины, которая поэтому находится в состоянии подавленном и порабощенном".

„Кто против этого должен бороться? Союзы молодежи, которые должны сказать: мы это переделаем, мы организуем отряды молодых людей, которые будут помогать обеспечению чистоты и распределению пищи, систематически обходя дома, которые будут действовать организованно на пользу всего общества, правильно распределяя силы и показывая, что труд должен быть организованным трудом".

Тов. Ленин в этой своей речи на 3-м Всероссийском с'езде Комсомолов ни разу не упомянул слово „метод", однако он говорил о методе работы Комсомолов. Чтобы стать коммунистическим, союз молодежи должен помочь своим темным товарищам выбраться из темноты безграмотности, должен помочь голодным стать сытыми, помочь старикам и детям, помочь обремененной трудом женщине.

Как помочь? Своим личным трудом. Каждый день разрешать какую-либо трудовую задачу. И учиться для того, чтобы быть сильнее в борьбе с угнетением, лучше разрешать трудовые задачи.

Такой ли метод работы сейчас в РКСМ? В их изданиях мы видим, что этот метод они применяют весьма частично. Свои интересы, интересы РКСМ они часто склонны противополагать интересам целого, склонны ограничивать свою работу исключительно всякими представительствами и выступлениями. Выступают, пишут резолюции, представительствуют обычно юноши и девочки из интеллигенции, которые к этому больше привычны и которые учатся многому в процессе этих выступлений и поэтому чувствуют себя удовлетворенными. Рабочие и крестьянские подростки на три четверти в своей массе не могут угнаться за интеллигенцией. Они привыкли, как вся трудовая масса, мыслить не столько логическими рассуждениями, сколько образами, и к резолюциям и всяким формулировкам относятся обычно довольно равнодушно. И эта масса остается пассивным грузом союза. При практикуемом методе, в котором не только ложка, а добрых полбочки дегтя в медовой бочке союзной работы, они не уходят из союза только потому, что им некуда итти.

При методе, рекомендуемом тов. Лениным, методе активной самодеятельности, все эти рабочие и крестьянские подростки сразу бы нашли себя. В деле самоотверженного труда, трудовой дисциплины, трудовой инициативы и организованности они сразу бы продвинулись на первые места и росли, формировались в тех коммунистов, убежденных и умелых, какие так теперь нужны. При такой постановке союзной работы в союз хлынули бы эти молодые трудовые массы, и тогда не пришлось бы жаловаться на то, что рабочие подростки где-то затерялись.

И тогда союз выполнил бы свою задачу коммунистического воспитания подрастающего поколения.

Остановимся подробнее на методе трудовой самодеятельности и с этой целью сделаем отступление. Остановимся на одной из буржуазных форм юношеского движения: на бойскаутизме.

РКСМ очень враждебно относится к бойскаутизму, и он прав в том отношении, что цели, преследуемые бойскаутизмом, враждебны в корне целям пролетарской коммунистической молодежи.

Бойскаутизм является в руках буржуазии средством пропитать подрастающую молодежь чувствами патриотизма, религиозными настроениями, чувствами покорности перед королем, родителями, хозяевами. Пункт 2-й „закона скаутов", исполнять который клянется при вступлении каждый скаут и который ежедневно читается скаутами вслух, как молитва, гласит:

„Скаут верен королю, начальникам, родителям, своей родине и своим хозяевам. Он должен стоять за них при всяких обстоятельствах против любого из их врагов и даже против того, кто дурно о них отзывается".

Бойскаутская организация в число своих функций вводит и посредничество между нанимателями и мальчиками-скаутами. Есть даже особое бюро для этого. Организация рекомендует мальчиков различным предпринимателям, „деятелям торгово-промышленного мира". Так как бойскаутизм проповедует денно и нощно скаутам беспрекословное послушание своим хозяевам, верное служение их интересам, то, понятно, купцы и промышленники очень охотно берут к себе на службу бойскаутов.

Бойскаутизм буржуазия использует для того, чтобы с детства внушить детям пролетариата, что классовая борьба, становящаяся теперь столь угрожающей самому существованию буржуазии, вещь вредная: „Дом, разделившийся на части, устоять не может",—пишет основатель бойскаутизма, полковник Бадэн-Поуэлль юным скаутам. Если сильный враг пожелает овладеть нашей*) богатой коммерцией и колониями страной и увидит, что мы в Британии разделились друг против друга, он легко захватит то, что ему нужно. Поэтому вы, еще будучи мальчиками, должны начать работу над собой и отказаться от мысли, что будто бы мальчики других классов—ваши враги. Богаты вы или бедны, родились ли в замке или в городской трущобе, помните,

*) Бойскаутское движение возникло первоначально в Англии в 1907 году.

что все вы—прежде всего британцы и что ваш долг—хранить Британию от внешних врагов. Плечом к плечу должны вы стоять сомкнутыми рядами, чтобы это сделать. Если вы враждуете друг с другом, вы вредите отечеству".

В бойскаутах стремятся всячески разбудить шовинизм.

„Вы принадлежите,—повторяет им Баден-Поуэлль,—к великой Британской империи, одной из величайших империй, существовавших когда-либо на белом свете. Маленький остров Великобритании дал начало колониям, распространившимся по всему миру: в Австралии, Новой Зеландии, Южной Америке, Индии, Канаде. Почти каждая раса, черная, белая или желтая, имеет в своем числе подданных Великобритании..." и т. д., и т. п.

Организация стремится воспитать в скаутах преданность королю и членам королевской семьи. Уже при вступлении в ряды бойскаутов мальчик должен принести присягу в верности королю. С 1910 года специальная королевская хартия признала бойскаутизм находящимся под покровительством короля. Король лично производит смотры мальчикам, посещает их выставки, раздает награды отличившимся скаутам. 40.000 скаутов присутствовали на коронации короля Георга V, принимали участие в шествии, а потом были приглашены в Виндзорский замок, в парке которого им был устроен смотр. Король выразил надежду, что мальчики станут хорошими и „богобоязненными" гражданами.

В „Курсе для инструкторов" один руководитель пишет: „Религия, по моему мнению, —важный фактор в деле дисциплины, и я сошлюсь на историю. Деятели французской революции отбросили прочь религию. Они развенчали бога и поставили на его место богиню разума, подобно тому, как в наши дни многие ставят комфорт и роскошь на место бога и Иисуса Христа. Отбросив религию, они откровенно и последовательно испробовали новую, созданную ими систему в полном об'еме. И посмотрите, что сталось с дисциплиной. Исчезла всякая возможность руководить кем бы то ни было при помощи более высоких мотивов, чем мотивы личного, эгоистического интереса. Исчезла правдивость, так как для нее не было побуждений. Нельзя было доверять ни словам мужчины, ни чести женщины, одним словом, ничему в мире. Это был результат пятнадцатилетнего отрицания бога, результат, отразившийся прежде всего на дисциплине нации.

Я многое видел на своем веку и скажу вам, что если вы не примете первого параграфа скаутского закона о преданности богу и не сделаете его опорным пунктом в дисциплине вашего патруля, то вы неизбежно потерпите неудачу и притом заслуженно".

Вот как рассуждает о боге и о французской революции руководитель бойскаутского движения.

Каждый скаут должен принадлежать к какому-нибудь религиозному исповеданию и посещать богослужение.

Руководители должны поощрять их к этому, внушать им, что „мало хорошего в человеке, если он не верует в бога и не повинуется его законам". Каждый скаут должен иметь религию и т. д., и т. п.

„Что же вы пристаете к нам с бойскаутизмом? — скажет, читая вышенаписанное, громадное большинство членов РКСМ.— Ведь ясно, что эта организация архибуржуазная, архивредная, и мы ничего не хотим иметь с ней общего". Это очень хорошо. Само собой, член РКСМ никоим образом не может быть бойскаутом. И хорошо, что он так ясно сознает это. Это показывает, что революция научила его очень и очень многому и он представляет собою совершенно непригодный „сырой материал" для целей буржуазии. Но бойскаутизм надо самым тщательным образом изучать, и вот почему. Бойскаутизм—очень широко распространившаяся организация. Он возник в Англии в 1907 г., и к 1913 г. было уже в Англии 200 тысяч бойскаутов, да в других странах тысяч 500. Если принять во внимание, что это движение дает весьма мало каких бы то ни было привилегий своим членам, то быстрый рост его показывает, что в бойскаутизме есть что-то такое, что неудержимо влечет в его ряды молодежь из рядов трудящихся классов, что дает этой молодежи удовлетворение, заставляет привязываться к организации.

Это что-то—**методы подхода к подростку**. Рассмотрим же поближе эти методы, ибо если **цели** бойскаутизма нам враждебны, то **методы** могут оказаться весьма и весьма приемлемыми и могут быть надлежащим образом использованы.

Прежде всего организаторы бойскаутизма поняли, что подросток уже не ребенок и что его могут увлечь лишь **идеалы взрослого человека, которым он мог бы**

отдаться со всем свойственным его возрасту энтузиазмом.

В качестве таких идеалов руководители бойскаутизма выставляют преданность богу, королю, отечеству. Пусть эти идеалы, с нашей точки зрения, реакционны, но нельзя отказать им в том, что они достаточно широки, и что они, при известных условиях, могут зажечь в молодежи достаточно горячий энтузиазм.

Это недостаточно поняли, например, организаторы так называемых „юков" (юных коммунистов), которые, выбросив лозунг бойскаутизма: верность королю, богу, родине, как неприемлемые, не поставили на место их никакого иного равнозначущего, столь же широкого идеала. Конечно, за равнозначущими по силе лозунгами не далеко ходить, а революция сделала эти новые лозунги близкими сердцу самых широких слоев молодежи. Эти лозунги могут, конечно, зажечь не меньший энтузиазм в сердцах молодежи, чем лозунг: верность королю. Такой лозунг, такой идеал есть уже у РКСМ — это коммунизм, только лозунгу этому надо придать конкретную форму, ясную и простую, понятную для каждого подростка, как бы мало развит и мало знающ он ни был. От каждого подростка, вступающего в скауты, требуется торжественное обещание, что он будет служить таким-то и таким-то идеалам. Это торжественное обещание его связывает и направляет определенным образом все его действия. Тут опять-таки учтена психологическая особенность возраста: особенно сильное влияние внешнего впечатления. Католическое духовенство, прекрасно умевшее играть на людской психологии, искони приурочивало принятие в лоно католической церкви к тому же возрасту: первое причастие обставлялось возможно торжественнее. Тут учитывалось влияние этого внешнего эффекта на соответствующий возраст.

Затем бойскаутизм, учитывая впечатлительность и потому постоянное отвлечение внимания у молодежи, ввел в практику каждодневное чтение сообща вслух „закона скаутов", которое имеет очень большое значение, вызывая известные ассоциации и особенно создавая у бойскаутов известное коллективное переживание (тот же прием опять-таки применяла старая сердцеведка—христианская церковь всех толков).

Но самое важное, психологически имеющее колоссальное значение для подростка это—то, что вслед за провозглашением

известного идеала следуют вполне определенные конкретные правила поведения, вытекающие из признания данного идеала. В этом связывании идеала и практического поведения — громадная сила, в этом сила бойскаутизма и разгадка его сравнительно быстрого роста.

Имеет значение и то, что от бойскаута при поступлении требуется известная подготовка, хотя крайне незначительная и элементарная. Это является как бы символом того, что принятие в бойскауты надо заслужить. Подготовка к поступлению в организацию есть уже известное достижение, есть известное напряжение воли.

Мне кажется, что РКСМ следовало бы внести в свой устав, что в члены РКСМ могут быть приняты только те юноши и девушки, которые, скажем 1) докажут свое знакомство с целями РКСМ; 2) знают содержание 2-х, 3-х определенных книжек; 3) принимали участие в „субботниках молодежи" в течение, скажем, 5 раз и т. д. Вступление следует обставлять тоже известной торжественностью. Принимать в РКСМ на торжественном заседании ячейки или комитета, начинающемся пением „Интернационала", на котором делается, скажем, общий отчет о деятельности союза и проч.

Ношение какого-либо знака, например, вышитых букв КСМ, имело бы также значение в том отношении, что ставило бы действия члена КСМ под общественный контроль. Юноша, носящий значок КСМ, будет знать, что, например, если он ругается площадной бранью, то всякий видит, что это делает член КСМ, что ответственность падает на союз; если он поможет кому справиться с работой или даст толковую, нужную справку, если в школе он любимец товарищей—всякий знает, что это член КСМ, и его действия приносят союзу честь.

У нас очень часто склонны с презрением относиться ко всему внешнему, также ко всякого рода значкам. И в этом презрении есть очень здоровое чувство, ненависть ко всякому лицемерию, ко всякой показной добродетели, добродетели ради выгоды, ради земных благ. Английский cant (отсутствие искренности, лицемерие) не в русских нравах. Не в русских нравах и французское тщеславие. Во Франции гладят по головке и хвалят 5-летнего мальчика, получившего в детском саду блестящую звезду „за добродетель". У нас такой мальчик был бы задразнен товарищами и добродушно иронически осмеян взрос-

лыми. Добродетель в качестве выгодного дела не в почете на Руси.

Но значок, даваемый в награду не за добродетель, не для ради честолюбия, а как символ принадлежности к известной организации, в которую юноша или девушка вступили добровольно, нечто совершенно иное. Такой значок укрепляет связь между организацией и ее членами и усиливает ответственность члена за свои поступки. У нас в России при царизме преследовались всякие организации, кроме „союза русского народа"; тогда приходилось скрывать свою принадлежность к партии, к организации. У нас человек привык выступать и действовать гораздо больше, как защитник известной идеи, чем как представитель известной организации. Это результат того, что при царизме чрезвычайно слабо была развита общественность. Между тем, чтобы можно было правильно организовать общественную жизнь, необходимо всячески развивать и культивировать эту связь личности с организацией, это сознание ответственности за свои поступки, как члена организации. Большевики всегда придавали значение этой связи между организацией и ее членами. Вспомним 2-ой с'езд российской с.-д. рабочей партии. Там завязался спор по 1-му параграфу устава, кого следует считать членом партии. Мартов предлагал считать членом партии всякого, кто сочувствует основным идеям партии и оказывает ей содействие, хотя бы материальной помощью. Ленин говорил, что считать членом партии надо только того, кто входит в одну из организаций партии. Входить в организацию значит брать на себя ответственность как за все действия организации, так и нести ответственность за все свои действия, которые должны согласоваться с принципами партии.

Ленин оценивал вполне правильно значение участия члена партии в организации, связи между организацией и ее членами.

С тех пор РКП (называвшаяся раньше Р.С.-Д.Р.П.) всячески старалась укрепить эту связь между членами партии и партией, связь не только идейную, но и организационную. Член партии ответственен за свои действия. Член РКСМ тоже должен крепко и идейно и организационно быть связан с союзом, эта связь имеет громадное воспитывающее значение. Путь к коммунизму—через организацию. Значок принадлежности к КСМ

ставит деятельность члена под общественный контроль. Эта деятельность у всех на виду. Все то, что делает член КСМ,; он делает не для вида, не напоказ, но он не нуждается в скрывании своих поступков, они должны быть на виду. Это имеет важное общественно-воспитывающее значение.

Возвратимся к бойскаутизму.

Основатели бойскаутского движения понимали, что у бойскаутизма должны быть достаточно широкие цели, но они понимали также и то, что надо всячески воспитывать в бойскаутах привязанность к своей организации. Такая привязанность будет хронически расти, если организация будет много давать своим членам.

Что дает бойскаутизм подростку? Прежде всего он дает пищу для его активности, ставит ему ряд постепенно усложняющихся целей, которые он достигает самостоятельно. Это выставление конкретных, вполне определенных и ясных, достижимых при известном напряжении целей, делающихся все более трудными и более отдаленными имеет, громадное психологическое значение. Такой прекрасный организатор, как Ф. Тэйлор [2]), в своей книге „Административно-техническая организация промышленных предприятий" пишет (стр. 60): „Нет сомнений, что средний человек работает успешнее всего тогда, когда он сам или кто-либо другой назначает ему определенный урок... Чем ниже умственные и физические способности человека, тем короче должен быть назначенный урок. Ни одному школьному учителю не придет в голову предложить детям изучить данную книжку или данный предмет. На практике все задают каждый день определенный урок, от такой-то строки до такой-то строки. Наилучших успехов можно достичь тогда, когда возможно определить еще и время, в которое урок может быть исполнен. Многие из нас, несмотря на свои годы, остаются в этом отношении взрослыми детьми и лучше всего работают тогда, когда им задан сравнительно непродолжительный урок".

И вот, руководители бойскаутизма, выставив общую цель, ставят скаутам ряд частных целей, для них в силу их развития вполне достижимых. Инструктор как бы проводит мальчиков через ряд ступеней, при чем для скаута должна быть ясна каждый раз связь частной поставленной ему цели с общей целью. Психологически это чрезвычайно важный

момент. Возьмем правила для „юков". Правил этих достаточное количество, но они не вытекают из главной общей цели и потому произвольны. Почему надо чистить зубы, мыть шею, слушаться руководителей, уважать чужой труд и т. д.? Все сие, не связанное воедино общей целью, произвольно и кажется юкам такой же прихотью со стороны инструктора, как школьные правила кажутся ему капризом учителя.

Скаутизм избегает этой ошибки. Что касается самодеятельности, то скаутизм правильно учитывает ее значение. Вот пример: каждый скаут должен знать какую-нибудь специальность, обладать известным практическим навыком. В бойскаутской организации производятся экзамены на звание корзинщика, пчеловода, кузнеца, лодочника, трубача, плотника, повара, электротехника, переводчика, прачки, садовника и проч. Выдержавший экзамен получает соответствующий профессиональный значок. Каждый скаут совершенно свободно выбирает себе специальность. Как он ее изучает? Вот что пишет по этому поводу Баден-Поуэлль: „Укажу, как мальчики получают у нас значки. Предположим, дело идет о поварском значке. Дело инструктора состоит только в том, чтобы пробудить в мальчике стремление получить значок. Мальчик затем узнает, что он должен уметь делать, чтобы получить значок. Ему надо найти повара или обратиться к матери, или к кому-либо другому, чтобы получить нужные сведения о приготовлении блюд и таким образом подготовиться к своему поварскому экзамену. Его не учат по какому-нибудь определенному методу, он предоставлен себе, и сам должен найти те способы, которые дали бы ему практическое умение стряпать. Инструктор ограничивается лишь тем, что нередка дает ему советы, как приняться за работу, если мальчик находится в очень затруднительном положении.

Самостоятельная работа развивает характер. Мальчики предоставлены здесь самим себе, и у них является чувство ответственности за свой успех и развитие".

Затем крайне поднимает интерес бойскаутов к своей организации вводимый бойскаутизмом в практику элемент игры, свободного применения накопленных сил. Правда, это уже не ребяческая игра, игра для игры, маленькие дети не спрашивают, зачем надо играть в такую-то или другую игру, они играют, как птица поет. Подросток же хотя и стремится к игре, но нуждается в том, чтобы в игру был внесен элемент серьез-

ности. Если ему говорят: такая-то игра развивает уменье видеть, наблюдать, развивать способности, которые нужны разведчику на войне,—этого достаточно: подросток отдается весь игре. Игры бойскаутов обычно преследуют развитие тех или иных физических способностей; бег, плаванье, борьба укрепляют физические силы, стрельба в цель развивает остроту зрения, меткость, лазание приучает к ловкости и т. п.

Особенно много игр посвящено развитию способности „видеть". Существует, например, такой прием: на минуту показывается блюдо, полное разнообразных мелких предметов, затем оно закрывается, и мальчик-наблюдатель должен описать на память все предметы, находившиеся на блюде. Баден-Поуэлль дает такие указания инструкторам: „Заставьте ваших мальчиков пройтись по улице, и пусть они заметят встречающиеся магазины разного рода и постараются их запомнить в последовательном порядке. Пусть затем заметят по вывескам и запомнят имена владельцев. Пусть заметят и запомнят содержание магазинной витрины после двухминутного наблюдения. Пусть наконец заметят последовательно содержание нескольких магазинных витрин, употребив пол-минуты на каждую".

Мальчики должны также замечать выдающиеся здания, могущие служить средством ориентировки, число переулков и поперечных улиц, названия встречающихся улиц, подробности, касающиеся лошадей и проезжающих мимо экипажей, номера автомобилей, полисменов, но, главным образом, отличительные особенности встречных прохожих, их одежды, выражения лиц, походку и т. п.

„Сначала возьмите мальчиков с собой и покажите им, как все это надо делать; после этого пошлите их одних и по возвращении расспросите о результатах их наблюдений".

„Возьмите с собой на прогулку патруль и учите мальчиков замечать отдаленные выдающиеся предметы, которые могут служить путеводными знаками, как, например, холмы, шпицы церквей и т. п., а также ближайшие предметы: оригинальные здания, деревья, скалы, ворота, боковые дорожки и тропинки, изгороди, хлеб на полях, разнообразные породы деревьев, птиц, животных, также своеобразный запах растений, животных, удобрений и проч."

„Хорошо при этом предварительно разбросать на их дороге какие-нибудь мелкие предметы (пуговицы, спички и пр.), при

чем мальчики должны их подобрать и принести с собой. Это заставит быть их одинаково внимательными как к тому, что находится вблизи под ногами, так и к отдаленным предметам".

„Скаут должен уметь замечать мелкие подробности не только днем, но и ночью, пользуясь при этом, главным образом, слухом, изредка—осязанием и обонянием".

„В ночной тишине звуки несутся дальше, чем днем. Если приложить ухо к земле или к палке, воткнутой в землю, можно слышать стук лошадиных копыт или глухой шум человеческих шагов на далекое расстояние. Другой способ состоит в том, чтобы одно лезвие открытого карманного ножа погрузить в землю, а другое взять между зубами, звуки слышатся тогда лучше. Человеческий голос, даже при негромком разговоре, слышится ночью на далеком расстоянии, и его трудно смешать с другими звуками".

Затем скауту необходимо также уметь наблюдать за людьми.

„Путешествуя в поезде и трамвае, замечайте все мелочи, касающиеся ваших спутников,—пишет тот же Баден-Поуэлль.—Обратите внимание на их лица, одежду, манеру говорить и т. д. так, чтобы вы могли впоследствии описать довольно точно каждого из них. Попробуйте также на основании их внешнего вида и поведения определить, богаты они или бедны (что, вобще говоря, можно определить по обуви), чем они занимаются, счастливы ли они или больны и нуждаются в помощи".

Одна из обычных скаутских игр—это разыскивание следов. Скауты учатся различать следы людей, животных, птиц; определять их давность, скорость бега, направление проехавшего велосипеда или автомобиля и т. д.

„Скаут прежде всего должен уметь замечать „признаки". „Признаками" на языке скаутов называются все самые незначительные мелочи, как, например, отпечатки следов, сломанные ветки, примятая трава, крошки пищи, капли крови и т. п.—все, что может помочь скауту получить те сведения, которые он ищет".

Одно из самых важных условий, которое при этом необходимо иметь в виду как военному скауту или охотнику, так и скауту мирному, заключается в том, чтобы не позволить ничему укрыться от внимания. Скаут должен замечать все самые незначительные мелочи и уметь сделать из них вывод.

„Важность наблюдательности и способности делать правильные выводы не подлежит сомнению. Дети обыкновенно обладают

острой наблюдательностью, но с годами эта способность постепенно исчезает, главным образом, в силу отсутствия практики".

„Наблюдательность требует постоянного упражнения, чтобы стать привычкой. Разыскивание следов представляет интересный шаг в этом направлении. Вывод есть искусство понимания значения тех признаков, которые добыты наблюдением".

„Когда наблюдательность и умение делать выводы обращаются в привычку, тем самым делается крупный шаг в развитии характера".

— Ну, какое нам дело до всех этих игр какой-то контр-революционной организации?—скажет не один член РКСМ.

А вот какое дело. Умение „видеть", умение наблюдать имеет громадное значение во всех областях жизни.

Какое значение имеет наблюдательность в военном деле, об этом говорить не стоит, это всякий знает.

Возьмем другие области.

Умение наблюдать необходимо для всякого порядочного натуралиста, для врача.

Оно необходимо для художника.

Оно необходимо для художника слова.

Возьмем для примера переписку между двумя французскими писателями, имя которых имеет мировую известность, Флобером и Мопассаном. Вот что писал Флобер своему молодому другу: „Чтобы описать какой-нибудь предмет, надо долго и внимательно всматриваться в него, до тех пор, пока не увидишь в нем того, чего еще никто не видел и не описывал. Чтобы описать пылающий костер или растущее среди равнины дерево, надо смотреть на этот костер или на это дерево, пока они не перестанут для вас быть похожим на всякое другое дерево и на всякий другой костер. Когда вы проходите мимо лавочника, сидящего около своей лавки, мимо консьержа, курящего трубку, мимо стоящих экипажей, дайте живой образ этого лавочника, этого консьержа, опишите их позу, всю их внешность, все их внутреннее содержание так, чтобы никто не мог смешать их ни с каким другим лавочником или консьержем, очертите извозчичью лошадь одним словом так, чтобы она стала непохожа на полсотни других лошадей, проехавших до или после". Великие писатели умели „смотреть".

Может быть, вы думаете, что не надо уметь „смотреть" рабочему? После войны в Германии и Америке быстро стала

развиваться новая отрасль науки „психотехника". Эта наука занимается исследованием вопроса, каких свойств, физических и психических, требует та или иная профессия. Такие-то свойства нужны для наборщика ручного, такие-то для летчика, такие-то для вагоновожатого, такие-то для наборщика машинного, такие-то для слесаря, такие-то для электротехника и т. д., и т. д. С другой стороны, психотехника разрабатывает методы определения наличия тех или иных физических или психических свойств в человеке. Широкое практическое применение психотехника получила в области ученичества. Теперь очень большое число американских и немецких заводов и фабрик принимает в ученики лишь юношей, обладающих необходимыми физическими и психическими способностями, ибо опыт показал, что только из таких учеников могут выйти хорошие квалифицированные рабочие. Поэтому перед приемом в ученики желающим стать таковыми юношам производится своеобразный экзамен: испытывают остроту их зрения, степень развития мускульного чувства, сообразительность, память на формы и т. п. При чем почти во всех отраслях производства от будущего квалифицированного рабочего требуется умение „видеть", наблюдать.

Из сказанного видно, какое громадное значение имеют игры бойскаутов, развивающих это умение „смотреть".

Возьмем еще другого типа скаутские игры.

„Однажды зимой,—рассказывает один лектор,—я был приглашен в маленькую деревушку на праздник, устроенный местными скаутами. Дело происходило в одном из самых глухих провинциальных уголков, и однако мальчики по сметливости, сообразительности, интеллигентности не уступали лучшим городским скаутам. В конце праздника я спросил инструктора: „Как вы добились этого?"—„Да,—отвечал он,—когда они явились ко мне в первый раз, они были так тупы, так непонятливы, как могут быть только деревенские дети. Я понял, что начинать с ними работу обычным способом было бы бесполезно, и я принялся упражнять их интеллект. Каждый вечер я посылал кого-нибудь из мальчиков на определенный пункт, приблизительно в миле расстояния от нашего клуба, и вслед за ним другого скаута, который должен был повторить первому длинную фразу. Первый мальчик затем возвращался и повторял мне выслушанную фразу. Кажется, просто. Не правда ли?

И однако сначала ни один мальчик не мог правильно передать фразу, а если ему это удавалось, то тогда перевирались все. Но постепенно они научились это делать, и в настоящее время могут запомнить любую фразу. Хотя бы в передаче участвовало полдюжины мальчиков, они предъявят обратно сказанную им фразу, не изменивши ни одного слова. Вот простой способ для первоначальных упражнений интеллекта".

Руководители скаутского движения умеют прекрасно использовать экскурсионный метод. Скаутов водят, например, осматривать фабрики и заводы. Мальчики должны при этом делать заметки в своих записных книжках, также беглые наброски, а потом в клубах делать доклады о виденном, по памяти воспроизводить рисунки.

У скаутов очень широко развиты всякие „дискуссионные кружки", где ведутся дебаты на всевозможные темы и где скауты научаются вести собрания и выступать.

Не меньше распространены и кружки совместного чтения.

Таким образом мы видим, что скаутские игры имеют целью физическое и умственное развитие скаутов и достигают в этом отношении очень многого.

Правильно подходит бойскаутизм и к вопросу о производственной пропаганде. Мы упоминали уже о том, что скаут обязательно должен знать одну или несколько специальностей, хотя бы в их элементарной форме. Упоминали уже об экскурсиях на фабрики и заводы. Надо отметить еще, что бойскауты устраивают при своих клубах часто всякого рода профессиональные курсы. Наконец бойскаутизм учит бойскаутов свои знания не беречь про себя, а немедленно применять их не только в лагерной жизни, но и для налаживания жизни вообще. Проходит скаут по улице, видит разбитое стекло, свое умение вставлять стекла он сейчас использует для того, чтобы пойти предложить свои услуги по вставке стекла; видит скаут поломанный забор—сейчас же принимается за чинку его, кому бы он ни принадлежал. И так во всем. Это настоящий „хозяйский" подход к налаживанию жизни, имеющий громадное воспитательное значение.

Наконец скаутизм обращает особое внимание на умение действовать организованно, сообща. Парады скаутов, их игры преследуют именно эту цель. Скауты учатся, например, как надо действовать при пожаре, как разделить между собой функ-

дии, чтобы как можно скорее затушить его и т. д. Привычка к коллективным действиям есть лучшее средство дисциплинирования. Недаром забастовщики, привыкшие на заводе к коллективному труду, являются самой дисциплинированной частью населения.

После всего сказанного ясно, вероятно, почему мы советуем молодежи позаимствовать от скаутизма его методы.

РКСМ, если он серьезно претендует на воспитание молодого поколения и имеет хотя малейшее представление о тех колоссальных задачах, которые стоят перед этим поколением, а не занят ребячьим подражанием взрослым, должен как можно скорее внести эти методы в свою практику.

У нас в России, в малокультурной стране, в стране полудикой и в то же время вступившей на путь строительства коммунизма, воспитание молодежи имеет совершенно исключительное значение. В силу нашей некультурности тут особенно важно умение подходить к безграмотному или полуграмотному малоразвитому подростку, особенно важно знание его психологии, умение пробудить его интерес, захватить, увлечь его.

И потому внесение в практику РКСМ методов бойскаутизма особенно важно.

Нужно издать целый ряд выпусков „библиотеки РКСМ", где бы подробнейшим образом было разработано, что должен делать каждый член РКСМ. Скажем, пункт 1-го положений, которые берется проводить в жизнь РКСМ, будет гласить: „Необходимо, чтобы все люди были здоровы, сильны и ловки". И вот должно быть подробно развито в особой книжке для комсомольцев, что им надо для этого делать: изучить строение и жизнь человеческого тела, знать основные гигиенические правила, применять их к себе, учить применять других, помогать им осуществлять их (например, „дни чистки"), уметь устроить вентилятор, сварить мыло, устроить походную постель, вывести тараканов, смазать сапоги и проч.; знать, как ухаживать за больными; знать, как делать перевязку, помочь в несчастных случаях и т. д. Знать, какая гимнастика укрепляет и развивает, учиться плавать, лазать, стрелять, бегать и т. д. Такая книжка должна давать вполне точные конкретные указания, что должен сделать русский комсомолец.

Скажем, пункт второй говорит, что „необходимо много знать", и вот должна быть книжка, в которой говорится о том,

что и для чего надо узнать, и указывается, как эти знания можно приобрести. Эта книжка должна выяснить, какое значение имеет книжка, как ею надо пользоваться, научить, как пользоваться справочниками, картами и проч. Должна научить, как делать записи, писать отчеты, проверять свои знания, дать методы самообразования, указать, как пользоваться библиотекой, передавать свои знания другим и т. д. Указать ряд обязательств, которые ложатся на каждого члена союза молодежи. Например, выучить грамоте хоть одного безграмотного, читать группе безграмотных или малограмотных газету, научить пользоваться библиотекой, помочь библиотекарю в его работе, привести двух новых постоянных читателей в библиотеку или читальню, организовать или кружок любителей чтения, или кружок молодых натуралистов, или кружок по изучению сельского хозяйства и т. д.

И так к каждому пункту. Такие практические руководства будут иметь большое значение. Надо привлечь к их писанию товарищей из Всевобуча, из Наркомздрава, Наркомпроса, литераторов, практиков, квалифицированных рабочих и проч.

Надо также каждой ячейке комсомольцев обсудить у себя этот вопрос, предварительно обязав двух-трех товарищей изучить этот вопрос.

Затем выделить товарищей, которым будет поручено заняться проведением в жизнь новых методов.

Вступив на этот путь, РКСМ сможет проделать большую культурную и воспитательную работу, во сто раз большую, чем та, которую он проделывает теперь.

Приложение

ПРАКТИЧЕСКИЕ НАВЫКИ И РУЧНОЙ ТРУД У СКАУТОВ

Чтобы дать понятие о том, в каком об'еме изучаются мальчиками различные формы труда, я приведу здесь перечень наиболее употребительных из них с указанием тех экзаменационных требований, удовлетворение которых дает мальчику известное трудовое звание и вместе с тем право на профессиональный значок.

1. Корзинщик. Значок—круглая плетенка. Нужно иметь общее знание сырых материалов, употребляющихся в различных отраслях корзиночного производства; знать, откуда добывается этот сырой материал и каким образом приготовляется для работы. Кроме того требуется сделать совершенно самостоятельно какую-нибудь практически полезную вещь, напр., корзину, трость, или какое-нибудь изделие из тростника или соломы.

2. Пчеловод. Значок — улей. Требуется практическое знакомство с ульями и уходом за ними, роением и общим пчеловодством, устройством и применением искусственных сотов и т. д.

3. Кузнец. Значок—наковальня. Требуется умение согнуть вершковый железный прут и сковать вместе его согнутые половинки, сделать подкову, натянуть шину на колесо, подковать правильно лошадь. Кроме того надо уметь обращаться с большим молотом и наковальней и знать способы закалки железа и стали.

4. Лодочник. Значок—скрещенные два весла. Требуется умение грести всевозможными способами, итти на шесте, управлять лодкой при помощи весел, пристать к судну или пристани. Необходимо знание компаса и способов буксировки. Лодочник, кроме того, должен уметь различать типы судов по такелажу, вязать всевозможные узлы, уметь ошвартоваться, стростить концы и т. д.

5. Плотник. Значок—бурав. Скаут должен уметь пилить, строгать, клеить, точить и приводить в порядок плотничьи инструменты; должен сделать навес для лошадей, бревенчатый замок, ящик, стол или стул.

6. Письмоводитель. Значок—лист бумаги и гусиное перо. Экзамен—по каллиграфии, гектографированию, писанию на пишущей машине (или взамен последнего—по стенографии с минимумом 20 слов в минуту). Требуется также знание простой бухгалтерии и умение написать письмо на данную тему.

7. Повар. Значок—противень. Мальчик должен уметь развести огонь и сделать из кирпичей приспособление для варки пищи; приготовить следующие блюда: омлет, рисовый пуддинг, тушеную говядину по-ирландски, вареные овощи или какое-нибудь другое блюдо по требованию экзаминатора; приготовить

чай, кофе или какао; замесить тесто и испечь хлеб в печи; изжарить мясо и прислуживать за столом.

8. Скотник. Значок — коровья голова. Требуется приобретенное практикой умение ухаживать за молочным скотом, доить, делать масло и сыр, стерилизовать молоко; нужно знать способы сохранения молочных продуктов и уметь обращаться с различными принадлежностями молочного хозяйства.

9. Электротехник. Значок — зигзагообразная молния. Скаут должен сделать простой электро-магнит, починить электрические провода; знать способы спасения и приведения в сознание получивших электрический разряд, обладать элементарными знаниями о действии простых батарей и об устройстве электрических звонков и телефонов.

10. Земледелец. Значок — серп. Требуется приобретенное практикой умение пахать, сеять, боронить, жать, косить, сушить сено, складывать копны, садить корнеплоды, делать растительные загородки и барьеры, устроить дренаж; требуется также знакомство с сельско-хозяйственными машинами, с порядком и ходом сельских работ, с уходом за коровами, лошадьми, овцами и свиньями.

11. Друг животных. Значок — подкова. Требуется общее знакомство с анатомией домашних животных и с элементами ветеринарии; нужно знать симптомы и способы лечения ран, переломов, вывихов, растяжений сухожилий, крайнего истощения, удушья, хромоты, колик; иметь понятие о ковке.

12. Садовник. Значок — цветок. Мальчик должен вскопать площадь не менее 12 квадратных футов: посадить и вырастить шесть родов овощей или цветов из семян или отростков; нужно знать названия садовых растений и иметь понятие о подрезке, прививке и удобрении.

13. Мастер на все руки. Значок — молоток и паяльная труба. Требуется умение выкрасить дверь или ванну; выбелить потолок, починить газовую трубу, водопроводный кран, оконную раму, оконные и дверные задвижки, переменить газовый колпачок, электрическую лампочку, повесить картины и занавески, починить жалюзи, укрепить перекладину шторы и портьеры; кроме того, надо уметь стлать ковры, чинить столовое белье и мебельные чехлы, делать небольшие починки мебели и посуды и точить ножи.

14. Наездник. Значок—шпора. Мальчик должен уметь: ездить верхом всевозможными аллюрами, перескочить барьер средней высоты; правильно оседлать и взнуздать лошадь; запрягать и править лошадьми в одиночку и парой; кормить, поить и чистить лошадей; определить причину хромоты лошади и применить соответствующее лечение.

15. Переводчик. Значок—две руки, соединенные в дружеском пожатии. Требуется умение на каком-нибудь иностранном языке вести несложный разговор, написать небольшое письмо на тему, данную экзаменатором, прочитать и перевести отрывок из книги или газеты.

16. Прачка. Значок—утюг. Нужно уметь стирать, катать и гладить белье, а также бумажную и фланелевую одежду, накрахмалить и выгладить сорочку.

17. Работник по коже. Значок—шило. Мальчик должен уметь: поставить подметки и каблуки к сапогам; обтянуть ремнем или на гвоздях; починить башмаки или туфли; обтянуть кожей седло, починить стремянные ремни и т. д.; должен знать разные части упряжи и иметь понятие о дублении кожи.

18. Каменщик. Значок—лопатка каменщика. Мальчик должен сложить, по крайней мере, четыре ряда кирпичной стены, угол, часть фундамента; должен приготовить цемент и знать употребление ватерпаса и треугольника.

19. Рудокоп. Значок -скрещенные кирка и лопата. Требуется общее знание какой-нибудь отрасли горного дела (разработка каменного угля, железной руды или каких-нибудь материалов); требуется, чтобы мальчик проработал в копях не менее 6-и месяцев и был знаком как с опасностями, связанными с рудокопным делом, так и со способами предохранить себя от них.

20. Натуралист. Значок—цветочный венчик. Требуется составить коллекцию из листьев 30-и различных деревьев или из 60-и видов диких цветов, папоротников или трав, высушить их, наклеить в гербарий и обозначить названия. Или требуется сделать красками 20 рисунков цветов, папоротников и трав, или 12 набросков из жизни животных и птиц и рассказать при этом о своих наблюдениях. Или требуется уметь назвать 90 различных видов животных, насекомых, пресмыкающихся или птиц в музее или зоологическом саду, или по раскрашенным рисун-

кам, и сообщить сведения о жизни, привычках, приметах и внешнем виде 20-и из них.

21. Фотограф. Значок—камера-обскура на треножнике. Мальчик должен знать теорию и применение линз, устройство фотографической камеры и процесс проявления негативов; должен также снять, проявить и напечатать 12 фотографических карточек.

22. Рулевой. Значок—рулевое колесо. Мальчик должен уметь управлять парусной лодкой, поставить, укоротить, убрать паруса, взять рифы; быть хорошо знакомым с адмиралтейской картой ближайшего порта и побережья около него; знать поплавки, баканы, вехи и другие путеводные знаки в гавани; знать правила морской навигации: огни судов разных типов, сигналы опасности и штормовые, коммерческий кодекс сигналов; уметь определить положение судна по сигналу. Кроме того требуется, чтобы мальчик, по крайней мере в течение шести месяцев, вел корабельный журнал, отмечая состояние погоды, ветер, показания барометра и термометра.

23. Пионер. Значок—кирка и топор. Скаут должен обнаружить большой навык в следующем: срубить девятивершковое дерево быстро и чисто; завязать восемь различных узлов в темноте или с завязанными глазами; прочно связать два бруса вместе; сделать модель моста или лебедки; соорудить полевую кухню; построить хижину любого типа для трех человек.

24. Печатник. Значок—прокатный валик. Мальчик должен знать названия различных печатных шрифтов и форматов бумаги; сделать набор от руки или машиной; уметь обращаться с печатными машинами разных типов; напечатать афишу, набранную вполне самостоятельно.

25. Рыбак. Значок—рыба. Скаут должен быть знаком практически с разными методами рыбной ловли при помощи переметов, сетей и удочки; требуется трехмесячная практика в рыбной ловле и знание коммерческого кодекса сигналов.

26. Портной. Значок—ножницы. Мальчик должен сшить на руках или на машине скаутскую рубаху и брюки для самого себя.

27. Телеграфист. Значок—телеграфный столб. Требуется знание элементарной теории электрического тока и знакомство с основными принципами беспроволочного телеграфа;

умение послать и принять депешу по системе Морза со скоростью 30-и букв в минуту; знание конструкции телеграфных аппаратов и умение произвести в них несложные починки.

28. Текстильный работник. Значок—ткацкий челнок. Требуется знание названий и качества сырых материалов, употребляемых на прядильных и ткацких фабриках, их культуры и рынков, откуда эти материалы приобретаются; названий и качеств фабрикатов, выделываемых из сырых материалов. Кроме того мальчик должен описать процесс выделки фабрикатов из сырого материала и быть основательно знакомым, по крайней мере, с одной какой-нибудь отраслью текстильной индустрии.

Приведенный выше перечень различных отраслей труда, которым желающие скауты могут обучаться, далеко не полон. Строго говоря, скаутская программа обнимает почти все формы труда, возможного в практической жизни, хотя, конечно, ни в одной местности нельзя найти средств обучения всем этим формам без исключения. Выбор из этого обширного списка трудовых профессий определяется чаще всего местными условиями и потребностями трудового рынка. Так, в приморских местностях наибольшее внимание уделяется рыболовству и береговой службе, в Шеффильде—слесарному и кузнечному ремеслам и т. д. Но, кроме подготовки к таким отраслям труда, которые могут оказаться полезными в будущей деятельности скаута, существует еще ряд практических навыков, применяющихся, главным образом, в самой системе „скаутинг".

Повсюду им уделяется особенное внимание, и мальчики, получившие соответствующие значки, обязаны подвергаться экзамену ежегодно, чтобы доказать, что эти навыки ими не утрачены. Сюда относятся различные отрасли знаний и умений.

1. Санитарное дело, уход за ранеными и больными. Значок—красный крест. Скаут должен знать: а) способы поднимания и переноски раненых; б) местонахождение главных артерий; в) способы первой помощи в случаях удушья, ожога, отравления, засорения глаз, вывиха и ушиба; г) общие правила гигиены, при чем требуется ясное, мотивированное представление о вреде курения, полового невоздержания, плохой вентиляции и нечистоты. Мальчик должен также уметь: д) вытащить с помощью веревки потерявшего сознание человека из комнаты, наполненной дымом; е) соорудить импровизированные

носилки; ж) бросить спасательную веревку; з) остановить наружное или внутреннее кровоизлияние из вены или артерии; и) поставить диагноз при переломе кисти, соорудить лубки и наложить их на место перелома; к) применить метод Шефера искусственного восстановления дыхания.

2. Велосипедная езда. Значок—велосипедное колесо. Мальчик должен подписать удостоверение, что он является собственником велосипеда, вполне годного для езды, и что он всегда готов по первому требованию предоставить себя и свой велосипед для несения королевской службы, если обстоятельства этого потребуют. Мальчик должен уметь хорошо ездить на велосипеде, обращаться с ним и производить нужные починки. Кроме того он должен уметь разбираться в карте и повторить правильно словесное поручение.

3. Пожарная служба. Значок—язык пламени. Мальчик должен доказать свое уменье обращаться со всевозможными приспособлениями пожарного дела (рукавами, лестницами, спасательными веревками, простынями и т. д.); должен уметь лазить, поднимать потерявших сознание, передавать ведра с водой; должен знать также, как дать сигнал тревоги обитателям дома, как войти в горящее здание и работать в дыму, как остановить распространение огня, как спасать животных и имущество, как соорудить спасательную веревку и спасательную простыню для прыгания, как образовать живую „стенку“, чтобы сдерживать толпу любопытных, и т. д.

4. Стрельба. Значок—два скрещенных ружья. Требуется при прицельной стрельбе получить 60 баллов из возможных 100, по такому расчету: центр—5 баллов, внутренний круг—4, второй круг—3 и наружный—2; условия: двадцать выстрелов (в любом положении), мишень—установленного в королевской артиллерии образца для дистанции в 100 или 200 ярдов, или же уменьшенного типа для мелкокалиберных карабинов при дистанции в 15 или 25 ярдов. Требуется также умение определять на глаз расстояние в незнакомой местности (пять проб для дистанции не свыше 300 ярдов и пять проб для дистанции в 300—600 ярдов). Средняя ошибка десяти проб не должна превышать 25%.

5. Знание окрестностей. Значок—указующая рука. Мальчик должен знать каждый переулок, каждую тропинку на расстоянии по крайней мере двухмильного радиуса вокруг

местной скаутской главной квартиры и быть знакомым с окрестностями на пять миль расстояния вокруг главной квартиры настолько, чтобы быть в состоянии, в случае необходимости, служить проводником для прохожих в любое время дня и ночи; должен знать направление, в каком лежат важнейшие соседние города в окружности на 25 миль расстояния, и уметь дать прохожим ясные и точные указания, как до них добраться; в провинции на две мили расстояния должен знать названия различных ферм и количество акров земли, принадлежащей владельцам этих ферм; в городе на пол-мили кругом должен знать все хлебные магазины, пекарни, мясные лавки и т. п.; в городе и провинции одинаково должен знать, где находятся полицейские участки, госпиталя, телеграфные и телефонные станции, амбулатории, пожарные депо, пожарные краны, кузницы, мастерские и заводы; мальчик должен быть также несколько знаком с историей местности и старыхз даний, как, например, церквей, замков и т. п. Топографические данные должны быть занесены скаутом на карту большого масштаба и предоставлены для справок в распоряжение местной главной квартиры.

6. Сигнализация. Значок—два скрещенных флага. Мальчик должен уметь послать и принять известие при помощи сигнализации по семафорной системе или системе Морза, при чем минимум скорости определяется в 24 буквы в минуту для системы Морза и в 36 букв для семафорной системы. Он должен также знать звуковую сигнализацию и сигнализацию при помощи дыма и вспышек огня. Требуется также уменье сигнализировать при помощи скаутского посоха.

Все перечисленные навыки усваиваются мальчиками самыми разнообразными путями, но всегда практически. Очень часто мальчик сам находит нужные для него средства обучения той или другой интересующей его отрасли профессионального труда, обращаясь с этой целью нередко к знакомым и даже незнакомым мастерам данной профессии. Иногда, запасшись нужными инструментами, дети самостоятельно пытаются достигнуть известных успехов, необходимых для того, чтобы выдержать нужный экзамен и получить заветный значок. В этих случаях роль местных главных квартир сводится только к поощрению такого рода деятельности, к производству испытаний и выдаче значков. Но очень часто местные скаутские организации приходят на помощь детям и устраивают при скаутских клубах своего рода

трудовые курсы, чаще всего в форме вечерних классов, особенно по таким отраслям труда, которые, благодаря своей сложности, требуют умелого руководства и известной теоретической подготовки. С этой целью приглашаются опытные местные мастера и сведущие работники, которые,—надо отдать им справедливость,—несут этот труд часто безвозмездно, уделяя для этого свои свободные часы, просто из любви к делу и под влиянием сознания важности такого рода деятельности для будущности родной страны.

Приведем здесь небольшой очерк таких вечерних курсов для бойскаутов в Манчестере при муниципальной школе Блэклей, на которых я останавливаю свой выбор, с одной стороны, потому, что они кажутся мне типичными в своем роде, с другой стороны, потому, что основные принципы и общая история организации этих курсов известны мне из лекции их руководителя и основателя Бэн Уайльда, прочитанной в Бирмингаме на собрании инструкторов скаутского движения.

„Когда мне пришлось взяться за составление проспекта для скаутских вечерних классов, говорит Уайльд, -я попытался встать на точку зрения мальчика-подростка. Что ему надо? Чего он хочет? Прежде всего, в работе должно быть нечто такое, что отвечало бы его запросам и было бы ему близко и понятно, что могло бы до некоторой степени служить для него развлечением после утомительной дневной работы в магазине, на фабрике или в мастерской. Он должен затем иметь тот или другой исход для своей энергии. Он хочет деятельности. От природы в нем заложен импульс к действию. Он—борец, деятель, исследователь. Мы можем, конечно, сделать невозможным для мальчика проявление всех этих качеств, обратить его в автомат и подавить его личность, его индивидуальность. Но мы можем также направить эту кипучую энергию по правильному руслу, где мальчик найдет нечто пригодное для осуществления своих идеалов, и где его „я“, развиваясь и укрепляясь, пойдет по самоотверженному пути служения ближним, и таким образом облагородится и углубится его понимание жизни. В мальчике затем есть потребность делать то, что может иметь для него практическую пользу.

Наша задача, таким образом, состояла в том, чтобы организовать вечерние классы таким образом, чтобы занятия в них отвечали запросам мальчика и оказали ему практическим

путем пользу в осуществлении его идеалов. Только в этом направлении и лежит разрешение проблемы, если мы хотим привлечь детей к вечерним классам при их добровольном согласии. Мальчики так же, как и взрослые, не любят, чтобы их тащили на буксире.

Вставали и другие задачи. Дело в том, что мальчики, оканчивая школу, часто воображают, что их образование вполне закончено, и, только вступив в жизнь, они убеждаются, что, строго говоря, они не знают ровно ничего, что помогло бы им пробить дорогу в жизни. Многие принимаются за уличные занятия и проводят свои досуги в том, что слоняются по улицам (или наводняют гипподром и кинематографы). В возрасте от 17 до 18 лет некоторые из них пытаются наверстать упущенное время и поступают в городские вечерние классы. Другие, не делая никаких усилий, просто отдаются течению обстоятельств и увеличивают собой ряды неумелых рабочих и безработных.

Мы хотим, чтобы со скаутами дело обстояло иначе. Мальчик скаут еще до окончания школы поступает на наши вечерние курсы и в избранной им отрасли труда добивается известных успехов настолько, что приобретает право на значок. Он приобретает привычку пользоваться своими досугами разумно и не только для себя, но так, чтобы иметь возможность быть полезным для других. В процессе работы он может затем развить скрытые в нем способности".

Манчестерские вечерние классы для скаутов помещаются в здании муниципальной школы Блэклей, предоставленной для этой цели скаутской организации Манчестерским Воспитательным Комитетом. Занятия происходят три раза в неделю.

Понедельник: топографский и землемерный класс от 7—8 ч.; амбулаторный в 8—9 ч.; плотничий в 7—9 ч.; пожарный—в 8—9 час.

Вторник: плавание (в бассейне городских бань) от 6 час. 30 мин. —8 час. 30 мин.; стенография в 7—8, 8—9 час.; „мастер на все руки" и пионерный класс в 7—9 час.

Четверг: спасание утопающих (в бассейне городских бань) от 6 час. 45 мин. —7 час. 45 мин.; плотничий класс в 7—9 час.; работа по коже и сапожное производство в 7—9 ч.; класс письмоводителей в 7—9 ч.

Хотя посещение классов является совершенно добровольным, но тем не менее принимаются некоторые меры, чтобы мальчики, раз записавшиеся на тот или другой предмет, посещали занятия регулярно. С этой целью ведется регистрация отсутствующих, и наиболее ревностные из мальчиков назначаются так называемыми „помощниками-руководителями", которые ведут эту регистрацию. Попечению каждого руководителя вверяются 4—6 мальчиков, за аккуратностью посещения которых он обязан следить. В случае отсутствия кого-нибудь из вверенных его попечению, руководитель навещает отсутствующего, чтобы узнать причину неявки. Если причина окажется совершенно неуважительной, руководитель имеет право сделать ему выговор. Мера эта оказывается вполне достаточной по отношению к тем мальчикам, которые при наилучших желаниях не отличаются постоянством характера и склонны иногда уступить слабости настроения. С другой стороны, эти товарищеские упреки делаются всегда на почве сознанной ответственности каждого мальчика за успех всего класса. При посредстве руководителей это чувство общей ответственности внушается таким образом всем участникам класса.

В конце каждого полугодия производятся экзамены для желающих получить значок той или другой профессии. Успешно выдержавшим экзамен кроме значков выдаются также свидетельства от Манчестерского воспитательного комитета.

Как мы видим из расписания вечерних классов, при школе Бэклей существуют классы: амбулаторный, топографский, плотничий, пионерный, „мастера на все руки", сапожный, плавания, спасения утопающих и класс письмоводителей. Занятия в классах ведутся с таким расчетом, чтобы дать мальчику сведения по избранной им специальности в большем размере, чем это требуется для экзамена на значок.

В топографском классе, например, мальчики должны знать всевозможные колесные дороги от школы, расстояние до различных городов и местечек, лежащих на этих дорогах, время, необходимое для путешествия в эти города, и стоимость поездки. Манчестер—железнодорожный центр. Поэтому скаут должен знать расположение железнодорожных вокзалов, пассажирских и товарных, и их расстояние от главнейших пунктов города. Он должен также подробно знать Ланкаширскую и Йоркширскую железнодорожную линию, ее передаточные

пункты в Ирландию и на континент, и быть знакомым в основных чертах с линиями—Лондонской и Северо-Западной, Большой Центральной, Чеширской, Великой Северной и Северо-Восточной, при чем сюда включается знание крупных городов, расположенных на этих линиях, и характера местности, по которой они пролегают, т. е. природы этой местности, ее индустрии и земледелия. Мальчик должен уметь сделать набросок каждой линии и отметить на нем положение важнейших городов. Манчестер, кроме того, —порт. Поэтому скаутские классы пытаются выяснить для мальчика значение Манчестерского канала для города, при чем сообщаются сведения о его географическом положении, доках, индустрии и эксплоатации природных богатств, развившейся благодаря каналу, о пароходстве и торговле, ввозе и вывозе и т. д.

Все это разучивается мальчиками не только путем устных бесед с учителями, но также при помощи игр особого рода и наглядных пособий, т. е. карт, диаграмм и диапозитивов волшебного фонаря. В связи с классными занятиями идут также практические работы вне класса в целях личного ознакомления мальчиков с окрестностями и с приемами топографического изучения местности. Обыкновенно по субботам, в хорошую погоду, мальчики отправляются со своим инструктором в окрестности Манчестера для производства землемерных с'емок. Данные измерения и легкие наброски контуров местности заносятся в записные книжки, и на основании этого материала в понедельник вечером в классе составляется карта изученной местности. По отзывам руководителей, к работе такого рода дети относятся с энтузиазмом и делают, по собственному побуждению, гораздо больше того, чем от них требуется.

Работы в плотничьем классе ставят своей задачей производить предметы действительно практической пользы, чем постановка этих классов существенно отличается от уроков столярного и плотничьего мастерства при городских начальных школах, где очень часто программа работы имеет главной целью заставить учеников производить сложные упражнения с инструментами и таким образом научиться владеть ими, при чем практическая пригодность сделанных вещей в расчет не принимается. Нечего и говорить, что сознание полезности производимой работы, может быть, и грубоватой на первых порах, является для детей очень сильным побуждением к работе.

повышающим их интерес, и представляет несомненное преимущество в постановке дела в скаутских классах. Для работы употребляется самый грубый материал: сучья, древесные пни, стволы деревьев, все, что получается в результате очистки городского парка, при чем этот материал предоставляется скаутам парковым комитетом безвозмездно. Для работы употребляются самые простые инструменты: нож, молоток, топор и пила, т. е. то, что может найтись почти в каждом хозяйстве. Делается это с определенной целью научить мальчика производить различные починки предметов домашнего хозяйства даже в том случае, если в его распоряжении не имеется полного набора специальных инструментов.

В сапожном классе мальчики учатся чинить собственную обувь, накладывать подметки, наставлять каблуки, строчить кожаные ремни, сучить дратву и т. д. Ученики этого класса производят всевозможные починки обуви, сбруи, седел, кожаной обивки мебели и т. д. вполне самостоятельно и, если в их работе, быть может, замечается недостаток элегантности, то ей ни в каком случае нельзя отказать в прочности, что для бедного хозяйства является, несомненно, более важным.

В класс „мастера на все руки", где изучаются самые разнообразные работы, полезные в домашнем обиходе, начиная с оклейки стен обоями и кончая починкой газового колпачка, часто являются местные мастера и ремесленники и демонстрируют практические приемы своих профессий. Местный маляр посвятил однажды целый вечер, чтобы показать скаутам, как надо красить двери и белить потолки. Местный паяльщик показал, как чинятся газопроводные трубы. Местный кузнец открыл для детей свою кузницу и т. д., и т. д.

„Изумительно видеть ту готовность,—говорит Бэн Уайльд,—с которой каждый спешит прийти нам на помощь. Нас ободряет та поддержка, которую мы находим и в комитете городских бань, и у суперинтенданта пожарного депо, и у воспитательного комитета, и у местных торговцев и мастеров. Когда я говорю им, что скауты тратят свои досуги не только для себя, но и для того, чтобы научиться быть полезными для других, все мои просьбы удовлетворяются немедленно".

Пробуждение в молодежи стремления к приобретению практических знаний у нас в России имеет исключительное значение. Мы много говорим о профессиональном образо-

вании, о производственной пропаганде, об организации труда. Бойскаутский подход к приобретению практических знаний является одним из очень действительных видов производственной пропаганды.

При нашей отсталости, первобытном состоянии профессионального образования, самодеятельность, активность молодежи в деле приобретения профессиональных знаний чрезвычайно важна.

Надо только вовлечь в эту работу и профсоюзы, заинтересовав их в этом деле. Кто же может лучше всего помочь молодому поколению приобрести необходимые ему знания, как не рабочие, не профсоюзы?

В буржуазной Англии рабочие содействуют, не беря за то никакой платы, профессиональной подготовке скаутов. Неужто у нас, в Советской России, не образуется из среды рабочих групп содействия профессиональному образованию членов РКСМ, этого авангарда молодежи?

Изданно отдельной книгой
Госиздатом в 1922 г.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Тургенев. И. С.— русский писатель XIX в. Автор „Записки охотника", романов: „Отцы и дети", „Новь", „Дворянское гнездо", „Накануне", „Рудин", ярко изображавших помещичий быт. В „Записках охотника" Тургенев яркими красками рисует темные стороны крепостной эпохи".

[2]) Тэйлор—крупный американский инженер. Первый поставил вопрос о возможно более производительном использовании труда рабочего, но исключительно под углом зрения извлечения наибольшей прибыли для капиталиста. Тэйлор проводил наблюдения за тем, как затрачивается время на работе, и на своих предприятиях добился максимального использования рабочей силы. „Тэйлоризм" в условиях капитализма только ухудшает положение рабочего класса. Из совершенно иных предпосылок—улучшения положения пролетариата—исходит движение в пользу научной организации труда в СССР.

ВОЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ

ЦИК постановил, чтобы Народный Комиссариат по Просвещению обратил внимание на военную подготовку подростков до 16 лет, военная же подготовка молодежи от 16 до 18 лет переходит уже в руки инструкторов, специалистов по военному делу.

Чтобы наилучшим образом выполнить задачу военного воспитания молодежи, надо прежде всего отдать себе отчет, каков должен быть будущий гражданин, способный вооруженной рукой защищать свое социалистическое отечество.

Во все времена признавалось, что для того, чтобы победить, войско должно быть проникнуто воодушевлением, должно в массе своей быть уверено, что оно борется за правое дело. И сознавая это, власти предержащие старались втереть массам очки. Дело шло о новых завоеваниях, а „серую скотинку" уверяли, что она идет бороться „за веру, царя и отечество". „Солдатская памятка" уверяла солдат: „сам бог вам генерал". Европейские правительства хотя ничего не говорили о непосредственном участии бога в битвах, но зато стремились взвинтить настроение масс патриотическими речами, статьями, книгами. Империалистические цели войны замаскировывались. Массы уверяли, что между классами нет больше розни, что все, как один человек, готовы встать на защиту отечества. Все это делалось, чтобы вызвать необходимое воодушевление в солдатских массах.

В солдатах нового строя необходимо воспитать беззаветную преданность своему социалистическому отечеству, всемирному социализму, воспитать готовность защищать его до последней капли крови.

И школа должна готовить убежденных социалистов, безгранично преданных делу. Вот первая задача военного воспитания юношества, лежащая на Комиссариате по Просвещению. Эта задача лежит по общей линии работы новой социалистической школы. Одним воодушевлением однако на войне не возьмешь, это условие необходимое, но не достаточное. „Солдатская памятка" учила солдат: „Стреляй из ружья; ружье испортилось—коли штыком; штык сломался—бей кулаками: кулаки испортились—вцепись зубами". Это грубое выражение того факта, что в войне, когда дело доходит до схватки, все зависит от меткости глаза, силы и ловкости. Долгое время в войске особенно ценились меткие стрелки, силачи, отчаянные головы. Меткость глаза, ловкость и силу будет развивать в своих учениках социалистическая школа, но не ради тех только военных целей, а ради того, чтобы учащийся мог быть умелым членом „великой армии труда".

В схватке есть элементы жестокости, звериной дикости, и потому к рукопашному бою более способны менее культурные народы. Где дело идет о жестокой схватке, там на сцену выдвигаются разные „дикие дивизии", „африканские полки" и т. п. Не случайность, что в специальных военных учебных заведениях культивируется грубость нравов. Прочитайте разоблачения о внутренней жизни закрытых военных учебных заведений, и вы увидите, что во взаимоотношениях учеников там царят обычаи, вышибающие в учениках всякое чувство человечности. Социалистическая школа не может давать приют нравам „диких дивизий" и будет бороться со всяким озверением.

Комиссариат Просвещения должен бороться со всеми играми и организациями молодежи, культивирующими зверские инстинкты.

Однако отказ Комиссариата Просвещения помогать такому „военному" воспитанию не принес бы особого ущерба делу защиты социализма военной силой.

В прежние времена в войне побеждала та сторона, которая располагала наибольшим количеством солдат, способных вцепиться во врага „мертвой хваткой". Личный героизм играл при этом немалую роль. Но современная война носит другой характер. У Вересаева[1]) есть прекрасные описания русско-японской войны. Есть у него рассказ, как двое парней пошли на

войну, мечтая о геройских подвигах, и как пришлось им увидать, что никаких геройских подвигов на войне от них не требуется. Японец палит невесть откуда, и все дело в том, чтобы найти, куда укрыться, как окопаться, куда передвинуться, понять знаки, что дают с горы, и самим вдруг начать палить из дальнобойных орудий куда-то в пространство.

В современной войне решающую роль играет техника и особенно организация. Почему побеждают немцы? Потому, что у них самые усовершенствованные пушки, пулеметы, подводные лодки, аэропланы и пр. Потому, что у них прекрасно организован тыл, постоянное прекрасное сообщение тыла и фронта, каждый человек на учете, его силы используются наилучшим образом, каждый шаг рассчитан, обдуман.

Возьмите немецкого солдата. Он не только грамотен, он обладает также и графической грамотностью: умеет зарисовать данную местность, он быстро ориентируется благодаря этому в любой местности, отчетливо представляет ее себе. Он умеет сварить себе самым гигиеническим способом обед, устроить импровизированное жилище, он мастер на все руки, он не пропадет, если останется один, но в то же время он как нельзя лучше умеет действовать скопом, он понимает, что при общих действиях по раз намеченному плану каждый должен выполнять роль, выпавшую на его долю: добежать, остановиться там-то, отстать и т. п. Он понимает, что только при самом точном исполнении каждым своего небольшого дела удается общий план. Заводский рабочий знает это прекрасно по работе на фабрике, приучающей к точности. В столько-то минут на работе, столько-то часов за работой и пр. Точность и исполнительность—необходимые качества как рабочего, так и солдата.

Народный Комиссариат по Просвещению должен озаботиться, чтобы школа воспитывала эту аккуратность и точность в исполнении каждой работы, чтобы школа развивала инициативу, давала бы трудовые навыки, давала бы умение быстро приспособляться к новым условиям. Конечно, теперешняя школа учебы не в состоянии научить всему этому, ее надо реформировать в школу труда. Немцы прекрасно знают, как важна для солдата та общая подготовка, которую дает трудовая школа, и во время войны обратили особое внимание на

реформу школы в указанном направлении, не жалеют денег на постройку школьных мастерских и т. п.

Тут работа идет как раз по линии создания трудовой школы.

Параллельно с реформой школ немцы стараются поставить как можно лучше дело подготовки юных разведчиков. Организация юных разведчиков в Германии охватывала перед войной около миллиона подростков. Она напоминает собою организацию бойскаутов, но характеризуется чрезмерным развитием шовинизма, чинопочитания, дисциплины, преобладанием военных упражнений над играми. Бойскаутизм в Англии пропитан тем же духом шовинизма и военщины, в Швеции он носит гораздо более симпатичный характер. Он направлен более на выработку характера, выносливости, на сообщение ученикам разных умений, необходимых всякому солдату, на игры, которые приучают действовать сплоченными рядами.

Бойскаутизм применим и у нас, он заслуживает самого широкого развития, так как отвечает потребностям подростка и является необходимым добавлением слишком медленно реформируемой школы. Только грубая военщина и субординация недопустимы. Не духом шовинизма, а духом социализма должен быть проникнут наш бойскаутизм. Если этого удастся достигнуть, бойскаутизм сослужит хорошую службу как в подготовке гражданина, так и солдата красной Советской Республики *).

Приложение к „Известиям ВЦИК", № 3, 1918 г.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Вересаев В. — русский писатель, врач по профессии. Автор целого ряда повестей и романов: „Поветрие", „Два конца": известных „Записок врача". Марксист. В очерках о русско-японской войне дал яркую и правдивую характеристику распада командного состава, жалкое неумение царизма проводить заведенную войну. После Октября работает с Советской властью.

*) Взгляды Н.К. на значение бойскаутизма более подробно изложены в статьях: „О юкизме" и „Бойскаутизм и РКСМ".

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА ПОДРОСТКОВ

Капиталистический уклад с его частной собственностью на средства производства, с его свободной конкуренцией, вызывавшей бешеную борьбу за „теплое местечко на солнце", воспитывал в людях особую собственническую, звериную психологию, психологию, в которой не было места братской солидарности; вся она, эта психология, окрашивалась в мрачный цвет черствого эгоизма. И только в рядах рабочего класса еще при капитализме возникает новая психология, психология коллективизма. И развиваясь все больше и больше под влиянием новых условий жизни, под влиянием обобщения производства, эта психология явится той предпосылкой социалистического строя, без которой невозможен и самый этот строй. Уже и сейчас, когда делаются еще первые шаги по переустройству жизни на социалистических началах, мы видим проявление коллективистической психологии в таких явлениях, как добровольная запись тысяч рабочих в отряды, отправляющиеся на фронт, в коммунистических субботниках, в самоотверженной работе на общую пользу. Но коллективистическая психология пока охватила только передовые тысячи, десятки тысяч передовых рабочих. Массы же еще крепко держат в своих омертвелых лапах умирающее старое. В массах преобладают еще старые взгляды, старые понятия, и только неуклонная работа над переустройством жизни вытеснит старые понятия и чувства.

Новое поколение вырастает уже при других условиях, и его психология будет насквозь проникнута коллективизмом. Общественные чувства будут заглушать проявления эгоизма.

Школа, если она хочет содействовать скорейшему осуществлению социализма, должна с своей стороны способствовать развитию в молодежи общественных инстинктов и общественных чувств.

...Школа-клуб для подростков может как раз явиться такой воспитывающей общественные чувства и навыки организацией.

Школа-клуб для подростков не связана определенной, неизменной программой; это свободная школа, куда подростки идут добровольно, куда они могут ходить или не ходить, и потому школа-клуб больше, чем какая-либо другая школа, должна считаться с запросами и интересами подростка.

Часто считают, что воспитание общественных навыков лучше всего достигается в школе-клубе, где подростки обстоятельно разбирали бы и обсуждали все вопросы. Собрания подростков, конечно, вещь хорошая, ибо будят сознательность, но необходимо, чтобы инициатива обычно исходила от детей и самих подростков и разбирались те вопросы, которые самих детей интересуют.

... Собрания должны быть лишь подсобным средством воспитания коллективистических навыков и чувств. Центр тяжести социального воспитания должен быть в правильной организации труда в школах-клубах.

И сейчас в школах-клубах дети охотно занимаются рукоделием, столярничеством, клейкой всякой, лепкой и пр. Но „трудовые процессы", как теперь нелепо называют производительный труд, сами по себе еще не воспитывают коллективистической психологии. Помню, как учили рукоделию в наших женских гимназиях. Каждая ученица приносила свой материал и шила его для себя, для своей сестренки, для своего дома. Работа была, но не было коллективной работы, между тем как преподавание того же рукоделия можно поставить совершенно иначе. Надо поставить работе о б щ у ю ц е л ь, как, например, это бывает при приготовлении костюмов для пьесы. Поставить, например, цель—обшить ребят таких-то яслей, детского сада (конечно, цель нельзя брать такую, чтобы на достижение ее было потрачено уж очень долгое время) и т. п. Тут надо предоставить подросткам самим определить, сколько чего надо сшить, вымерить, сколько материи надо, определить какой материи, распределить между собою работу и пр. Важно, чтобы цель была о б щ е с т в е н н а я и достижение ее занимало под-

ростков. Самое лучшее, если они сами будут ставить эти общественные цели. Но цель, достигаемая общими усилиями, действует чрезвычайно воспитательно, приучая к совместному коллективному труду, развивая коллективистическую психологию.

Чтобы цели были разнообразны и жизненны, необходима тесная связь между школой-клубом и живой общественной жизнью. Школа-клуб не должна быть учреждением замкнутым. В школах-клубах могут организоваться особые санитарные отряды клубистов. Для поступления в отряд надо выдержать определенный экзамен (это важно с точки зрения воспитания серьезного отношения к подготовке к общественной деятельности). Комиссариат Здравоохранения должен составить небольшую программу этого курса клубистов-санитаров с рядом практических занятий. Тот же Комиссариат должен наметить план общественной работы клубистов-санитаров. Деятельность их может быть очень разнообразна. Они делают подробные доклады в клубе.

Может образоваться группа клубистов-педагогов, которые научат уходу за маленькими детьми и обращению с ними (для детей рабочих, где им долго еще придется возиться с младшими братишками, сестренками, такие сведения необходимы). Работа в яслях, детских садах дополнит теоретические знания группы.

Во время войны буржуазия привлекала школьников к участию в организации тыла. Так, в Вене отряды школьников обходили под предводительством учителя целые кварталы, заходя в каждую квартиру и собирая медь для военных целей. Во Франции широко было поставлено изготовление школьниками подарков для солдат. Ферстер еще до войны говорил об организации отрядов школьников для помощи в хозяйстве старикам, больным и проч. Изготовлению подарков, помощи в хозяйстве придавали вид личной благотворительности. Этот привкус благодеяния не должен допускаться. В связи с гражданской войной и общим тяжелым положением страны, буржуазия воспитывала в молодом поколении патриотические чувства, изображая империалистическую войну войной за свободу, за родину.

Но разве современная война, тесно связанная с войною гражданской, с борьбой за справедливость не способна возбудить в молодежи величайшего энтузиазма, самоотвержения,

энергии? Разве это участие в борьбе за справедливость, за социализм не способно воспитать в молодежи дух коллективизма? Конечно, способна. Это мы видим на примере Союза Коммунистической Молодежи, члены которого в любую минуту готовы умереть за Советскую Республику, и не только готовы умереть, но и умирают. Конечно, в такой момент, когда судьба страны зависит главным образом от успехов на фронте, молодежь, делая так, поступает правильно. Но такие моменты, как сейчас, моменты по существу своему—временные, а обычно молодежи надо не умирать итти, а учиться жить и жить по-коммунистически. Это в обычное время чрезвычайно важная работа, и надо показать молодежи всю важность для социализма этой работы. Когда молодежь поймет эту важность, она будет работать с таким же энтузиазмом, с каким теперь идет умирать, и своим примером увлечет и подростков.

Сейчас эта сторона дела, организация коммунистической работы поставлена в Союзе Коммунистической Молодежи не на должную высоту. Молодежь устраивает клубы, учится говорить на собраниях, устраивает спектакли, агитирует, учится делать все то, что делает Коммунистическая партия. Все это важно и нужно, очень нужно, но нужно еще и многое другое. Молодому поколению предстоит строить новую жизнь на коммунистических началах, этому нам всем надо учиться и учиться, потому, что монархический строй не дал нам умения строить не только коммунистической, а никакой жизни. У нас нет организаторских способностей, нет выдержки, нет тонкости отчетливости в работе.

Но у нас в России, как и везде, гораздо важнее другое—правильная общественная организация труда, такая организация, чтобы ни одна сила не погибала задаром, а была бы введена в общую цепь общественного труда. Капиталистическое хозяйство с его свободной конкуренцией построено было на мотовстве общественных сил. Рабочего, попавшего на завод, превращали в выжатый лимон, эксплоатируя его по всем правилам капиталистической науки, по системе Тэйлора, а у ворот стояли сотни безработных, жаждущих труда. С этим мотовством производительных сил и должен покончить социализм, Его задача так организовать общественный труд, чтобы не пропал бесплодно ни один талант, ни одна сила, и не только

не пропали, но и развились до своего максимума и все пошли на пользу и радость человечества. А мы, мы так беспомощны еще. От недостатка, от неумения организоваться у нас хромает и продовольствие, и транспорт, и фронт, особенно фронт. Жизнь сурово учит нас организации, слишком даже сурово.

И вот подросткам и молодежи необходимо понять, что если они не приобретут организационных навыков, не разовьют в себе принципиальных талантов, они не смогут долго еще создать социализм.

Молодежь игнорирует эту сторону дела. Субсидирование Союза Коммунистической Молодежи перешло сейчас в руки Внешкольного отдела Наркомпроса. И вот Союз К. М. какой-то губернии, не помню какой, представил смету на полугодие в семь слишком миллионов. 15.000.000 (миллионов!) в год одна губерния. Представлять такую смету значит не иметь ни малейшего, ни самого малейшего представления об организации.

Учиться надо в первую голову на организации труда. Помнится, приезжали представители молодежи, кажется, из Тулы (это был не Коммунистический Союз Молодежи, а просто союз учащейся и рабочей молодежи). И вот что особенно радостно было слышать, эта молодежь все внимание обратила на организацию труда: на устройство огородов, сельскохозяйственных дружин, на очистку улиц, устройство лабораторий и т. д. Я не знаю, существует ли еще этот союз и сумела ли коммунистическая молодежь взять его под свое влияние, но эта молодежь делает то, что следует делать: учится организовать свой труд, организовать общественно.

Что и как делать,—это в каждом данном случае молодежь должна определять особо. Может быть, это будет распространение литературы, может быть, это будет помощь коммунистическим хозяйствам, может быть, это будут санитарные отряды, отряды помощи рабочей инспекции — все равно: важно научиться общественной организации любой отрасли труда. В этом направлении должны бы работать и РКСМ и клубы-школы подростков, где подростки могли получить и широкие теоретические обоснования предпринимаемой ими работы.

В ходе работы у подростков будет возникать масса вопросов. Клуб—это его задача—должен дать подростку воз-

можность найти эти ответы. Если эти вопросы касаются общественной жизни, то надо воспользоваться этим, чтобы научить подростка наблюдать эту общественную жизнь, наблюдать и оценивать ее и активно относиться к ней.

Как это сделать? Необходимо дать подростку теоретически обоснованное социалистическое мировоззрение. Было бы ошибкой думать, что подростки не доросли до этого или, что еще хуже, что преподавание социализма не должно иметь места в школе-клубе для подростков, что там „сначала" надо обучить их истории или литературе. Может быть, даже несомненно, преподавание социализма в школе подростков будет иное, чем для взрослых. Оно должно быть, конечно, очень популярно связано с изучением культуры, истории, географии и проч., но тем не менее оно должно проводиться. Подростку необходимо мировоззрение, и мировоззрение социалистическое.

А затем необходимо его укрепить, проработать. Надо, чтобы каждый жизненный факт, поразивший подростка, был поставлен в связь с социализмом, надо, чтобы подростку стала ясна эта связь. Необходимо приучить подростка и самого отыскивать эту связь. Таким образом он сделается постепенно сознательным социалистом, в нем пробудится интерес к общественным наукам и общественной жизни.

А затем нужно также, чтобы по отношению к каждому отрицательному явлению общественной жизни подростки сообща изыскивали бы меры к устранению его и определяли свою роль в этих мерах.

Я знаю, что такая работа до сих пор не велась в клубах для подростков, а если и велась, то в виде очень редких исключений. И методика такого преподавания еще мало разработана. Впрочем, тут и не нужно особой какой-нибудь методики, надо быть социалистом, уметь подходить к подросткам, будить их мысль, их интерес. Но это нужно при всякой работе с подростками.

Журнал „Народное Просвещение", № 16—17 за 1920 г.

Помещено под названием „Социально-политическая работа в школах-клубах для подростков".

КАТОЛИЧЕСКИЕ ПОПЫ, ОБЩЕСТВЕННОСТЬ И КОМСОМОЛ

I

С самых ранних лет необходимо ставить ребенка в такие условия, чтобы он жил, играл, работал, делил свои радости и горести с другими детьми. Необходимо, чтобы эта совместная жизнь была как можно полнее, радостнее, ярче. Коллективные переживания должны ассоциироваться у ребенка с рядом радостных эмоций.

Это не значит, конечно, что надо постоянно возбуждать детей, трепать им нервы, заставлять их непременно что-нибудь „переживать". Для нормального развития эмоциональной области ребенку точно так же нужна спокойная обстановка, как она нужна и для развития умственного. Ничего нет вреднее, как превращение жизни детей в непрерывный ряд празднеств, спектаклей, выступлений и т. п. Это с одной стороны. С другой стороны, и отдельные эмоции могут иметь отрицательное значение, потрясая весь организм. Однажды мне пришлось быть свидетелем такого зрелища. На рассвете по улицам Парижа в глубоком молчании двигалась процессия. Хоронили девочку, умершую в одном из католических приютов. Ее одноклассницы, человек пятнадцать девочек 10 — 12-и лет, закутанные в саваны, со свечками, двигались за колесницей. Одежда, свечи, глубокое молчание, утренний рассвет—все это рассчитано было на то, чтобы вызвать глубочайшую эмоцию, которая подавила бы навсегда голос рассудка. Католические священники хорошие психологи: они знают, что участники такой погребальной процессии останутся всю жизнь верными католичками. Эмоция имеет громадное значение. Современные

психологи доказывают, что в основе интереса, внимания, памяти, воли и пр. лежит именно эмоция. Эмоция определяет направление интереса, интерес обусловливает внимание, внимание — память и т. д. Но эмоция не должна подавлять остальных сфер духовной жизни.

Для жизни нужны не надорванные, а нормально развитые люди. Их может создать нормальная коллективная жизнь, в которой дети являются активными участниками. Активное участие изменяет весь тонус переживания. Это хорошо учитывают, например, те же католические священники. В описанном выше примере их воздействия на эмоциональную сторону характерно, что они делают девочек не только свидетельницами похорон их товарки, но участницами этих похорон. Коллективная жизнь детей должна быть заполнена радостной, свободной деятельностью, и тогда она воспитает людей с сильно развитым общественным инстинктом.

Буржуазный строй, покоившийся на началах свободной конкуренции, превращал жизнь в борьбу за существование, где интересы одной личности противостояли интересам всех других, находились в противоречии с интересами целого. Весь уклад общественной жизни противодействовал развитию общественных инстинктов. В том же направлении влияла и семья. Семья противополагалась обществу. Мне запомнился между прочим один из эпизодов детства французского писателя — архибуржуазного Лоти. В „Романе ребенка", где он описывал свое детство, он рассказывает о той внутренней борьбе, которую ему пришлось пережить. Жили они в одном из приморских городов Бретани, всегда переполненном толпами матросов, жившем очень интенсивной общественной жизнью. 13-летнему подростку Лоти страстно хотелось всегда смешаться с этой толпой, пожить ее жизнью. Мать и тетушки, семья, которую он очень любил, боялись влияния на него улицы. Они дарили ему дорогие книги, коллекции прекрасных раковин. И вот Лоти описывает ту внутреннюю борьбу, которую он переживал. Любовь к семье заставила его заглушить в себе общественный инстинкт—и вышел из него не великий писатель, выразитель настроения массы, сделаться которым он мог бы по своим задаткам, а слащаво-сентиментальный буржуазный романист. В том же направлении подавления общественных инстинктов влияла и буржуазная школа с ее похвалами и порицу-

ниями, отметками, наградами и наказаниями... Учитель в буржуазной школе стремился править, разделяя, отделяя овец от козлищ. В том же направлении влияла и религия, поскольку она вырывала человека из общества, брала его изолированным, вне условий общественной жизни, трактовала его только как индивидуум и, как такового, ставила под гнев и милость господний. Немудрено, что индивидуализм развивался пышным цветом в буржуазном обществе. И хотя в отдельных случаях носителями его являлись крайне яркие личности, но в общем отрыв личности от общества вел к необычайному убожеству мысли и чувства, к скудности переживаний. Выразителем этого отрыва личности от общества и являлось мещанство.

Но уже в недрах капиталистического общества вырос слой, где не было этого противоположения личности обществу. Таким слоем был рабочий класс. Условия существования и борьбы сплачивали членов рабочего класса в одно целое. Работая на фабрике, на заводе, рабочий ежечасно наблюдает, как его работа координируется с работой других, как выполнение им какой-нибудь небольшой частичной функции необходимо в цепи ряда действий, в результате которых получается изготовляемый продукт. Это, как и весь заводский уклад, вырабатывает привычку к коллективному действию, к коллективной жизни. Успех классовой борьбы зависит от выдержанности, сплоченности, дисциплинированности рабочих. И самая работа, и условия существования, и классовая борьба—все укрепляет в них общественные инстинкты. Интересы рабочего класса не противополагаются общественным. Они идут по одной линии. Историческая миссия рабочего класса—уничтожение всех классов общества.

И сейчас уже в рабочем классе борьба между интересами личными и общественными значительно ослаблена. Но только в коммунистическом обществе между этими интересами будет полная гармония. Это не означает, что личность будет подавляться обществом, как это было в первобытном обществе, в общине и пр., будет только прекращение внутреннего разлада, внутреннего раздвоения. Напротив, будет расцвет личности, которая будет черпать силу, мощь в коллективной жизни.

В нашу переходную эпоху школа должна всячески способствовать развитию общественных инстинктов в детях и подростках.

Конечно, способствовать этому должен в первую голову весь школьный уклад, вся школьная жизнь—игры, учебные занятия, труд и пр. Но школа не должна быть замкнутой единицей, не должна напоминать буржуазную семью, только в несколько расширенном виде. Под видом „новых трудовых школ" часто создаются школы именно такого типа: тихие заводи среди бурного моря.

Школа, которая ставит себе целью воспитание в учащихся общественных инстинктов, не может изолироваться. Необходимо расширить рамки общественных переживаний детей, сблизить школу с заправдашней общественной жизнью. Конечно, хорошо, если школы связаны между собою. Но общение между школами может привести к простому хождению друг к другу в гости, в роде того, как раньше дети одной буржуазной семьи ходили в гости к детям другой семьи. Придавать исключительное значение общению между школами не следует. Гораздо важнее организованное общение школьной молодежи с рабочей и крестьянской молодежью вообще. С этой точки зрения особо важное значение имеет организация в школах ячеек КСМ. Через Комсомол школьники связываются с рабочей и крестьянской молодежью, ближе входят в ее жизнь. Надо только, чтобы школьные ячейки Комсомола правильно учитывали свою роль в школе. Им надо поучиться знанию психологии у католических попов и заботиться о том, чтобы каждого школьника вовлечь в активную работу, приставить к какой-нибудь работе по Комсомолу; сбирать и переплетать книжки для библиотечки, обучать грамоте неграмотных комсомольцев, участвовать в их кружках, в работе с юными пионерами, содействовать изданию комсомольцами листков, плакатов, газет, журналов, входить в санитарные отряды вместе с комсомольцами и т. д., и т. п. Та ячейка Комсомола наилучше выполнит свою задачу, которая наилучше сумеет использовать школу в интересах рабочей и крестьянской молодежи.

Небесполезно также в тех же целях открыть двери школы для стоящей вне ее рабочей и крестьянской молодежи и впустить в школу этот кусок живой жизни.

Но надо, чтобы школа была связана не только с жизнью молодежи, но и с жизнью взрослых, в первую очередь с жизнью рабочего класса. В особо благоприятных условиях находятся в этом отношении школы фабзавуча, школы в рабочих поселках,

в роде электропередачи и т. п., где дети и подростки вне школы живут интересами рабочей массы.

Но и учащихся других школ надо сближать с жизнью рабочего класса всюду, где к этому имеется хоть малейшая возможность. Как это сделать? Некоторые думают, что достаточно, если дети и подростки будут время от времени принимать участие в рабочих празднествах, в роде 1 мая, годовщины Октябрьской революции и т. п. Это, само собой, не плохо, но этого еще чрезвычайно мало. Надо искать путей установления связи между школами и заводскими предприятиями. Нам кажется, что можно бы разработать вопрос о шефстве. Скажем, завод берет шефство над какой-нибудь школой. Это не значит, что завод заботится просто о материальном благосостоянии школы, делает отчисление на эту школу, это значит другое: каждый рабочий завода-шефа думает, чем он может помочь школе — пойти ли в школьный клуб и там рассказать в вечер воспоминаний о своем многотрудном детстве, о той борьбе, которую завод вел раньше с хозяевами и т. д., или взять на себя руководство каким-нибудь столярным или слесарным кружком, который образуют учащиеся покровительствуемой заводом школы, или организовать посещение группой учащихся завода и растолковать им устройство машин, показать свою работу, или устроить совместно с учащимися школы субботник для помощи школе, или позвать их на заводское собрание, в свой клуб и пр. Каждый школьник, с своей стороны, каждая группа учащихся должна обдумать, что она может сделать для своего завода-шефа: помочь заводским яслям, повеселить детей заводского детского сада, украсить заводский клуб плакатами, обслужить завод разноской газет и писем, помочь чем в санитарном отношении и т. д., и т. п. Все это установит духовную связь между заводом и школою, создаст то духовное родство с рабочим классом, которое так необходимо подрастающему поколению. Если наладить взаимное шефство между заводами и волостями, которое выдвигается теперь, надо, чтобы школы принимали в этом деле активное участие. Городская заводская или покровительствуемая заводом школа помогает определенной деревенской школе, с которой она устанавливает взаимное шефство—изготовляет для деревенской школы пособия, составляет доклады, подбирает литературу, возит ей книги, летом учащиеся в городской школе в страду ездят помогать работать

своим товарищам по деревенской школе, принимают у себя их экскурсию в город и т. д., и т. п. С другой стороны, деревенские школьники пишут городской школе-шефу о своей работе, жизни, помогают чем могут, принимают их у себя и т. д.

В сельских местностях надо бы группировать школы около совхозов, культурных учреждений и т. д.

Важна спайка между рабочей и крестьянской молодежью, между молодежью и трудящимися. Эта спайка лучше всего будет способствовать развитию общественных инстинктов у детей и подростков.

II

Эмоциональные переживания в области общественной жизни создают повышенный интерес к явлениям общественной жизни. Воспитатель должен уметь использовать этот интерес, чтобы выработать у учащихся сознательное отношение к окружающей жизни, понимание явлений общественной жизни.

Часто говорят о преподавании политграмоты в школе. Под политграмотой понимают освещение не только политических событий, но вообще явлений современной общественной жизни в отличие от обществоведения, в которое входит главным образом история. В старых школах современность игнорировалась. Бывало нередко так, что историю поспевали в гимназии пройти только до Французской революции. Школа существует для жизни, и потому несомненно в центр занятий обществоведением должна быть поставлена современность. Прошлое, история нужны лишь для того, чтобы оттенить, уяснить настоящее. Это прекрасно, например, понимают американцы, которые меньше всего считаются с традициями и чрезвычайно практичны. Правда, они освещают современность с махровой буржуазной точки зрения, но это уже другой вопрос. Расценка же их взаимоотношения между преподаванием современности и истории совершенно правильна. Но если подходить так к преподаванию обществоведения, то ясно, что нельзя отрывать политграмоту от истории, а надо все преподавание истории превратить в базирующуюся на истории политграмоту.

Весь вопрос в том, как ее преподавать?

Тут надо исходить из того положения, что надо базироваться на переживаниях, на опыте ребенка и подростка, брать их за исходный пункт, постепенно расширяя горизонт учащегося, связывая преподавание с его опытом. „Великое педагогическое правило,—пишет У. Джемс [1]) в своей „Психологии“ (изд. 1922 г. „Наука и школа“, стр. 250),—заключается в следующем: всякий новый отрывок знаний следует связывать с каким-нибудь образовавшимся в уме ребенка интересом, т. е., иначе говоря, каким-нибудь путем ассимилировать этот отрывок с заранее приобретенными сведениями. Отсюда вытекает преимущество, получаемое из сравнения отдаленного и чуждого непосредственному опыту с близким и знакомым и неизвестного с известным и из связывания сообщаемых сведений с личным опытом ученика.

Мы не интересуемся вещами, настолько превышающими доступное нам познание, что мы не имеем концептов, под которые могли бы подвести их, и мерок, при помощи которых могли бы наглядным образом их измерить. Фиджийцы, как рассказывает Дарвин [2]), удивлялись при виде маленьких лодок, большие же корабли не вызывали их удивления. Сложнейшие по устройству ткацкие фабрики, обширнейшие металлические сооружения для большинства из нас так же, как вода, воздух и земля, просто-напросто представляют собою обыденные явления, не вызывающие в нас никаких идей. Только то, что нам хоть отчасти знакомо, возбуждает в нас жажду дальнейшего знания“.

Курсы политграмоты, строящиеся без связи с опытом учащегося, не достигают цели.

Цель преподавания политграмоты—не только сообщение известной суммы знаний, но, главным образом, выработка у учащихся умения разбираться в фактах окружающей действительности, а для этого необходимо, чтобы они овладели методом подхода к общественным явлениям, научились оценивать эти явления, т. е. ставить их в правильную связь со всей суммой общественных явлений. Надо дать учащимся известную систему, которая помогала бы им определенным образом классифицировать каждое явление. Система имеет громадное значение. Система дает возможность часто замечать то, чего человек не заметил бы, если бы не владел ею. У каждого специалиста своя система. Художник, например, наблюдая растение,

наблюдает его по системе, в которую входят сочетание красок, их яркость, оттенки, изящество формы. Наблюдая растение, художник может совершенно не обратить внимания на то, сколько тычинок в цветке и как они расположены. Этот вопрос совершенно не входит в систему его наблюдений. Ботаник, наоборот, обратит внимание прежде всего на тычинки, на расположение листьев и т. п. и совершенно может не заметить, как освещен в данный момент цветок и как он выделяется на том или ином фоне. Сельский хозяин вовсе может не заметить ни красоты цветка, ни его строения, а постарается определить, относится ли данное растение к числу полезных или вредных для хозяйства и т. д. Французские педагоги прекрасно понимают значение системы и потому, давая детям задание понаблюдать какое-либо явление, например, проезд автомобиля, дают детям известную систему, по которой им предлагается наблюдать явление.

Точно так же и к области общественных явлений каждый подходит с определенной системой. Одна система у моралиста, другая у экономиста.

Мы стремимся дать учащимся наиболее научную систему классификации общественных явлений и считаем, что такой наиболее научной системой является система экономического материализма. Задача заключается в том, чтобы, не загружая материалом, на наиболее близких эпохах дать эту систему подростку, затем иллюстрировать ее рядом исторических примеров, показать, как эту систему надо применять.

Одновременно с этим надо показать, куда идет общественное развитие, показать необходимость связать свою судьбу с судьбой класса, историческая миссия которого — создать условия для уничтожения всех классов, для осуществления братства людей.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) У. Джемс—известный английский психолог и философ.

[2]) Дарвин Чарльз—великий естествоиспытатель. Автор „Учения о происхождении видов", которое разрушило традиционные представления о неизменяемости видов. Дарвин доказал, что и человек развился постепенно, от низших видов животного царства (обезьяны).

КАК УЧИТЬСЯ?

(Письмо к молодежи).

Красный призрак социалистической революции реет над Европой.

Выросшая в обстановке мировой войны, затеянной капиталистами из-за дележа мира, рабочая молодежь глубоко ненавидит буржуазный строй. Она была свидетельницей всего того горя, слез, угнетения, бед, разрухи, которые принесла с собой эта преступная война. Война с беспощадной очевидностью показала всем, что рабочие, крестьянские массы для буржуазии не более, как пушечное мясо. И если пожилые люди, надломленные невзгодами, равнодушно иногда ждали, какое еще несчастье свалится на их голову, рабочая молодежь со своей свойственной молодости горячностью примкнула к тем, кто громко провозгласил: хозяйничанью буржуазии должен быть положен конец, трудящиеся должны взять свою судьбу в свои собственные руки.

Молодежь геройски защищает революцию с оружием в руках и в то же время стремится принять участие в строительстве новой жизни, в строительстве светлого будущего.

Но как, отправляясь на фронт, необходимо запастись винтовкой, так, стремясь строить новую жизнь, необходимо вооружиться силою знаний.

Господствующие классы прекрасно понимали всегда, что их господство держится на темноте и несознательности народных масс, и потому старались долгое время не давать никаких знаний трудящимся, а когда это стало невозможно, стали давать им лишь обрывки знаний, да и то в извращенном, фальсифицированном виде.

Вот почему рабочая молодежь очень плохо вооружена знаниями, не была или вовсе в школе, а если и была, то не-

многому в ней научилась. У нас в России школ особенно мало. А между тем молодежи теперь нужно очень много знать, чтобы научиться быть настоящими хозяевами жизни.

Ей надо обратить особое внимание на свое самообразование. Надо уделять ему как можно больше времени.

Конечно, в такое время, как теперь, когда молодежь кипит и лучшие в ее рядах готовы положить жизнь, защищая революцию, призыв к самообразованию звучит для многих расхолаживающе, кажется им призывом оторваться от борьбы, от революционной работы и засесть за книжку. Блестящие глаза тускнеют и слышится вялый ответ: „да, мы знаем, как знание важно"... И чувствуется, что оторваться от этой кипящей, сверкающей, захватывающей коллективной жизни сверх его сил.

Но самообразование самообразованию рознь. Настоящее самообразование выковывается не в кабинетах, а в процессе активного участия в коллективной жизни. И о таком самообразовании мы и говорим.

Начнем с грамотности. Каждый знает, что по части грамотности у нас в России дело обстоит еще хуже худого, а с другой стороны, что грамотность—ключ к знанию, без грамоты ни газеты, ни воззвания не прочтешь. Безграмотностью страшно, непомерно тормозится строительство новой жизни. Нельзя относиться к этому явлению—к безграмотности—пассивно. И вот надо постановить, что каждый член юношеской организации обязан быть грамотным, и если он неграмотен, товарищи по организации обязаны обучить его читать и писать. Или в рядах наших нет безграмотных. Тогда это показывает, что наша организация распространяется на сравнительно незначительный круг, что мало делается для вовлечения в нее широких слоев молодежи. Но этого мало, надо постановить, чтобы каждый член организации обязан был выучить грамоте, по крайней мере, двух человек. Особенно важно обратить внимание на поднятие уровня грамотности среди девушек, которые в этом отношении находятся в особо тяжелом положении. Каждый должен превратиться в учителя грамоты и где бы он ни был—в городе, в деревне, на фронте—если вокруг него есть безграмотные, помогать им овладеть грамотой.

Затем вы с увлечением читаете партийные газеты, находите, что то, что там говорится—верно. Но что вы сделали для

распространения газет и популярных брошюр, листков и воззваний? Все ли кругом вас читают газеты? Сделали ли вы что-либо для их широкого распространения? Прибегали ли к разноске по домам, по квартирам? Заботились ли о том, чтобы сорганизовать сбор только что прочитанных газет и разнос их тем, кто еще не дорос до понимания того, что необходимо выписывать газету или покупать ее каждый день. Тут надо опять-таки взяться за дело и обязать каждого члена союза принимать участие в распространении брошюр и газет. Это, конечно, требует инициативы, настойчивости, умения организовать дело, но зато на таких именно невидимых, но необходимых делах и вырабатываются организаторские способности, которые так нужны теперь.

А организовали ли вы чтение газет и брошюр среди тех, кто неграмотен, сам не может прочесть газетки?

Когда вы станете распространять газеты, читать их малограмотным, вы сейчас попадете в положение, что вас станут забрасывать массой вопросов.

И если вы будете пробовать отвечать на них, вы увидите, что многое из того, что вы считали для себя понятным, вам неясно; вы увидите, что вам надо по тому или другому вопросу подчитать, подучиться. Вы обратитесь к книжке. Такое чтение, когда человек ищет в ней ответа на определенный вопрос, всего плодотворнее.

Не даром говорится: „уча, учимся".

Об'яснение другим является лучшей самопроверкой. В книжке вы найдете ответы на поставленные вашими слушателями вопросы и вместе с тем обогатите и себя новыми знаниями, более углубленным пониманием предмета. Конечно, часто может выйти так, что вы не будете знать, где найти ответ на вопрос, и тут более знающим товарищам надо помогать менее знающим. Вероятно, выяснится необходимость перед тем, как итти читать и об'яснять другим, в кружке из товарищей разобрать и совместно обсудить тот или иной вопрос. Очень может быть, что создастся такой постоянный кружок, создание его будет не искусственным, а вызванным самой жизнью. Если окажется, что весь кружок не в состоянии справиться с вопросом, может, из этого газетного кружка вырастет ряд кружков по изучению того или иного предмета. Далее, может быть, окажется необходимым пригласить лектора на какую-

нибудь тему, в которой трудно разобраться самим. Такого лектора, который будет говорить о вопросах, на которые слушатели хотят получить ответы, будут слушать совсем иначе, чем лектора, который будет читать о чем-нибудь, может быть, и очень интересном, но к чему слушатели мало подготовлены, относительно чего они не стремятся получить определенный ответ.

Затем остро почувствуется необходимость в библиотеке, в справочниках. При организации молодежи необходимо будет организовать такую библиотеку.

Потом окажется, что надо будет снабжать книжками не только членов организации, но и лиц, среди которых работает молодежь, снабжая их газетками, брошюрками, давая им разъяснения. Библиотеку придется сделать открытой для публики.

Одновременно с этим каждый член Союза Молодежи должен завести тетрадку, куда записывать каждый день, что им сделано по части распространения знаний: обучал такого-то грамоте, распространил столько-то газет, прочел вслух такую-то книжку тому-то и т. д., и попутно записывать трудности, которые встречаются при работе, беседы, возникающие при этом, мысли и вопросы и т. д. Записывать туда же и свою самостоятельную работу: чтение, беседы в кружке и т. п.

Так естественно будет расти работа самообразования в организации молодежи. Особенностью ее будет то, что это будет не школьная, не кабинетная работа, а работа, вытекающая из потребностей жизни, что эта работа будет не для себя, а для других, для дела. То, что будет приобретаться для себя (умение говорить, ясно и толково передавать свои мысли, самостоятельно разбираться в разных вопросах, умение организовывать передачу своих знаний другим и пр.) и что имеет большое значение, будет приобретаться, так сказать, попутно.

Тут мне хотелось только высказать свой взгляд, как по-моему наиболее целесообразно и жизненно поставить в организациях рабочей молодежи дело самообразования, а дело молодежи уже обдумать, как все это провести в жизнь, обдумать и начать проводить.

„Юный Коммунист", № 3—4,
за 1919 г.

ОРГАНИЗАЦИЯ САМООБРАЗОВАНИЯ

Введение.

Октябрьская революция открыла перед трудящимися—рабочими и крестьянами — самые широчайшие возможности перестроить всю жизнь на новых началах. Рабочий почувствовал себя хозяином в предприятии, исполнилась заветная мечта крестьянина: он получил землю. Все это разбудило в них стремление к деятельности, вдохнуло в них небывалую энергию.

Однако и рабочий, и крестьянин очень скоро почувствовали, как связывает их по ногам и рукам отсутствие у них самых элементарных знаний. Война вырвала деревню из старой ее обособленности, замкнутости, приподняла для крестьянина завесу над жизнью человечества. Он сознал, как велики завоевания науки, узнал, как при помощи знания можно обновить всю землю, черпать громадные силы, богатства из ее недр. Рабочий и раньше знал это.

Революция, сделав трудящихся хозяевами жизни, пробудила в них стремление использовать науку для своих целей. Это стремление страшно обострило у рабочего и крестьянина сознание своего невежества, пробудило потребность овладеть знанием.

Даже совершенно не сочувствующие Советской власти люди отмечают страстное стремление к знанию трудящихся масс и особенно рабочей и крестьянской молодежи.

С той же беззаветной страстью, с какой молодежь выходила с оружием в руках на улицу, шла умирать на фронты, она берется теперь за книжку. „Я никогда не видала,—рассказывала дочь Льва Николаевича Толстого [1]), Александра Львовна,—чтобы

крестьянская молодежь так училась в Ясной Поляне, как учится сейчас: сидят с огарками над книжками до глубокой ночи".

Как учится молодежь, которой удалось попасть в учебное заведение, рассказывает, например, в № 1 „Новой России" за 1922 год, Ю. И. Фаусек в статье „Молодежь". Она рассказывает в этой статье, как страстно стремится молодежь к знанию, какие препятствия она при этом преодолевает, как мужественно, стоически переносит она холод и голод, и тяжелые физические и другие невзгоды. Рассказывает, как живет эта молодежь коммунами и делится последним друг с другом.

„Что неудержимое стремление к образованию, жажда к знанию широко разлиты среди русских людей всех возрастов, начиная от детей, едва начинающих говорить, и кончая стариками, мы это узнали за четыре года революции",—пишет Фаусек. Ни Александру Львовну Толстую, ни Ю. И. Фаусек нельзя обвинять в пристрастии к Советской власти, тем более ценно это свидетельство в их устах.

Много можно было бы рассказать еще о том, как учатся курсанты советско-партийных школ, красноармейцы, работницы и крестьянки.

Советская власть идет навстречу этому стремлению учиться.

В то время как при царизме так называемое внешкольное образование влачило самое жалкое полулегальное существование, Советская власть обратила особое внимание на работу среди взрослых, не жалела денег для этой цели.

Ликвидация безграмотности пошла быстрым темпом, возникло около 80 тысяч изб-читален, около 30 тысяч библиотек, целая сеть совпартшкол, клубов и проч. Использована была в широчайшей мере пресса, велась художественная агитация, проводились агиткампании, создавались всякого рода курсы. Работа политпросветов в деле распространения среди населения знаний была за пять лет существования Советской власти достаточно обширна и интенсивна.

Красная армия также служит могучим рассадником культуры.

Через Красную армию проходила вся мужская молодежь, и те два года, что она проводит в ней, она не теряет даром. Всюду функционируют красноармейские школы для красноар-

нейшей разной подготовки, библиотеки, клубы (в данный момент, например, насчитывается свыше 1.200 красноармейских клубов, об'единяющих вокруг себя 6.200 политических, общеобразовательных, сельско-хозяйственных и прочих кружков с 130.000 слишком членов).

Не менее велика была просветительная работа профсоюзов, женотделов, Союза Молодежи.

Чтобы открыть доступ в высшие учебные заведения рабочим и крестьянам, созданы особые льготные для них условия приема, широко выдаются стипендии. Облегчен прием детей рабочих и крестьян в средние учебные заведения. Созданы специальные школы для подготовки рабочих и крестьян в университет и другие высшие учебные заведения—так называемые рабфаки.

Но, конечно, всего этого далеко не достаточно, чтобы удовлетворить существующий запрос на знания со стороны трудящихся. Долгое время у нас в России самообразование будет играть еще совершенно исключительную роль.

Но для того, чтобы самообразование давало надлежащие результаты, необходимо знать, что читать, как читать, как наилучшим образом организовать свои занятия.

Мы наблюдаем ежечасно, как беспомощен отрывающийся от станка и сохи рабочий и крестьянин, когда он приступает к пополнению своих знаний.

Он не знает, с какой стороны взяться за занятия, что и как читать, у него нет самых элементарных навыков, необходимых для занятий с книгою. Человек еле читает, а берется не меньше как за „Капитал“ Маркса или книжку по историческому материализму Бухарина и видит, что не может с ними справиться.

Менее энергичные и настойчивые падают духом и бросают работу, которая оказалась им непосильной. А непосильной она оказалась потому, что взявшийся за чтение Маркса, не имея навыков и приемов для овладения предлагаемым автором материалом, пошел, что называется, с голыми руками на медведя.

Более энергичные и упорные добиваются поставленной цели, но затрачивают при этом массу непроизводительного труда и—бывает это—надрываются над работой.

Укажем, например, на университет Свердлова, где нередки на почве переутомления психические заболевания, заболевания туберкулезом и проч.

Энергию курсанты проявляют поистине геройскую, но для дела выгоды получается немного. Курсанты университета Свердлова на виду, на учете. Как идет дело у той молодежи, которая целиком предоставлена своим силам, мы не видим, но можно и так сказать наперед, что, занимаясь самообразованием, молодежь, рабочая и крестьянская, безбожно расточает свои силы.

Сейчас очень много говорится и пишется у нас об организации труда и о производственной пропаганде. При этом подразумевается, главным образом, организация производства.

Тэйлор и ряд других инженеров и специалистов подробнейшим образом разработали вопрос о том, как надо организовать физический труд. Целые томы написаны об организации труда в предприятии, о том, как должны быть расставлены машины в мастерской, как должны раздаваться инструменты, как должен быть разделен и распределен труд, как должны даваться распоряжения, учитываться работа. Все эти вопросы обсуждаются с точки зрения, как избежать излишней траты времени и энергии.

Наилучшим, наиболее квалифицированным рабочим — с точки зрения разумной организации труда — считается тот рабочий, который все необходимые движения производит целесообразно, быстро, с наименьшей затратой времени и энергии.

Но если по отношению к физическому труду постоянно подчеркивается мысль, что правильная организация труда имеет громадное значение, то по отношению к труду умственному эта столь очевидная истина упускается из виду, между тем как она имеет для учащихся и для тех, кто вынужден пополнять свои знания самообразованием, громадное значение.

Вопросу организации умственного труда и будет посвящена эта брошюра.

Выбор изучаемого материала.

Область человеческих знаний необ'ятна. За многие века миллионы людей приобрели невероятное количество знаний относительно жизни общества и окружающего человека мира, и никто не может охватить всех этих знаний, на усвоение их не хватило бы и десяти человеческих жизней. Но человеку нет

никакой надобности знать все. Из моря человеческих знаний ему необходимо знать лишь самое важное: то, что касается непосредственно его. Зачем современному человеку знать, скажем, название бесчисленных букашек или цветов, или знать, когда жили какие цари и короли, сколько детей эти короли народили, как поделили между ними свои богатства и т. д., и т. п. Все эти знания ни на ноту не повлияют на действия человека, не помогут ему лучше устроить свою жизнь, разве что чтение книг, посвященных этим вопросам, испортит ему глаза. Но есть совершенно иного рода знания, знания, которые делают человека сильным, дают ему власть над природой и событиями, учат, как использовать силы природы и ее богатства, как преобразовать всю жизнь человеческого общества. Из всей необ'ятной массы знаний надо выбрать то, что имеет наибольшее значение для современного человека.

Мы живем в эпоху социальной революции, в момент, когда старый, капиталистический строй умирает, разлагается, и когда нарождается новый строй, коммунистический. Капиталистический строй был строем, основанным на эксплоатации, на угнетении, строем, который уперся в империалистическую войну, до основания потрясшую весь мир. Империалистическая война, со всеми ее ужасами, сорвала с капитализма его идеалистическую мантию, дала возможность самым широким массам увидать всю несправедливость, все темные стороны капиталистического строя. Мысль трудящихся масс усиленно работает и ищет новых форм общественной жизни. Россия уже начала строительство новой жизни. Оно происходит при чрезвычайно тяжелых условиях. Само собой, что все это пробуждает громадный интерес к вопросам современности, и люди стремятся разобраться в совершающихся событиях, понять их смысл. Конечно, желающий разобраться в совершающихся событиях — а они имеют сейчас громадное значение — должен читать газеты, и такие газеты, как, например, „Правда", дают ему возможность понять многое, но, понятное дело, газета может лишь заставить работать мысль в известном направлении, обратить внимание на определенный факт, дать подход к вопросу, т. е. по существу дела сделать то, что может сделать талантливый и осведомленный лектор или оратор: дать толчок мысли в определенном направлении, дать перспективу, подход, наметить важные вопросы, но чтобы разобраться в вопросе,

необходимо параллельно с чтением газеты прочесть и более основательную литературу. Не понимая хитрой механики капиталистического строя, нельзя понять и частных проявлений общей системы. Таким образом, тот, кто хочет понимать текущие события, должен изучить капиталистический строй, всю его структуру, связь капиталистической экономики с капиталистической политикой, с капиталистической идеологией, понять внутренние противоречия капиталистической системы—те силы, враждебные капитализму, которые зарождаются и развиваются в его недрах. В этом лежит ключ к пониманию текущих событий.

Другой не менее важный вопрос—это вопрос о том, куда идет развитие человеческого общества. Вопрос этот крайне существенный, вопрос кардинальной важности. Коммунисты утверждают, что капиталистическое общество, в силу определенных законов своего развития, идет к коммунизму. Если это так, то тогда бесполезно противиться коммунизму, можно в лучшем случае задержать наступление коммунизма, но предотвратить его нельзя. Если это так, то не могут смущать временные задержки и неудачи. А как узнать, верно это или нет? Надо изучить законы общественного развития, понять, как развивается человеческое общество, тогда ясно станет, куда оно идет. Наиболее явственно, в наиболее простой форме законы развития общества выступают в истории первобытной культуры, поэтому изучение ее необходимо. Но нельзя останавливаться на первобытной культуре, надо проследить, как дальше развивалось общество, как в дальнейшей истории проявлялись те же законы. Наконец необходимо проследить, как они осуществляются в капиталистическом обществе, тогда ясно станет, куда идет общественное развитие.

Ну, хорошо, скажет читатель, я понимаю хорошо механику капиталистического строя, я знаю, куда идет общественное развитие, я разбираюсь в окружающем строе, но какова же моя роль во всем этом? „Какова роль личности в истории" (так принято называть ту группу вопросов, которая показывает, как влияет общество на человека, которая показывает, что, при каких условиях и в какой мере может сделать человек для того, чтобы повлиять так или иначе на цепь исторических событий).

Необходимо понять, как тесно связан человек с окружающей средой, как эта среда влияет на взгляды человека, на его

желании, на всю его психику. Надо отдать себе ясный отчет в том, что человек—продукт окружающей его общественной среды, надо также дать себе отчет в том, что человек связан не только с настоящим, но и с прошлым. Надо познакомиться с законами наследственности. Это—с одной стороны, с другой стороны вопрос в том, можно ли вообще поворачивать назад или в новую сторону колесо истории, может ли это делать отдельная личность или группа личностей—класс? Современный читатель менее остро нуждается в ответе на эти вопросы, чем, скажем, читатель восьмидесятых или девяностых годов. Современные события очень наглядно иллюстрируют эти вопросы яркими, говорящими мазками. Отдельная личность—песчинка в вихре событий, но как часть определенного класса—уже известная сила, имеющая значение на весах истории. Роль классовой борьбы — классы передовые, классы гибнущие. Все большая и большая роль рабочего класса и рост личности, которая привязывает свой утлый челн к корме большого корабля, свою личную жизнь сливает с борьбой рабочего класса... Кто этого не видит сейчас? И так как современные события дают явственный ответ на вопрос, какова роль личности в истории, то вопрос этот сейчас не очень остр, но все же осознать эту сторону дела необходимо.

Таков круг тех вопросов, касающихся жизни современного общества, которые имеют наиболее важное значение.

На ряду с вопросами общественного порядка стоят еще вопросы, касающиеся явлений природы. Человек, являясь членом человеческого общества, в то же время является и членом животного царства, на него влияют не только люди, не только общественная жизнь, но и природа и ее явления.

Мы должны поэтому изучать природу и ее явления во всем их многообразии, изучать законы природы, неживой и живой. Естествознание выработало определенный метод подхода к явлениям природы: наблюдение, заключение, проверка заключения опытом. Изучая шаг за шагом таким методом явления природы и ее силы, наука — накопленный и организованный человеческий опыт—овладела целой массой чрезвычайно важных познаний в этой области, благодаря чему ей удалось использовать в широчайших размерах в интересах человека богатства природы и ее силы. Необходимо ознакомиться с об'емом челове-

ческих знаний в области естествознания, так как это дает представление о мере человеческой власти над природою.

И еще одна сторона естествознания имеет особый интерес. Как к вопросам общественной жизни мы подходили, беря их в их развитии, так необходимо подходить и к вопросам естествознания. Как произошла земля, как возникла жизнь на земле, как произошли существующие виды растений и животных, как произошел человек — все это надо знать тому, кто хочет понять свое место в природе, осознать себя сыном земли. Конечно, важно знакомиться не только с конечными достижениями науки, важно также знакомиться с тем, как это узнали, путем каких наблюдений, при помощи каких инструментов, на основании каких фактов. Важно, чтобы человек не верил на слово, а понял, что это действительно так. Когда-то, в давно прошедшие времена, люди создали ряд легенд о происхождении земли, о происхождении видов и человека. Эти легенды живут и по сию пору, хотя их опроверг ряд наблюдений, исследований, фактов. И с этим надо познакомиться.

Мы перечислили те вопросы, которые имеют для современного человека особо важное значение и определяют его мировоззрение.

Теперь вошло в моду говорить, что книга есть орудие труда, а не средство для выработки мировоззрения. Книга для производительной работы, а не для приобретения знаний, не для „выработки законченного и цельного мировоззрения", как говорили раньше—вот что должно быть нашим девизом. Нужно сделать книгу слугой серпа и молота (Невский).

В этой цитате много размаху, но мало основательности. Что значит „книга для производительной работы, а не для приобретения знаний?" Какой человеческий смысл это имеет? Книга именно служит для приобретения знаний, которые дают возможность сделать работу более производительной. И далее „книга для производительной работы, а не для „выработки законченного и цельного мировоззрения", как говорили раньше. И опять неверно. Что такое мировоззрение? Это то или иное разрешение основных вопросов, определяющих наше отношение к явлениям окружающей жизни и природы. Можно оставлять эти основные вопросы без разрешения или нельзя? Нельзя, ибо иначе мы ни в чем не будем разбираться и соваться в жизни во все стороны, как слепые котята. Что зна-

чит „цельное“ мировоззрение? Это значит—хорошо продуманное, такое, при котором продуманы ответы на все основные вопросы, и эти ответы не находятся в противоречии между собою, а согласованы, представляют своего рода целое. Хорошо или плохо, если человек продумал все основные вопросы и не впадает в противоречие с самим собой? Хорошо, особенно, если он правильно разрешил их. Такой человек будет знать, что и для чего ему надо делать, он будет тем, что называется „сознательным человеком“. Есть все основания предполагать, что работа сознательного человека будет много производительнее, чем работа человека, который не понимает, что к чему. А посему не следует считать, что забота о выработке у себя правильного мировоззрения есть что-то отжившее, незаконное. По крайней мере, всякий коммунист старается стать хорошим марксистом, убежденным сторонником материалистического мировоззрения. Он считает, что это поможет ему работать и действовать более целесообразно, а следовательно, и более производительно. В одном прав тов. Невский—в том, что „нужно сделать книгу слугою серпа и молота“. Что верно, то верно. Если тов. Невский хотел сказать, что чтение не должно быть праздною забавой, а должно служить труду, трудовой деятельности людей, то это также совершенно верная мысль, но надо было ее точно формулировать.

Как изучать необходимый материал.

Для занимающегося самообразованием имеет чрезвычайно большое значение, с чего начинать и в каком порядке читать. Конечно, надо брать книжки посильные, доступные по языку и содержанию. Само собой, человек, не знающий низшей математики, не справится с книжкой по высшей математике, человек, не имеющий понятия о философии, не одолеет Гегеля и т. д. Но не в этом одном суть. Если человек берет книгу по вопросу, о котором он никогда не думал, который не задевает его за живое, которого он не знает, как поставить в связь с запасом своих знаний, не знает, как связать со всей жизнью, чтение книги даст ему чрезвычайно мало. Другое дело, если содержание книги связано с мыслями человека на эту тему, отвечает, как говорится, на известный запрос. При-

веду одно личное воспоминание. Дело было давно, лет тридцать тому назад. Хотя я и кончила гимназию, но никогда не слыхала—в те времена в этом не было ничего мудреного,—что на свете существует такая наука, как политическая экономия.

Однажды одна моя знакомая принесла мне книжку Иванюкова о политической экономии, усиленно советуя ее прочесть. Книжка эта принадлежала к числу популярных книг; и по языку, и по содержанию была мне вполне доступна. Я взялась за ее чтение. Долго я ее сусолила, еле одолела и из чтения этой книжки ничего не вынесла, а несколько месяцев спустя, когда я стала принимать участие в кружках, и для меня ясно стало, зачем мне нужно знать политическую экономию, я принялась за Маркса, прочла 1-й том „Капитала" с громадным интересом в сравнительно недолгий срок, и это чтение дало мне чрезвычайно много. Тоненькая популярная книжка оказалась для меня труднее толстой ученой книги.

Талантливый лектор, талантливый преподаватель, сами увлекаясь каким-нибудь предметом, умеют вызвать у слушателя, у курсанта интерес к предмету, умеют заставить их думать в этом направлении, пробуждают у них интерес к данному вопросу. Часто лекция может быть и не очень содержательна, и не очень глубока, но если она дает толчок мысли слушателя, родит у него известный запрос—она ценна. В прежние времена передовые учителя словесности использовывали литературу для того, чтобы будить мысль учеников. На митинге это может сделать оратор. Много помогают зарождению новых вопросов, пробуждению новых интересов беседы с товарищами, совместное обсуждение вопросов. Вот почему так ценна коллективная, классная или кружковая работа: она дает толчок, импульс.

Остановимся подробнее на вопросе об интересе.

Интересы очень различны у людей: одних интересуют больше всего вопросы общественной жизни, других—вопросы техники, третьих—вопросы искусства и т. д. Большая разница занимается ли человек, принуждая себя к занятиям данным предметом или увлекаясь им, уходя в занятия, что называется с головой. Результаты в том и в другом случае бывают совершенно различны. Мы знаем, например, как трудно бывает иногда детям учиться, когда что-нибудь одно поглощает их внимание. „Ай-лю-ли, ай-лю-ли, а у Пушкина нули".

Почему Пушкин учился плохо в лицее? Потому ли, что он был барич и бездельник вообще? Конечно, нет. Учился плохо потому, что весь его интерес лежал в области поэзии, и все, что лежало вне области ее, его мало интересовало. Вот как рисует тот же Пушкин настроение поэта тогда, когда поэт живет вне интересов поэзии, и тогда, когда в душе поэта пробуждается интерес к какому-нибудь явлению:

...в заботы суетного света он малодушно погружен.
Молчит его святая лира,
Душа вкушает сладкий сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он...
Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.

То, что Пушкин называет метафорически „божественным глаголом", это и есть интерес.

То душевное состояние, которое описывает Пушкин в отношении поэта, можно применить к каждому человеку, у которого существует такой ярко выраженный, глубокий постоянный интерес к какой-нибудь определенной области явлений. Возьмем, например, врача, увлекающегося до самозабвения своим делом. В обыденной жизни и его душа сплошь и рядом „вкушает хладный сон", он вяло, равнодушно относится к окружающему, но лишь дело коснется его специальности, его душа тоже каждый раз „встрепенется, как пробудившийся орел". Понаблюдайте людей, у большинства из них есть своя область, особенно их интересующая. Только у одних людей эта область очень широка—возьмем, например, вопрос о переустройстве жизни человечества; у других это—пожарное дело, у третьих — собственный ребенок и т. д. Обычно интерес возникает в связи с каким-нибудь эмоциональным переживанием, часто очень отдаленным. Я знаю одного специалиста по пожарному делу. Когда ему было 10 лет, он присутствовал раз на большом пожаре, произведшем на него колоссальное впечатление. Особенно поразила его работа пожарных. Задыхаясь, он рассказывал об этом дома, разрисовывая самыми невероятными красками событие; воображение его работало во-всю. Прошла после

этого длинная жизнь: томительные, неинтересные гимназические годы, карьера мелкого чиновника и единственный отдых — работа добровольцем в пожарной дружине маленького городка.

Нянины сказки, полные поэзии, глубокие переживания, с ними связанные, определяют направление деятельности Пушкина.

Каждый раз, ища возникновения специального интереса, мы находим в прошлом, иногда очень далеком, эмоциональные переживания, т. е. переживания, захватывающие область чувства.

Интерес обеспечивает сосредоточение на данной области непроизвольного внимания. Внимание бывает произвольное и непроизвольное. Произвольное внимание мы можем поддержать очень короткое время, потом опять и опять надо делать усилия для его поддержания. Непроизвольное внимание не требует никаких усилий воли, оно, кроме того, гораздо полнее, глубже. Ученику, не чувствующему никакого интереса к истории, чрезвычайно трудно сосредоточивать свое внимание на об'яснениях учителя, мысли его постоянно бегут в сторону, внимание рассеивается, и ему надо вновь и вновь подстегивать себя, на что уходит не мало сил.

Если же ученика интересует история, он следит, не отвлекаясь, без всяких усилий, за словами преподавателя. Чем долее человек может сосредоточивать свое внимание на одном и том же предмете, тем более представляется ему возможности вполне овладеть им. Человек, бедный знаниями, неподвижный, неоригинальный не в состоянии долго сосредоточивать внимание на одном предмете, интерес к предмету у него быстро ослабевает. Напротив, сила ума в том и заключается, что человек, благодаря своим знаниям, свежести и оригинальности подхода к вопросу, все вновь и вновь подкрепляет свое внимание к тому же предмету, „поддерживает" свое внимание.

Те факты и предметы, на которые направлено внимание, гораздо лучше сохраняются в памяти. Известный ученый, Пастер, помнил массу всяких фактов и мелочей, имевших отношение к науке о микробах, но он всю жизнь не мог запомнить вечерней молитвы, которую он каждодневно повторял по вечерам за своей женой.

„Большинство людей обладает хорошей памятью для фактов, имеющих отношение к их житейским целям.

Школьник, обладающий способностью атлета, оставаясь крайне тупым в своих учебных занятиях, поразит вас знанием фактов, относящихся к деятельности атлетов, и окажется ходячею справочной книгой по статистике спорта. Причиной этому является то обстоятельство, что он постоянно думает о любимом предмете, собирает относящиеся к нему факты и группирует их в известные классы. Они образуют для него не беспорядочную смесь, а систему понятий, до такой степени он их глубоко усвоил. Так же точно купец помнит цены товаров, политический деятель—речи и результаты голосования своих коллег в таком множестве, что посторонний наблюдатель не может не поразиться богатством памяти, но это богатство становится вполне понятным, если мы примем во внимание, как много каждый специалист размышляет над своим предметом.

Весьма возможно, что поразительная память, обнаруженная Дарвином и Спенсером в их сочинениях, вполне совместима со среднею степенью физиологической воспримчивости ума обоих ученых. Если человек с ранней юности задается мыслью фактически обосновать теорию эволюции (развития), то соответствующий материал будет быстро накопляться и прочно задерживаться.

Факты будут связываться между собою отношением к теории, а чем более ум будет в состоянии различать их, тем обширнее будет об'ем знаний ученого. Между тем теоретики могут обладать весьма слабой отрывочной памятью и даже вовсе не обладать ею. Фактов, бесполезных для его целей, теоретик может не замечать и забывать их тотчас после восприятия их. Энциклопедическая начитанность может совмещаться почти с таким же энциклопедическим невежеством" (Джемс. Психология, стр. 223).

Интерес вызывает непроизвольное внимание, внимание обусловливает память.

Все это показывает, какую громадную роль играет интерес. Вот почему при выборе материала для занятий надо в основу их класть то, что наиболее интересует, к чему больше всего лежит душа. Для одного это будут общественные явления, для другого—техника, для третьего—искусство и т. д.

Однако выбор за основу той или иной области знаний вовсе не значит, что человек, сосредоточивающий свои занятия около одной какой-нибудь области, не будет и не должен

заглядывать в другие области. Напротив, вопрос лишь в том, как он к этим другим областям подойдет.

Перед нами, скажем, один учащийся—интересующийся техникой, другой — интересующийся общественными науками. В круг изучения того и другого входит, скажем, электрификация. Но они по-разному подойдут к ней. Техник будет изучать этот вопрос с точки зрения того, какие технические сооружения необходимы для проведения электрификации в РСФСР, Это будет центральным пунктом его занятий. Но, обдумывая сеть необходимых сооружений, он заинтересуется также и тем, какие общественные условия будут наилучшим образом способствовать проведению необходимой сети сооружений в жизнь. Специальный интерес подводит его к изучению социальных условий.

Интересующийся общественными науками подойдет к вопросу об электрификации прежде всего с общественной стороны: электрификация необходима для подведения материальной базы под советский строй, но, чтобы определить, возможна ли электрификация РСФСР, ему придется познакомиться обстоятельно с тем, что такое электричество, как действуют электрические машины и проч.

Недаром у нас популярную книжку по электрификации, могущую служить прекрасным учебником, написал не инженер, а такой типичный общественник, как Ив. Ив. Степанов [2]). На этом примере мы видим, что интерес определяет не столько содержание приобретаемых знаний, сколько известный подход к ним, определяет ту базу, около которой надо ориентировать все другие знания.

Всякую новую идею, всякое новое знание надо связывать, „ассимилировать", как говорят психологи, с имеющимся уже у учащегося запасом знаний и идей. Новое должно зацепляться за старое, если можно так выразиться. „Ничто не доставляет такого удовольствия,—утверждает известный психолог Джемс,—как умение связывать новое со старым, встречать всякое новое явление, дерзко нарушающее установившиеся у нас представления, разоблачать его загадочность и заносить его в старые, давно установленные группы, в область знакомых нам явлений. Стремление ассимилировать новое со старым составляет научную любознательность. Отношение нового к старому, пока не совершилась ассимиляция, выражается

в удивлении. Мы не питаем любопытства и не испытываем удивления по отношению к вещам, настолько превышающим доступное нам познание, что мы не имеем представлений, под которые могли бы подвести их, и мерок, при помощи которых могли бы наглядным образом их измерить. Фиджийцы, как рассказывает Дарвин, удивлялись при виде маленьких лодок, большие же корабли не вызывали в них удивления.

Только то, что нам хоть отчасти знакомо, возбуждает в нас жажду дальнейшего знания. Всякое новое знание следует связывать с каким-нибудь образовавшимся в уме учащегося интересом, т. е., иначе говоря, каким-нибудь путем связывать это знание с ранее приобретенными сведениями. Отсюда вытекает преимущество, получаемое из сравнивания отдаленного и чуждого с непосредственным опытом, с близким и знакомым, и неизвестного с известным и из связывания сообщаемых сведений с личным опытом учащегося.

Предположим, преподаватель хочет дать представление учащемуся о расстоянии земли от солнца. „Что бы вы сделали,—спрашивает преподаватель учащегося,—если бы кто-нибудь с солнца вздумал выстрелить прямо в вас и вы бы заметили это в момент выстрела?“ „Я бы отскочил в сторону“, ответит учащийся. Тогда преподаватель может сказать следующее: „Вам нет надобности отскакивать, вы можете преспокойно лечь спать у себя в комнате и снова встать на другой день, прожить спокойно до совершеннолетия, выучиться торговле, достигнуть моего возраста, тогда только ядро станет к вам приближаться, и вам нужно будет отскочить. Итак, видите, как велико расстояние от солнца до земли“. (Джемс, Психология, стр. 230).

Связывать вновь приобретаемые знания с имеющимися уже опытом и знаниями, опираться на них — вот правило, которым следует руководствоваться при выборе материала. Дело не в том, чтобы нахвататься как можно больше знаний из всевозможных областей и превратиться в ходячую энциклопедию. Дело в том, чтобы постепенно углублять имеющиеся знания, чтобы ставить вновь приобретаемые знания в связь со старыми и, таким образом, взяв за основу интерес, укреплять его все вновь и вновь.

Важно не только, чтобы были знания, но чтобы они были надлежащим образом организованы.

Слово „образование“ именно и означает образование вокруг основного ядра имевшихся у человека представлений целой ткани новых представлений, прочно связанных с основным ядром.

Понятное дело, что порядок, которым будет приобретать знания крестьянин, будет иной, чем тот, которым должен приобретать их рабочий. Жизненный опыт, круг знаний у того и другого различны. Это часто упускается из виду при составлении программ для всякого рода курсов и школ взрослых. В этих программах слишком слаба ориентировка на слушателей. Дело ведь не только в об'еме знаний, дело в том, в каком порядке и форме эти знания преподносятся слушателю.

В основу изучения всякого материала ложится работа с книгою. Для современной жизни человечества, для современной культуры книга имеет громадное значение: „Культура человечества основана на передаче от одного поколения к другому и на накоплении опыта знаний, изобретений. Если бы не было этой передачи, если бы каждое поколение оказывалось без этого наследства, начинало бы все сначала,—человечество не далеко ушло бы от первобытного дикаря. А эта передача опыта и знаний происходит через посредство книги. Именно в книге кристаллизован капитал знаний, передаваемый из поколения в поколение, увеличиваемый каждым поколением, все быстрее и быстрее растущий, делающий возможным все более и более ускоряющийся прогресс человеческой культуры“. (А. А. Покровский. Библиотечная работа).

Необходимо поэтому научиться работать с книгою.

Надо приобрести привычку читать много и быстро про себя. Надо добиться того, чтобы механизм чтения стал совершенно автоматическим и не отвлекал бы мыслей.

Но одного этого мало. Надо еще отдать себе в прочитанном отчет. Это гораздо труднее, требует уже известного развития, известной широты горизонта, порядочного запаса слов и понятий.

Лучшее понимание читаемого достигается по мере духовного роста читающего. Надо следить однако за тем, чтобы отдавать себе отчет в том, что понято, что не понято, и стараться разобраться в непонятном месте. Полезно бывает перечитать непонятное место еще раз и отдать себе отчет, что непонятно: слово, выражение, мысль. Надо попытаться разобраться

в непонятном, прибегая к помощи „политического словаря", „энциклопедического словаря", соответствующего учебника, популярной книжки на затронутую тему и т. д. Когда выяснено значение непонятого слова, полезно бывает выписать и запомнить всю фразу, в которой это слово употреблено, придумать несколько аналогичных фраз, где бы надо было употребить это слово. Надо поступать так, как поступают в этих случаях дети. Мне пришлось раз наблюдать шестилетнюю девочку, которая в первый раз услышала слово „моментально". В следующие полчаса она раз десять повторила это слово в различных комбинациях. Шестилетняя девочка делала это бессознательно. Подросток или взрослый должен итти по этому же пути для того, чтобы совершенно освоиться с бывшим до того времени незнакомым словом и начать употреблять его уже автоматически, когда в этом окажется надобность. Надо только следить, чтобы точно уловить смысл и оттенок слова и не употреблять его не в том смысле. В прежние времена это нередко бывало с развитыми рабочими, которым приходилось мало слышать литературную речь и самим редко употреблять ее. Вычитав в книге слово и не уловив вполне его оттенок, они потом употребляли его не так, как принято, а в своем особенном смысле. Теперь, когда можно слышать литературный язык на митингах, с'ездах и проч., рабочие стали говорить правильнее, но все же надо избегать употребления незнакомых слов, пока слово и его оттенок не совсем ясны.

Конечно, такая работа над раз'яснением незнакомых выражений и слов отвлекает читающего от главного: усвоения основных мыслей, изложенных в книге.

Поэтому надо позаботиться, чтобы поскорее овладеть литературным языком и сделать понимание его автоматическим.

Необходимо также научиться отдавать себе отчет в прочитанном. Лучше всего делать это по определенной системе.

Прежде всего, когда окончишь читать книжку (сначала лучше все это проделывать по отношению к каждой главе книги), надо дать себе отчет, что хотел сказать автор, какие основные мысли он защищает в своей книжке, какие доводы он приводит в защиту этих основных мыслей. Очень важно ясно представить себе весь ход мысли автора. Отчетливое усвоение прочитанного—это первый шаг в деле сознательного чтения книги.

Может случиться, что с первого раза трудно усвоить все сказанное автором и придется прочесть книжку и во второй и в третий раз. Когда стараешься отдать себе отчет в прочитанном, надо не гоняться за всеми мелочами, не стараться запомнить каждое слово, это даже вредно. Надо постараться выделить самое существенное, основное. Затем посмотреть, как это существенное и основное подкрепляется остальным материалом. Иногда для иллюстрации основной мысли автор приводит ряд фактов, иногда доказывает свою мысль целым рядом рассуждений. Лучше всего по прочтении книжки составить себе в письменном виде ее план. Во всем этом надо хорошенько попрактиковаться.

Затем надо продумать содержание книги. Если основная идея иллюстрируется фактами, то надо посмотреть, правильно ли они излагаются—во-первых, достаточно ли типичны—во-вторых. Надо стараться самому придумать аналогичные факты, либо факты, идущие в разрез с сообщаемыми. Когда автор доказывает свою идею рядом рассуждений, то надо подумать, нельзя ли рассуждать в данном случае как-нибудь иначе и как именно, потом сравнить придуманное рассуждение с рассуждением автора и решить, какое рассуждение правильнее. Надо обдумать также, нельзя ли подойти к вопросу с какой-нибудь другой стороны. Проделав всю эту работу, читателю надо сделать вывод, согласен ли он с автором или нет и в чем именно не согласен.

По прочтении книжки надо сделать из нее выписки: выписать то, что надо и хочется запомнить: года событий, имена, цифры. Часто бывает полезно не только выписать цифры, но и составить на основании их соответствующую диаграмму, чтобы нагляднее представить себе дело. Нужно также выписать понравившиеся мысли, выражения. Надо однако избегать слишком длинных выписок, в которых потом не легче разбираться, чем в самой книге. Надо записывать только самое необходимое в виде тезисов, соблюдая подразделение на части и т. д. Записывать четко и наглядно.

От обширных тетрадок, на переписку в которые многих страниц книги затрачено было не мало времени, разобраться в которых не может сам владелец их, проку мало. Зато чрезвычайно полезны тетрадки с сжатыми, четко написанными, наглядными записями, позволяющими сразу же вспомнить про-

читанное и ориентироваться в цифровом и всяком другом материале. Надо выучиться записывать именно в такой форме, не жалея времени вначале на упражнения, начиная с коротеньких статеек, постепенно усванвая себе навык именно таким экономным способом делать себе заметки.

Конечно, в некоторых случаях полезно делать и более обширные выписки. Если книга имеет, например, исключительный интерес и важность, тогда не жаль потратить время и на длительное конспектирование ее, на выписку полностью длинных цитат.

Это следует делать, например, в тех случаях, когда предполагается использовать данную книгу для доклада или статьи.

Точно так же бывает полезно делать обширные выписки в тех случаях, когда тот, кто это делает, недостаточно еще овладел механизмом письма, орфографией или литературным языком. В таких случаях списывание бывает очень полезно. И лучше переписывать то, что интересует и имеет отношение к прочитанному; это продуктивнее, чем переписывать что-либо другое.

Но, как правило, записи лучше делать короткие, сжатые, наглядные.

Итак, первая задача при чтении — это уяснить и усвоить себе прочитанный материал.

Вторая задача — продумать прочитанное.

Третья -сделать из прочитанного необходимые для памяти выписки.

И наконец четвертая задача — это дать себе отчет, чему новому научила прочитанная книга: сообщила ли какие-нибудь новые знания, насколько эти знания нужны и полезны, научила ли каким-нибудь новым приемам наблюдения, работы, занятий; возбудила ли какие-нибудь новые мысли; пробудила ли какие-нибудь особые настроения и желания.

Таким образом мы набросали план или схему работы с книгой.

Конечно, этот план можно несколько видоизменить, несколько иначе формулировать вопросы. По отношению к книжкам по математике, естествознанию и проч. часто будет приложима лишь часть схемы. Важно однако, чтобы была определенная схема, так как тогда работа будет гораздо производительнее. Система в работе имеет громадное значение.

Часто она дает возможность человеку видеть то, чего не замечают другие. Наполеон, например, на смотру всегда замечал малейшие недочеты в костюме солдат, которых перед смотром тщательно искали и не находили офицеры. Дело в том, что у Наполеона была определенная система, по которой он осматривал полки; эта-то система и давала ему возможность замечать все недочеты.

Посмотрим, как подходят к одному и тому же предмету различные специалисты. У каждого из них своя система наблюдения. Художник, например, наблюдая растение, наблюдает его по системе, в которую входит сочетание красок, их яркость, освещение, изящество формы. Наблюдая растение, художник может совершенно не обратить внимания на то, сколько тычинок в цветке и как они расположены, этот вопрос совершенно не входит в систему его наблюдений. Ботаник, наоборот, обратит внимание прежде всего на эти тычинки, расположение листьев и т. п. и совершенно может не заметить, как освещен в данный момент цветок и как он выделяется на том или ином фоне.

Точно так же и при чтении книг определенная система подхода к книге имеет громадное значение. Она дает возможность заметить в книге то, чего можно и не заметить, если не поставить себе целью проследить именно эту сторону дела. Мало-по-малу определенный подход к книге переходит в привычку.

Из книг мы почерпаем знания, изучаем опыт других людей, но эти знания гораздо лучше будут нами усвоены, если мы проверим их своим собственным опытом. Одно дело, когда мы прочтем в книжке: „море во время грозы представляет собою прекрасное и величественное зрелище“, другое дело, если мы своими глазами увидим это зрелище. Мы читаем, например, что машина сокращает время, потребное на производство данного продукта, но только тот, кто проделал какую-нибудь работу сначала ручным способом, а потом машинным, поймет все значение этого факта. Одно дело—прочесть в книжке, как делается какая-нибудь операция (глаза, уха), другое дело—проделать ее самому.

Вот почему человек „бывалый“, побывавший в разных странах, видавший различных людей, различные нравы и обычаи, часто знает жизнь куда лучше, чем другой, весьма начитан-

ный, может быть, но без всякого запаса личных наблюдений. Мы особенно ценим „опытного“ врача, „опытного“ педагога, „опытного“ сельского хозяина и т. д.

В средние века существовал очень интересный и поучительный обычай. Подмастерье, закончивший курс учения, прежде чем стать мастером, должен был пострaнствовать в течение определенного времени, побывать в других городах, поработать там у разных мастеров, посмотреть, как живут и работают в других местах сотоварищи по ремеслу.

Вот почему чрезвычайно важно, чтобы занимающийся самообразованием старался приобретаемые из книжки познания проверять путем личных наблюдений или путем трудовой переработки.

С этой точки зрения особое значение приобретают посещения сельско-хозяйственных, промышленных музеев и выставок, образцовых хозяйств и предприятий. Экскурсии всякого рода должны быть широко применяемы. Надо только, чтобы эти экскурсии были деловым образом поставлены и не обращались просто в увеселительные прогулки. Надо во время экскурсий делать себе заметки, а кто может, то и рисунки, записывать потом свои впечатления. Надо также пользоваться всякой открывающейся возможностью, чтобы путешествовать, побывать в новых местах, посмотреть и понаблюдать новых людей, их работу и жизнь. Но и самая обыденная жизнь дает богатый материал для наблюдений, для изучения. Надо только отдать себе отчет, что хочешь понаблюдать, с какой целью, и потом доводить свои наблюдения до конца, делать из них выводы.

Вся эта работа может пойти еще живее, дать лучшие результаты, если в работу будет вовлечен целый коллектив. Участники работы должны делиться своими наблюдениями. У каждого свой особый подход: один заметит одну сторону, другой—другую. В результате получится всестороннее изучение предмета, коллектив учитывает то, что могли не заметить отдельные наблюдатели.

Надо разработать в особой брошюре, как должны вестись и над чем наблюдения, а также как надо поставить кружковую работу, чтобы она давала хорошие результаты, повышала, а не понижала работоспособность своих членов.

Надо экономить время и энергию.

„Надо экономить время и энергию", — повторяют на каждом шагу практичные американцы. У них существует целая литература,—к сожалению, нам, россиянам, мало известная,- как надо с этой точки зрения ставить занятия в средних и высших учебных заведениях, как надо экономить силы учащегося и итти к цели кратчайшим путем. Американская молодежь хорошо научается этому. Нужно научиться этому и нам.

Сейчас мы не можем позволить себе роскошь зря мотать время и силы.

Мы живем на грани двух общественных систем: старая капиталистическая система умирает, нарождается новая — коммунистическая. В такое время нельзя жить, как жили отцы и деды. Каждый день несет нам нечто новое, и по отношению к этому новому надо иметь собственные глаза, собственное суждение, собственное решение. Надо итти своим путем. Но, чтобы глаза видели, чтобы можно было правильно судить и решать, чтобы можно было правильно выбирать дорогу, надо много знать. Надо знать и рабочему классу в целом и каждому его члену в частности. Некогда работать не спеша, сибаритствуя, „развалясь на диване". Надо учиться как можно экономнее.

История сложилась так, что Россия — страна сравнительно отсталая — первая подняла знамя социальной революции и, худо ли, хорошо ли, сумела защитить его в течение пяти лет. Если она хочет и дальше оставаться опорным пунктом мировой социальной революции, она должна укрепить свою материальную базу. И для этого ей опять-таки надо лихорадочно учиться без передыху, соблюдая величайшую экономию во времени и энергии.

Ту же экономию диктует рабочей и крестьянской молодежи образ ее жизни. Рабочий и крестьянин занят работой значительную часть своего времени. Только свободное время может он тратить на самообразование, а времени этого у него весьма в обрез.

Итак, и переживаемый исторический момент, и особое положение России, и условия жизни главной массы учащихся тре-

бует соблюдения при занятиях строжайшей экономии времени и энергии.

Чтобы осуществить эту экономию сил и энергии, необходимо:

а) правильно распределять свое время;

б) ставить себя в наиболее благоприятные условия для работы;

в) овладеть необходимыми для занятий с книгой навыками;

г) правильно выбирать материал для занятий;

д) правильно распределять работу;

е) разработать с точки зрения экономии сил и времени формы коллективной работы;

ж) иметь в своем распоряжении необходимые пособия и указания.

А) Начнем с распределения времени.

Само собой, если мы хотим производительно провести время, мы должны правильно распределять его. А как тратим мы его обычно?

Только на службе или на фабрике работаем мы по часам, остальное же время проходит у нас, как случится: то зайдет добрый приятель и с ним поболтаешь, то просто проваляешься на кровати с глупейшим романом в руках, поздно вечером схватишься, что время прошло зря, берешься за какую-нибудь дельную книгу, оказывается—устал превыше меры, приходится прогонять сон курением, книга откладывается в сторону, начинается разговор с товарищем и споры чуть не до утра. А на утро с трудом просыпаешься, чувствуешь себя разбитым.

В отчете о работе университета Свердлова описывается, как слушатель университета Свердлова, проспорив всю ночь с товарищами о том, что такое стоимость, утром выскакивает на улицу, схватывает за плечи первого попавшегося прохожего и спрашивает: „а вы, товарищ, как определяете стоимость?“

Это, конечно, забавно, даже трогательно, но наводит на размышление: неужели никто не растолковал бедняге, что он зря растрачивает время и энергию и, если будет продолжать такой образ жизни и дальше, попадет в сумасшедший дом или санаторию, но пользы от него революции и Советской Республике будет не очень много.

Одним из способов растраты времени является также неумеренное посещение всякого рода собраний. Конечно, ряд

деловых собраний необходимо посещать, но не следует увлекаться именно этой формой работы.

Собрание—очень хорошая и важная вещь, но тогда, когда оно идет оживленно, когда ораторам есть что сказать, когда ораторы не повторяются, говорят по существу и когда собрание ведется правильно, умело.

Обычно, после очень многих собраний остается лишь сознание потерянного времени. А сколько времени уходит на сборы! У нас вошло в привычку опаздывать на полчаса, на час и более. Время проходит в самом бесплодном занятии — перебалтывании, курении, слоняются люди без дела. Так тратить время могли позволять себе только барчуки, ничего не делавшие и поэтому растрачивавшие, не жалеючи, время. Эта барская привычка глубоко вкоренилась в русские нравы. Надо от нее отучиться. Посмотрите, например, как работает Ленин или Троцкий. Разве они тратят время на ожидание? Деловые свидания, назначаемые ими, начинаются из минуты в минуту. Совет Народных Комиссаров собирается всегда как раз в назначенное время.

Иностранцы более знают цену времени. Ученые, литераторы, профессора имеют привычку ложиться во-время, вставать рано, работать по утрам на свежую голову, хождение друг к другу сводят до минимума, время строго распределяют. Раз навсегда у них установлены часы вставания, работы, обеда отдыха, сна. Работоспособность от этого увеличивается чрезвычайно, увеличивается и сохраняется.

Интересно знакомиться с тем, как распределяли свое время крупные ученые, писатели.

Возьмем, например, Льва Толстого. Писал он романы, повести и рассказы, то, что казалось бы, зависит всецело от настроения, а между тем время его было строго распределено. По утрам он писал, напряженно работая, переделывал по несколько раз одну и ту же вещь. Писатель не может жить изолированно: он должен постоянно видеть людей, наблюдать их, изучать. И Л. Толстой уделял определенное число часов на общение с людьми. Затем определенное число часов отводил на чтение и пр.

Эта сторона жизни Л. Толстого хорошо описана в книжке Сергеенко „Как живет и работает Лев Николаевич Толстой"

Точно так же работал и Золя французский романист, написавший громадную серию романов, характеризующих жизнь различных слоев общества при капитализме. Золя вставал в шесть часов утра и писал, как и Толстой, по утрам, затрачивая остальное время на изучение тех слоев общества, которые он описывал.

Возьмите описание жизни великих музыкантов, например, Бетховена, и вы увидите, какую массу времени затрачивал он на игру на рояле и как строго распределял он свое время.

Еще строже распределяют свою работу естественники, врачи, ученые, работающие с микроскопом в лаборатории, в анатомическом театре. Прочтите о работе, например Эдисона [3]), Луи Пастера и других видных работников мысли.

Известный хирург, Кохер, будучи даже стариком, самым строжайшим образом распределял свой день, минута в минуту ложился спать, каждый день играл определенное время в лаун-теннис, чтобы сохранить твердость руки во время операций и т. п.

И таких примеров вы найдете тысячи. Тот, кто хочет достичь крупных результатов, должен самым тщательным образом беречь и распределять свое время.

Б) Другое условие, необходимое для того, чтобы работа шла правильно, чтобы не затрачивалось излишнее время и энергия, это возможно благоприятные условия для работы.

Самое важное условие—свежесть головы, отсутствие утомления. Уставший человек работает и гораздо медленнее, и гораздо хуже. Самые лучшие часы, конечно, утренние. Нормальный человек утром работает лучше всего. Конечно, если приходится очень рано выходить на работу, трудно организовать занятия в утренние часы, но если работа начинается часов в 10—11, утренние часы непременно надо использовать. Часто этому мешает слишком поздний отход ко сну, но тут надо стараться изменить такой порядок вещей. Занятия по вечерам утомительны; чтобы разогнать сон, человек прибегает к крепкому чаю, к курению, к спорам, в результате—быстрое переутомление и понижение работоспособности.

Другое условие—работа в чистой атмосфере. Чтобы правильно и энергично работала голова, работал мозг, надо, чтобы правильно, равномерно работало сердце, а для этого нужен приток свежего воздуха. Нельзя, чтобы в комнате было слишком

душно или жарко. Перед занятиями необходимо открывать форточку или окно, освежать воздух. Накуренная или угарная комната крайне отрицательно отзывается на занятиях.

Благоприятным условием является также отсутствие во время работы внешних отвлекающих впечатлений. Нельзя заниматься, когда кругом шумят, разговаривают, когда к тебе каждую минуту обращаются с каким-нибудь, хотя бы малозначащим вопросом. Необходимо учиться уважать чужой покой и не шуметь, не свистеть, не разговаривать, когда другой человек занимается. Но в большинстве случаев квартирные условия рабочего и крестьянина таковы, что дома ему трудно заниматься. Вот почему надо приучать себя заниматься в библиотеке или клубе. Пользование библиотеками-читальнями у нас гораздо менее распространено, чем на Западе и особенно в Америке. У нас раньше читали и работали с книгой обычно те классы общества, жилищные условия которых позволяли им заниматься и дома. Те же, кто не мог заниматься дома, вообще не занимались. Теперь, когда книгой стали пользоваться и трудящиеся, читальня приобретает особо важное значение. В библиотеке никто не отвлекает от занятий. Кроме того в библиотеке имеются под руками энциклопедические словари, справочники, атласы, учебники, которыми приходится постоянно пользоваться при сколько-нибудь серьезном чтении.

Правда, иногда человек может заниматься среди невероятного шума и суетни, но для этого необходимо, чтобы книга или работа до такой степени захватила и увлекла его, чтоб он был в состоянии не замечать окружающего. Известен рассказ про греческого ученого Архимеда, известного геометра, который так был поглощен своими чертежами, что когда в его дом вошел неприятель и к нему подошел воин, он сказал только: „не трогай моих кругов". Не всякий и не во всякое время может так всецело быть поглощен изучаемым предметом, чтобы не замечать окружающего, а потому много лучше, если внешне ничто не развлекает занимающегося. Впрочем, для успешности занятий необходимо также, чтобы не развлекали посторонние мысли и чтобы не выходило так, как у Евгения Онегина, про которого Пушкин писал:

Хотя глаза его читали,
Но мысли были далеко...

Вот почему, между прочим, лучше еще заниматься по утрам. Впечатления минувшего дня за ночь несколько потускнели, новых впечатлений еще нет, и ничто не нарушает пока душевного спокойствия. Если нет нужного спокойствия и необходимого для занятий настроения, надо постараться вызвать его у себя: походить ли быстро по комнате, начать насвистывать определенный мотив, вызвать у себя известное воспоминание, прочесть пару страниц из любимого автора или пустить в ход еще какой-нибудь аналогичный прием.

В) Чтобы работа шла успешно, необходимо еще овладеть определенными навыками, без которых нельзя работать с книгой.

К числу таких навыков относится умение читать, писать, обращаться с цифровым материалом, уметь читать географическую карту и пр.

Надо выработать привычку быстро и много читать про себя, привычку делать сжатые деловые записи, привычку подходить к книге с известными запросами. Зачем надо развивать в себе все эти привычки? Затем, чтобы работать без лишней затраты времени и энергии.

Привычка освобождает ум для размышления. У животных большая часть их движений автоматична. Человек рождается без готовых приспособлений в нервных центрах для автоматических движений. Но у взрослого человека автоматических приспособлений такая масса, что большая часть их должна была быть выработана путем тяжелого труда. Если бы наши действия от упражнения не совершенствовались, а привычка не сокращала расхода нервной и мышечной энергии, то положение человека было бы весьма печальным. Вот что говорит по этому поводу Маудсли:

„Если бы действия не становились легче при повторении того же действия, нужно было бы снова и снова тщательное руководство сознания, то, очевидно, никакой прогресс не был бы возможен, и вся наша житейская деятельность ограничивалась одним-двумя актами.

При таких условиях человек мог бы по целым дням одеваться и раздеваться, сосредоточивая на этом все внимание и энергию: вымыть руки или застегнуть пуговицу ему в каждом отдельном случае было бы так же трудно, как ребенку бывает трудно сделать это в первый раз. В конце концов он был бы

измучен рядом бессильных попыток. В то время, как вторичные автоматические акты сопровождаются сравнительно небольшим утомлением, приближаясь в этом отношении к органическим или к первичным автоматическим движениям, сознательные усилия воли быстро утомляют нас" (У. Джемс, Психология, стр. 101). Мы знаем, с каким трудом научается, например, безграмотный взрослый сливать буквы, или как трудно бывает иногда малограмотному подписать фамилию, как долго он прилаживается и каких усилий часто стоит написать ее. Иногда от этих усилий лицо его покрывается потом. Ясное дело, пока эти процессы поглощают все его внимание, он не может сосредоточиться на смысле читаемого. Все силы уходят на преодоление техники. Вот почему надо развить в себе известные навыки, сделать их автоматическими. Без этого невозможны серьезные занятия.

Г) Какую роль играет выбор материала с точки зрения экономии времени и энергии, мы уже говорили выше. Здесь необходимо лишь в нескольких словах повторить уже сказанное.

Необходимо браться лишь за посильную работу: надо браться за книги, доступные хоть сколько-нибудь по языку, не браться за специальные книги, требующие довольно большой подготовки, а если книгу все же надо прочесть, то прежде овладеть необходимыми знаниями. Браться за непосильную книгу значит растрачивать даром силы и зря убивать время.

Из всей необ'ятной массы человеческих знаний надо выбирать лишь то, что имеет особо важное значение, что необходимо для понимания окружающей действительности и умения ее преобразовывать. На приобретение разных знаний, не имеющих важного значения, рабочий и крестьянин не имеют возможности затрачивать время и энергию.

Конечно, надо выбирать по тем вопросам, которые надо изучить, самые лучшие книги, наиболее полно, глубоко и правильно освещающие данный вопрос. И наконец надо начинать читать с наиболее интересующего вопроса, постепенно расширяя изучаемую область, захватывая соприкасающиеся важные области и таким образом организуя все вновь приобретаемые знания вокруг основного ядра.

Д) Надо также выработать у себя умение работать по определенному, заранее намеченному плану. Мало опыт-

ный в занятиях человек обыкновенно очень разбрасывается, хватается то за одну книгу, то за другую, не овладев хорошенько одной темой, берется за другую. Такой способ занятий очень мало производителен, очень не экономен. Надо не метаться, а ставить себе определенные цели, при чем не отдаленные и широкие, а очень конкретные, определенные. Положим, человек хочет изучить капитализм. Это очень широкая цель и очень неопределенная. Чтобы достигнуть ее, надо разбить эту общую тему на ряд более ограниченных тем. Из них выбрать одну, скажем, современный капитализм. Потом следует еще ограничить и эту тему. Например, начать изучать современный капитализм в одной какой-нибудь стране, положим, в Англии. Затем еще дальше пойти по пути ограничения и выбрать, ну хоть, изучение положения рабочего класса в Англии при современном капитализме. Только справившись с данной, конкретно поставленной себе темой, можно переходить к следующей, соприкасающейся конкретной теме, и опять, овладев ею, итти дальше. Это—самый экономный способ овладеть достаточно глубоко общей темой. Конечно, чтобы быть в состоянии составить себе такой план, надо иметь уже некоторое, хотя бы самое общее представление о всей теме в целом.

Тэйлор, известный американский инженер, говоря об организации труда, указывает на то, что каждому служащему, каждому рабочему надо давать определенные конкретные задания. „Чем менее развит, чем менее знает человек, тем менее сложные и более близкие цели надо ставить ему,—пишет Тэйлор.— Ни одному учителю не придет в голову дать десятилетнему ребенку изучить такой-то вопрос, ознакомиться с такой-то книгой. Он даст ему гораздо более легкое задание: прочесть на такой-то странице такое-то стихотворение, такой-то рассказ. Учебник одолевается по частям". Это замечание Тэйлора совершенно верно: начинающий впервые работать с книгой должен ставить себе ближайшие, несложные, доступные его силам цели. Только таким путем справится он с общей задачей. Составление планов для новичка—дело довольно трудное в силу того, что он не представляет себе ясно об'ема того материала, который надо изучить, и отдельных составных частей общей темы. Тут новичку должны прийти на помощь более близко знакомые с общей темой товарищи или соответствующие руководства и пособия. В этом отношении слушатели различных

курсов находятся в гораздо более благоприятных условиях; им, как говорят крестьяне, „приходится жить за чужим загадом". План работы для них составляют руководители курсов. Это, конечно, проще и до известной степени выгоднее вначале для начинающего заниматься; он не рискует пойти по ложному пути. Однако, когда предоставленный самому себе читатель приобретает некоторую привычку вырабатывать себе план и ближайшие задания, он окажется в более выгодном положении, чем курсант, так как сможет вырабатывать более подходящий для себя, более индивидуализированный план, вполне соответствующий степени его сил и знаний.

Е) Остановимся еще на следующем вопросе. Как более экономно заниматься: в одиночку или в кружке? Все зависит от того, как поставлены занятия в кружке. Если члены кружка относятся добросовестно к занятиям, приходят аккуратно, выполняют все обязательства, которые они берут на себя, и особенно если в кружке есть опытный руководитель,—занятия в кружке экономнее. Коллективная работа может сберечь время. Надо ввести разделение труда, делить работу, учитывая силы каждого члена: постоянный обмен мнений помогает большинству уяснить себе все непонятное, неясное. Дискуссии поднимают интерес к занятиям, дают новые толчки мысли. Кроме того коллективная работа очень подтягивает, придает занятиям известную устойчивость. Все это заставляет чрезвычайно ценить кружковую работу, но, конечно, при условии, о котором сказано выше. Если же члены кружка запаздывают, пропускают, если они дома не подрабатывают материал к заданиям и ограничиваются только разговорами в кружке, за которыми не стоит никакой серьезной самостоятельной работы, тогда из такого кружка лучше уйти и работать в одиночку.

Ж) Но будет ли работа вестись кружком или отдельным лицом, для того, чтобы эта работа могла итти без затраты лишнего времени и энергии, необходимо, чтобы в их распоряжении был целый ряд необходимых пособий и указаний, помогающих поставить работу на правильные рельсы. Таких пособий у нас в России почти совершенно не было, а те, которые были, почти все устарели. Надо создать целый ряд пособий в помощь самообразованию. Конечно, это дело не одного дня. Главполитпросвет издал одно весьма важное пособие для тех, кто занимается самообразованием—„Популярный

политический словарь". Но это лишь первый шаг по пути помощи государства учащемуся самостоятельно. Необходим еще популярный энциклопедический словарь, не многотомный, а небольшой, в роде очень популярного французского энциклопедического словаря Ларусса. Необходим рекомендательный каталог наиболее важных для чтения книг, но с указаниями, что дает каждая книга, какая подготовка нужна для чтения ее и пр. Необходим сборник планов занятий, куда войдет ряд планов занятий по разным областям знаний, разработанных для лиц с разной подготовкой. Должен быть создан ряд руководств по изучению важнейших областей знания, руководств, отводящих широкое место самостоятельным занятиям, дающих ряд указаний, как самостоятельно работать над тем или иным вопросом. Нужен „Спутник курсанта совпартшколы" с вариациями: „Спутник молодого крестьянина", „Спутник молодого рабочего", ряд указателей, атласов и проч. Наличие этих пособий сделает занятия работающих над самообразованием гораздо более легкими и производительными.

Государственная помощь самообразованию.

Нам остается сказать лишь несколько слов. В виду той особенной роли, которую играет в данное время в РСФСР самообразование, государство и партия должны обратить особое внимание на эту сторону дела, постараться поставить это на должную высоту, оказывать ему всяческую помощь.

Эта помощь должна выразиться в издании всякого рода пособий для самостоятельных занятий. Некоторые из этих пособий были поименованы выше, но это лишь незначительная часть их. Важно создать новые типы пособий, учитывающие условия самообразования в РСФСР. На эту работу нельзя жалеть ни сил, ни средств. Эта задача должна быть поставлена Главполитпросветом на первую очередь, к этой работе должны быть привлечены кадры методистов и партийных работников. Теперь вопрос не в том, чтобы убеждать людей, что им надо учиться, вопрос в том, чтобы ознакомить их с тем, чему и как надо учиться.

Главполитпросвет получает известные суммы на удешевление известных видов своих изданий. Эти суммы должны быть обращены прежде всего на удешевление пособий по самообразованию.

Но как бы ни были дешевы эти пособия, они будут многим неизвестны, многим недоступны. В деле распространения этих пособий должны помочь библиотеки. Чем выше будет поставлено у нас в РСФСР библиотечное дело, тем доступнее станут массе, желающей заниматься самообразованием, эти пособия. Библиотекарь имеет ряд возможностей осведомить читателя о существовании того или иного пособия, растолковать, для чего оно нужно, как им пользоваться. Передвижки, избы-читальни могут приблизить эти пособия к массе. На эту сторону дела надо обратить должное внимание.

При Главполитпросвете, при Программно-Библиографическом отделе существует под'отдел Самообразования. Однако об его существовании даже мало кто знает. Этот под'отдел должен самым широчайшим образом развить свое дело, превратиться в „Бюро по самообразованию", работа которого была бы на виду, была бы всем известна. Бюро должно заботиться об осведомлении печати, об изданиях, о привлечении к этому делу партийного и общественного внимания. У „Бюро по самообразованию" должна быть хорошо поставленная консультация, отделения которой должны быть рассеяны по всей территории РСФСР. Откуда взять на это деньги? Было бы дело, деньги найдутся. Следует сократить кое-какие бюрократические аппараты, разросшиеся превыше меры, и за счет их поставить живое дело помощи самообразованию, имеющее сейчас такое важное значение.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Толстой Лев Николаевич — русский писатель XIX в. В своих художественных произведениях изобразил жизнь русского дворянства („Война и мир", „Анна Каренина", „Воскресение", „Детство, отрочество и юность"); в некоторых произведениях очень метко и художественно рисовал деревню („Власть тьмы", „Казаки", „Севастопольские рассказы", ряд рассказов и сказок). В религиозно-философских воззрениях был сторонником „непротивления злу". Занимался педагогической деятельностью, в своем имении — Ясной Поляне — вел школу, чрезвычайно интересную по методам ее работы.

[2]) Степанов-Скворцов И. И.—старый большевик, с 90-х гг. в рабочем движении. Работал преимущественно в Москве, был членом МК и редактором партийных газет. Крупный ученый и экономист. Автор „Политической экономии" (вместе с А. Богдановым). Кроме того его перу принадлежит целый ряд книг, брошюр и прекрасных переводов-переработок книг Блоса, Баха, Каутского, которые он ухитрился выпустить и при царской цензуре. Переводчик „Капитала".

В годы революции работает в Госиздате. Очень активно работает над антирелигиозной пропагандой; один из инициаторов „Комсомольского рождества".

По просьбе и поручению В. И. Ленина написал прекрасную книгу об электрификации.

[3]) Эдисон Томас-Альва. Крупнейший американский изобретатель-самоучка. В молодости был газетчиком. Эдисону принадлежат крупнейшие изобретения XIX и XX вв.: электрические лампочки, кинематограф, граммофон и т. д.

ОРГАНИЗАЦИЯ САМООБРАЗОВАНИЯ

(Тезисы доклада на V с'езде РКСМ)

Введение.

Под влиянием войны и революции потребность в знании в рабочих и крестьянских массах возросла до чрезвычайности.

Советская власть принимала самые широкие меры для того, чтобы обеспечить рабочим и крестьянам доступ к знанию.

Однако самообразование долгое еще время остается преобладающей формой приобретения знаний.

Чтобы самообразование достигло цели, учащийся должен знать, что ему надо читать, как ему надо читать, как организовать свои занятия так, чтобы они шли без излишней затраты времени и энергии.

Необходимо, чтобы наш союз сорганизовал широкую помощь самообразованию.

Выбор изучаемого материала.

1. Область человеческих знаний необ'ятна. Нельзя знать всего, что знает, испытало, над чем работало человечество и что отразилось в книгах. Из всей области знаний надо выбрать лишь то, что нам нужно.

2. Необходимо, прежде всего, понять окружающую нас общественную жизнь, смысл совершающихся событий. Никогда еще, может быть, стремление понять это не было так сильно, как в данный момент, когда старый капиталистический строй умирает и на смену ему идет новый строй.

3. Не менее интереса имеет и примыкающий к первому вопросу вопрос о законах развития человеческого общества и о том, куда в силу этих законов идет общественное развитие.

4. И дальше. Возможно ли повлиять на развивающиеся события, как и в какой мере. В тесной связи с этим вопросом стоит и вопрос о роли в общественном развитии тех или иных классов той или иной личности.

5. На ряду с этими вопросами, вопросами общественными, стоит другая группа вопросов, касающихся природы.

6. Эти вопросы сводятся к следующим: изучение природы живой и неживой, ее законов, развития разных составных частей ее, места человека в природе, способов воздействия человека на природу.

7. Все вышеозначенные вопросы составляют основу мировоззрения.

Нелепы рассуждения на тему, что не следует заботиться о мировоззрении. Мировоззрение именно и есть продуманное, основанное на опыте человечества отношение ко всем вышеименованным вопросам. Быть сознательным коммунистом значит определить в известном направлении свое отношение к этим вопросам.

Все эти вопросы имеют самое непосредственное отношение к живой действительности.

Как изучать необходимый материал.

1. Для занимающегося самообразованием чрезвычайно важен вопрос, с чего начинать читать и в каком порядке читать.

2. Начинать нужно с той области знаний, которая для данного человека представляет наибольший интерес, и затем около этого основного ядра организовать весь последующий материал.

3. В основу изучения всякого материала ложится работа с книгою. Поэтому необходимо научиться работать с нею.

4. Необходимо научиться охватывать содержание книги: выделять основные мысли, отделять основное от второстепенного, прослеживать доводы автора, оценивать их, оценивать приводимые факты со стороны их верности, типичности,

и делать из книги определенные выводы и определять, что она дала, делать из прочитанного выписки того, что надо запомнить.

5. Проверка читаемого—опыта других своим личным опытом и опытом товарищей—имеет очень большое значение, и на эту сторону дела надо обращать серьезное внимание.

Экономия при занятиях времени и энергии.

1. Важность переживаемого исторического момента, особое положение Советской России, условия труда рабочих и крестьян повелительно требуют, чтобы занятия велись без излишней траты времени и энергии.

2. Для этого необходимо:

а) правильно распределять свое время,
б) ставить себя в наиболее благоприятные условия для работы,
в) овладеть необходимыми для занятий с книгой навыками,
г) правильно выбирать материал для занятий,
д) правильно распределять работу,
е) разработать с точки зрения экономии во времени и энергии формы коллективной работы,
ж) иметь в своем распоряжении необходимые пособия и указания.

САМООБРАЗОВАНИЕ МОЛОДЕЖИ

(Доклад на Политпросветсекции V Всероссийского с'езда РКСМ).

Товарищи, мне предложили сделать доклад по вопросу о самообразовании. Продумывая, как сделать этот доклад, я остановилась на том, что необходимо озаглавить мой доклад не „вопросом о самообразовании", а „об организации самообразования". Сейчас, в настоящую минуту, чрезвычайно большая тяга к знанию. Ни одно собрание крестьянское в деревне не проходит без того, чтобы не был выдвинут вопрос, какова должна быть школа, не слышались жалобы на нее, что в школах нет того, нет другого, третьего. Сейчас среди молодежи также замечается определенный перелом в сторону стремления к знанию. Молодежь раньше, в первый год революции, забросила все книжки и занималась только организационными делами, ходила по митингам. Дальше молодежь сразу взялась за книжки и начала учиться так, как раньше не училась. Поскольку постоянно приходится иметь дело Главполитпросвету с ЦК молодежи, постольку приходится чувствовать, что эта потребность в знаниях растет с каждым днем. То же самое показал и ваш с'езд.

Все доклады партийцев на разные голоса повторяют, что надо учиться, учиться и учиться. Главный вопрос состоит в том, как учиться. Это—вопрос чрезвычайной важности, потому что могут быть благие пожелания, благие намерения, но стоит вопрос, как их использовать. Сказать: открывайте побольше совпартшкол, побольше курсов, открывайте всякого рода другие школы, конечно, не значит указать выход. Во-первых, надо отдать себе отчет, как должны быть поставлены занятия во всех этих школах и курсах, а во-вторых, для громадной-то массы

совершенно недоступны и совпартшколы и разные курсы, и приходится какими-то другими путями добывать себе знания. Если бы мы пытались построить столько курсов, сколько необходимо, то пришлось бы всю страну покрыть такого рода курсами. Может быть, это и надо было бы сделать, но только теперешнее положение Советской России, которая четыре года вела борьбу на всех фронтах, а пятый ее держал за горло голод, и теперь чрезвычайно истощена, — нам этого не позволяет.

При нынешнем положении нашего бюджета рассчитывать на то, что можно создать такое количество школ, какое надо, не приходится. Вопрос о самообразовании будет долгое время стоять на очереди и являться, по существу, для громадного большинства молодежи основным способом получения знаний, а необходимость этих знаний молодежь чрезвычайно остро чувствует, и ей надо их получить.

Одно из орудий для получения знаний, но орудие очень существенное, это—умение пользоваться книгой, и тут надо знать, как надо читать, как выбирать материал, который надо прочесть, как с ним справиться, как овладеть им. Все эти вопросы имеют чрезвычайно большое значение.

Мне приходится просматривать очень много американской литературы, и что бросается в глаза, так это то, что там чрезвычайно развита литература, которая говорит о том, как надо заниматься. Там в школе II ступени детей с 11—12 лет учат, как надо самостоятельно заниматься и работать с книгой. Существует целая богатая литература в этом отношении. У нас, к сожалению, этого нет. В наших школах учитель учит, ученики без него не умеют заниматься. Правда, делаются кое-какие интересные попытки для развития самодеятельности, но такого умения пользоваться книгой, которое дает американская школа, —наши школы, ни фабзавуча, ни другие, не дают. Надо взять все существенное в этом отношении из американской литературы, переработать под своим углом зрения и использовать широчайшим образом. Сейчас трудно заниматься самообразованием, потому что у нас отсутствует организация, которая помогла бы этому образованию, во-первых, и, во-вторых, отсутствуют пособия и учебники. Во Франции, например, есть словарь энциклопедический—Ля-Руссо—небольшой и общедоступный, где вы найдете все даты исторических событий, всевозможные

справки по всем отраслям знаний. У нас есть энциклопедический словарь, например, Граната,—томы его занимают целые полки, но он мало доступен, слишком громоздок, слишком ученен. Необходим маленький ручной словарь для работы. Нужен также список всяких книг. Необходим ряд пособий для того, чтобы облегчить занятия тому, кто хочет заниматься.

Кроме того, необходима организация самообразования, необходимо, чтобы государственные органы пришли на помощь тем, кто хочет заниматься самообразованием.

Остановлюсь прежде всего на таком вопросе: на выборе изучаемого материала. Конечно, нельзя все изучить, что есть. Библиотека наполнена книгами, в которых отражается человеческий опыт, накопленный за много веков. Специалисту надо изучить свою определенную область знаний очень детально. Но рядовому человеку надо взять из этого необ'ятного моря знаний те знания, которые нужны для жизни, которые помогают ему организовать собственную жизнь, собственный труд, организовать свои отношения с другими людьми. Поэтому надо знать, что выбрать из этих знаний, что нужно знать тому, кто берется за знания, для его целей. Конечно, цели эти могут быть весьма различны. Мы говорим о самообразовании, цель его—приобретение известного круга знаний, которые помогают ориентироваться в текущих событиях, ориентироваться в окружающем. И вот, останавливаясь на вопросе о знаниях, которые необходимо почерпнуть из книг, мы видим, что первый основной вопрос, который необходимо уяснить себе каждому, занимающемуся самообразованием, это понимание общественной жизни, понимание взаимоотношений разных элементов, из которых складывается общественная жизнь.

Откуда берется у людей та или иная идеология, определенные взгляды, убеждения, на какой почве они вырастают, откуда берутся? Что такое общественные классы? Или, например, каково взаимоотношение между политикой и экономикой?

Если этих вопросов не понять, если не понять хитрой механики капиталистического строя, то мы не уясним себе и того, как нам, коммунистам, надо строить коммунистическое общество. И этот вопрос, вопрос об элементах, из которых общественная жизнь складывается, и о взаимоотношениях этих эле-

ментов один из самых основных вопросов, ответ на который следует искать и можно найти в книгах.

Другой вопрос—это чрезвычайно важный вопрос о том, куда идет общественное развитие. Мы можем прекрасно понимать взаимоотношение разных элементов, структуры современного общества, но мы можем совершенно не понимать другой вещи, как это общество развивается, а это чрезвычайно важно. Если мы можем понять и уловить законы, по которым это общество развивается, то мы тогда поймем другую вещь, мы поймем, что это общественное развитие неизбежно упирается в коммунистический строй. А иметь такое убеждение чрезвычайно важно, потому что какие бы в борьбе за коммунизм ни приходилось неудачи терпеть, какие бы тяжелые времена ни были, сознание неизбежности коммунизма дает необыкновенную бодрость, необыкновенную устойчивость Если не осознано, не понято, куда идет общественное развитие, то бывает нередко так: хорошо идет дело—люди примыкают к коммунизму, а затем настает трудное время, разгром организации, как это было в прежние времена, складываются чрезвычайно тяжелые условия, и если нет этого сознания, нет понимания законов развития общественных отношений, нет понимания того, куда идет общественное развитие, то у многих наступает упадочное настроение, желание уйти от партии, людям начинает казаться, что все то, за что они боролись, в сущности, бесполезно и не может привести ни к какому концу. Поэтому понимание сущности общественного развития является чрезвычайно важным.

Дальше еще вопрос, о каком мы уже упоминали ранее—это роль личности в истории, роль отдельного человека в общественной жизни. Мы знаем, что человек—продукт окружающих условий, мы знаем, что внешние условия на него влияют, на весь его характер, на образ его мыслей—это мы можем узнать из книг, но встает вопрос, что он сам может сделать для того, чтобы переорганизовать жизнь. Это область чрезвычайно важных вопросов. Тут, конечно, марксисту надо осознать ясно, что отдельная личность, взятая отдельно вне того класса, в котором она существует, имеет чрезвычайно небольшое значение. Какой бы гениальный человек ни был, раз он является одиночкой, раз он не связан с определенным классом, он чрезвычайно мало значит. Но раз человек осознает

себя, как члена определенного класса и с этим классом идет нога в ногу, если он связывает себя с классом передовым, с тем классом, который имеет будущее, на котором лежит великая миссия освобождения человечества, то тогда он делается определенной силой, и сила его, как личности, возрастает.

И вот эти все вопросы, вопросы, имеющие отношение к тому, что может отдельный человек сделать для изменения существующего строя, эти вопросы, в той или другой форме, обыкновенно занимают и современную молодежь, как занимали эти вопросы молодежь прежних времен. И вот на них и должна дать ответ книга.

Я сейчас говорю это о вопросах, которые касаются общественной жизни.

Но есть целый ряд других вопросов, чрезвычайно важных. Это вопросы, касающиеся природы. Их точно так же необходимо изучить человеку. В былые времена, я помню, я занималась в вечерней воскресной школе в течение пяти лет, и мне очень много приходилось с рабочими говорить по поводу очень многих вопросов. Устраивали мы выдачи книг и по поводу книг разговаривали. И вот я помню такую сцену. Была там у нас библиотека. Как-то я прихожу и вижу—сидит там почтальон. Этот почтальон брал в библиотечке только новый и ветхий завет, а тут он сходил на экскурсию и на экскурсии ему наглядно показали, как гусеница окрашивается под цвет листа. И вот сидит этот почтальон и начинает вслух разговаривать.—Вот,—говорит,—видел собственными глазами, как гусеница под цвет листка окрашивается. Значит то, что говорят ученые, правильно и поэтому правильно и то, что они говорят, что и бога нет.

Так вот естествознание сыграло здесь чрезвычайно большую революционизирующую роль. Естествознание имеет значение и для того, чтобы осветить человеку взаимоотношения с природой. Изучение законов природы чрезвычайно важно для того, чтобы человек, занимающийся самообразованием, нашел ответы на ряд вопросов, которые его занимают. Как земля произошла, каково прошлое этой земли, как возникла жизнь на земле, как изменялись животныя и растения, происхождение видов и происхождение человека. Все это, конечно, не в догматическом виде нужно воспринимать, не как простое утверждение. Опять-таки сошлюсь на свой опыт в школе. Как-то я

с большим азартом рассказывала о вращении земли. И вот один из учеников говорит: „так-то оно так, а вот вы нам расскажите, как это узнали". Вот в этом-то вопросе, в том, как узнали, тут-то и лежит вся суть. Мало того, чтобы рассказать, как это было, но нужно и знать, как это узнали.

Когда человеку раз'ясняют при помощи инструментов, при помощи целого ряда опытов, когда показывают, путем каких умозаключений приходят к познанию того, что было много лет тому назад, то все его мировоззрение получает совершенно другую окраску. Вот почему так важны эти вопросы.

Теперь вошло в моду говорить: сейчас книга нужна для работы. Конечно, книга нужна для работы, книга есть орудие труда. Можно по книге и чертеж составить и узнать математические истины, которые необходимы для работы, можно ознакомиться с массой законов природы, которые необходимо изучить, и вот в этом смысле, конечно, книга является орудием труда. Но те, которые говорят, что книга есть орудие труда, часто к этой мысли прибавляют: она никоим образом не должна служить для выработки мировоззрения. А из каких элементов слагается мировоззрение. Это значит—сознательное отношение к жизни и окружающей природе. И чем сознательнее, чем яснее будет понимание того, как человек относится к природе и к общественной жизни, тем больше власти будет у человека и над природой, и над событиями. И поэтому совершенно пустые разговоры, что выработка созерцания есть что-то такое, совершенно не соответствующее духу времени. Заботиться о том, чтобы выяснить все эти вопросы, чрезвычайно важно для всякого, потому что чрезвычайно важно знать, по каким законам развивается и природа, и общество. Марксисты (и коммунисты, конечно, как марксисты) всегда указывают на необходимость изучить эти законы. Экономический материализм—это есть определенное освещение нашего отношения к общественным событиям. Так что разговоры о том, что не надо вырабатывать мировоззрения—это пустая фраза, которая стоит в резком противоречии с марксистским пониманием этого вопроса. Это,—что касается выбора материала.

Затем надо подойти к вопросу о том, как изучать необходимый материал. Это, конечно, тоже чрезвычайно важный вопрос. С чего начать? Надо, конечно, выбрать тот предмет, начать с того, что возбуждает больше всего интерес. Брать

надо посильную книгу. Если слабо грамотный берется за Маркса и старается его преодолеть, это будет невероятнейшей тратой сил и энергии, потому что, пока он техникой чтения не владеет, пока не знает начальных основ математики, он не справится с этой книгой. Так что надо выбирать посильную книгу, а из посильных книг выбирать то, что интересует, если этот интерес достаточно широк. Интересовать могут, например, шляпки. Конечно, такой вопрос нельзя положить в основу организации всех своих знаний. Но если этот интерес достаточно широк, если один интересуется, скажем, естествознанием, другой организацией рабочей жизни, каждому надо взять и начать читать с того предмета, который больше всего интересует. Дело в том, что усвоить читаемое человек может только тогда, когда достаточно у него развит интерес к этому вопросу. Иначе ему нужно постоянно себя одергивать, постоянно возбуждать, принуждать к сосредотачиванию внимания. Все, кто учился в школе учебы, прекрасно знают, как трудно сидеть на уроке, как трудно сосредоточиться, когда дело касается неинтересного вопроса. И тот же самый ученик, который не мог совершенно слушать учителя в классе, который говорил о неинтересующем вопросе, тот же ученик может больше часа, не отрываясь, слушать какого-нибудь оратора, если этот оратор говорит о тех вопросах, которые его интересуют. Так что, если человек, занимающийся самообразованием, читает то, что для него является интересным, ему не нужно себя принуждать, одергивать, следить за собой, чтобы мысль не убегала в другую сторону. Он может сосредоточиться на этом вопросе, а затем уже около этого вопроса надо организовать все остальные знания. Прочтет, скажем, начинающий читатель определенную книгу, подумает над ней. Окажутся вопросы, которые его интересуют и которые он не совсем в этой книжке понял. Является, значит, потребность почитать еще по какому-нибудь вопросу. Он прочитывает об этом вопросе, а являются новые и новые ,и таким образом у него получается круг знаний, который весь организуется около основного, наиболее интересующего его вопроса. Поэтому, например, когда будет читать молодежь деревенская и когда будет читать городская молодежь, — у тех и других разные интересы, внимание направлено на разные предметы, и хотя при организации материала и та, и другая молодежь может быть из

книг узнает одно и то же, но разный будет подход к знанию. Между прочим и в наших школах всякого рода, даже включая и совпартшколы, часто упускается из виду необходимость организовать материал около того вопроса, который наиболее интересует слушателей, и поэтому получается так: приходит ли из деревни человек, приходит ли с завода—к нему одинаково подходят. Между тем, подход должен быть совершенно разный, и от того, как подходить, зависит успех, зависит, насколько человек может сосредоточиться, может внимательно отнестись к вопросу. Без этого получается напрасная трата сил и энергии. На этой растрате сил и энергии нам несколько придется остановиться. Деловые американцы ко всякому вопросу подходят с этой точки зрения,—как сделать дело так, чтобы затратить как можно меньше энергии и как можно меньше времени. Между тем, у нас как раз идет неимоверная растрата сил и энергии, да это и вполне понятно. При старом режиме мы вовсе не привыкли никак организовывать нашу жизнь. Мы совершенно зря затрачивали часто энергию, силу и время. Когда какой-нибудь неопытный рабочий начинает работать, он делает массу ненужных движений, растрачивает дорогие силу и энергию. Точно так же и в общественной жизни и общественной организации в первое время, когда нужно подойти к какому-нибудь новому вопросу, люди делают много чрезвычайно излишней и ненужной работы. В области самообразования то же самое. Мало того, чтобы взяться за самообразование и правильно подойти к этому, нужно еще учесть, как овладеть знаниями с наименьшей затратой сил и энергии. Если мы будем говорить применительно к рабочей молодежи, то рабочая молодежь в большинстве случаев не получила систематического образования, не получила образования в школе, которое дало бы ей необходимые основы. Обыкновенно она получает из разных источников очень случайный материал, и вот временем дорожить надо, потому что сейчас такое время, когда знание необходимо; необходимо организовать общественную жизнь; необходимо учиться работать физически и умственно, и надо беречь время, беречь силы. Сейчас меня поразило, когда я перечитывала отчет Свердловского университета (да, я часто говорила об этом свердловцам и в прошлом, и в позапрошлом году), до чего растрачиваются силы, и в результате 50% туберкулезных, случаи сумасшествия и т. д.

Отчего это происходит? Средства даются больше, чем куда бы то ни было, на совпартшколы. Так что с теми средствами, которые есть, можно было организовать жизнь по-человечески, а не организовать жизнь кое-как; ведь ученических прав самых элементарных не соблюдают.

А потом занятия. Берутся за чрезвычайно трудные задачи, которые трудно разрешать молодежи, но об организации занятий, об организации труда, совершенно нет разговоров, и поэтому нужные силы, нужная энергия пропадает и тратится даром. И вот, с точки зрения сохранения энергии, чрезвычайно важно, как подойти к работе. Я говорю по поводу того, как важно начинать с интересующих предметов и около них организовать знания.

Важно также подходить определенным образом к книге. Мы берем книгу, перескакиваем с одной страницы на другую, поглядим немножко еще и считаем, что прочли книгу. От такого чтения не будет много толку, нужно научиться читать книги, научиться отдавать отчет в том, что прочли, чтобы картина, план были ясны. Возьмем полемику. Иногда ее интересно читать, она оживляет, но в полемике можно наблюдать такую вещь, что человек спорит неизвестно против чего и приписывает своему противнику мысль, которой тот не говорил. Точно так же в спорах устных, в беседах, часто ужасно много времени тратится на разговоры не по сути дела. Самое производительное чтение это то, когда ясно отдаешь себе отчет в том, что хотел автор, когда не приписываешь ему чужих мыслей, а берешь вещи, как они есть. Это не значит, что нужно слово в слово запоминать,—нет, нужно выделить самую суть. Значит, первое—это усвоить мысль автора, а второе—отдать себе отчет, проследить ход мысли автора, развитие ее, продумать, так ли рассуждает автор, пробовать подойти к вопросу по-другому.

При изучении материала точно так же важно делать определенные заметки. Конечно, нужно выписывать не все под ряд. Неопытному человеку понравилась какая-нибудь страница, и он целиком ее переписывает; потом набирается целая тетрадь, разбухает, концов автор найти не может. Так что нужно знать, как выписывать. Нужно выписывать определенные цифры, даты, отдельные факты и расположить их таким образом при записи, чтобы сразу можно было найти, что записано, а не рыться

потом в тетрадке, разбираться в которой труднее, чем в книге. Конечно, иногда бывает так, что надо изучить данные книги для определенной цели. Например, изучается книжка для полемики. Тогда нужна цитата, чтобы ее привести и т д. Но обычно надо записывать лишь самое необходимое, если не преследуется другой какой цели.

Затем, когда прочел книжку, надо привыкать давать себе отчет, что же книжка дала, в чем она была полезна, есть ли в ней что-нибудь такое, что расширило бы горизонты, или эта книжка дала чрезвычайно мало.

Вот относительно выбора книг—тут надо сказать, что для самообразования надо иметь всякие рекомендательные каталоги, не такие каталоги, которых у нас сейчас много, где перечисляются книги без всякой перспективы, без всякого указания на трудность той или иной книги. Даются только сведения о книге, а потом выбирай, как знаешь, а где и что взять—начинающие не знают. Надо составить другого рода каталог, который указывает, что это за книжка, годится ли для начала, а потом по такому-то вопросу, на такой-то странице можно прочитать то-то и то-то. Если мы просмотрим иностранную литературу, мы увидим, как разработан этот вопрос, например, в американской школе. Там определенно указывается, что на такой-то странице надо прочитать в таком-то учебнике. Я не говорю о содержании преподавания, — проходят в американской школе весьма буржуазные вещи и часто вещи совершенно ненужные, как, например, когда какие походы были и т. д. Но техника чрезвычайно хорошо разработана, все обдумано и так организовано, чтобы не затрачивать излишней энергии. Вот и нам надо разработать такого же рода указатель, чтобы облегчить возможность самообразования.

Затем надо сказать, что хотя книги имеют громадное значение, но это не единственный источник, из которого черпается самообразование. Надо учиться не только из книг, но и у жизни. Например, не плохо завести такую манеру—разговаривать с человеком по его специальности. Вы говорите с психологом; конечно, самое интересное, если вы с этим психологом заведете разговор о психологии. Если вы говорите с каким-нибудь врачом, вы и от него можете выудить определенные знания, и он вам по своей отрасли сумеет рассказать чрезвычайно много ценного. Каждого рабочего, с которым вы встре-

частесь, вы можете расспросить про его профессию, про условия его жизни, его работы. Если вы будете так подходить к каждому человеку, то вы таким образом расширите свое самообразование.

Есть еще масса других путей; так, например, экскурсии имеют громадное значение, но только в том случае, если они хорошо подготовлены, а не выражаются в простом времяпровождении и просто в увеселительной прогулке. Необходимо издать ряд путеводителей, которыми можно пользоваться при экскурсиях. Сейчас у нас в обработку дан ряд книг, которые указывают, на какой фабрике что надо смотреть: что надо смотреть на текстильной фабрике, что надо смотреть на металлообрабатывающем заводе, одним словом, такого рода экскурсии прорабатываются, и через все это можно подойти к этому вопросу. Надо научиться наблюдать жизнь и стараться из нее точно так же черпать все, что возможно.

Теперь я остановлюсь на ряде указаний, которые могут показаться мелочью, но тем не менее имеют большое значение. Начну с вопроса, как надо правильно распределять свое время.

Надо заниматься с утра. Каждый знает это из опыта. Правда, есть неврастеники, которые с утра не могут ничего делать, но я думаю, что среди вас нет публики, которая была бы настолько изнервничавшейся, чтобы по утрам не могла заниматься. Для здорового человека утренние занятия—самые лучшие, потому что впечатления прошлого дня уже притупились, поблекнели, и они не мешают работе.

Но кроме утренних занятий надо всегда уметь выиграть время, а мы его всегда безбожно теряем в пустых разговорах, в перебалтывании, не всегда во-время за работу беремся, не намечаем плана работы, без плана живем. Непроизводительная трата времени это—отличительная российская черта. Европейцы привыкли с утра вставать и заниматься Известный писатель Золя вставал в 6 часов утра и занимался. Даже поэты пишут у них стихи по утрам, что противоречит всем нашим представлениям о поэтах.

Всматриваясь в жизнь, как она организована, каждый увидит, что пропадает масса энергии, времени и сил. Если кто действительно хочет достигнуть многого в жизни, то должен учиться правильно распределять свое время. Есть такая книжка Сергеенко „Описание жизни Толстого“. Там описано, как

работал Толстой. Толстой строго распределял время, вставал в определенные часы, определенное число часов уделял на записывание, определенное число часов на общение с людьми, на разговоры и на чтение. Если вы возьмете любого работника в какой угодно области, вы увидите, что многого достигнуть удается тому, кто умеет распределять время.

Затем еще такая же азбучная истина: надо себя ставить в благоприятные условия для занятий. Кто этого не знает? И опять-таки, когда смотришь на американскую работу, то видишь, что там этот вопрос детально разбирается и обсуждается. Когда садишься заниматься, перед этим надо проветрить хорошенько комнату, чтобы не было накурено, не было надышано, потому что когда чистый воздух, тогда правильно функционирует сердце, к мозгу правильно притекает кровь, и поэтому правильно идет и работа. Открыть форточку, обыкновенно, каждому из нас не очень трудно. Но кто из нас обращает внимание на эти мелочи, а между тем, я думаю, каждый из вас помнит, что говорил т. Троцкий—„внимание к мелочам". И одна из таких мелочей—это открыть во-время форточку. Затем большинство из вас живет в таких условиях, в которых постоянно мешает кто-нибудь, приходится жить по несколько человек в комнате. В этом случае нужно приучить себя работать в библиотеке. Это опять-таки совершенно не в российских нравах. Это в американских нравах, в швейцарских нравах. А у нас, кто книгами владел? Капиталист, помещик. Им на что библиотека? Купил книжку, у себя дома с комфортом прочел. Но сейчас особенно, когда книжки не раздаются направо и налево, когда их надо покупать и когда большинство рабочей молодежи не может покупать и получить их в собственность, надо научиться пользоваться библиотекой. Молодежи надо обратить внимание на правильную организацию этих библиотек. Но для каждого самое нормальное—часть занятий, по крайней мере, перенести в библиотеку. Затем еще такая вещь. При чтении книги необходимо, чтобы некоторые навыки стали автоматичны. Например, надо развить в себе привычку быстро про себя читать. Без этого и работа не в работу будет. Это кажется тоже истиной, не требующей доказательств, а между тем это плохо усваивается. И вот надо не только много и быстро читать, надо выработать привычку делать записи, по определенной системе работать.

Система имеет громаднейшее значение при работе. При определенной системе можно и наблюдать совершенно иначе. Если к книжке подходить с определенной системой, это совершенно иначе получится. Рассказывают, что Наполеон при осмотре полка замечал, если у кого из солдат оторвана пуговица. Перед этим офицеры потели в своих полках, смотрели—и ничего не видели, а Наполеон замечал потому, что у него была определенная система осмотра, и, благодаря этой системе, он замечал мелочи. В разных областях—разная система: у ботаника, например, своя система. Он смотрит на цветок и сразу видит, как части растения расположены, как устроен плод, как устроены тычинки. Художник—у него своя система и потому он не заметит тех тычинок, которые заметит ботаник, а заметит другое: красоту форм, сочетание красок, освещение и т. д. Так что чрезвычайно важно, чтобы человек выработал известную систему подхода. Надо, чтобы эта система подхода обратилась в механическую.

Затем относительно распределения работы. Тут, конечно, довольно трудный вопрос для занимающегося самообразованием, потому что для того, чтобы распределить работу, надо охватить ее целиком. И тут особые преимущества у школы над самообразованием, потому что в школе знающий человек-лектор, преподаватель, он охватывает предмет в целом и затем уже определяет, как надо разделить вопросы. Сейчас, например, в американских и английских школах проводится одна очень интересная система, которая у нас особенно могла бы иметь значение для школ фабзавуча, где ребята поступают с очень разнообразными знаниями. Это—система Дальтона. Она заключается в том, что лекционная система сводится нанет, а с каждым учеником, начиная с 11-летнего возраста, заключается контракт, что он должен пройти такие-то предметы. В классе учитель дает общие перспективы работы, затем он разбивает работу на части, указывает пособия, ученику выдается месячная карточка, указывающая, что в первую неделю надо сделать то-то, во-вторую—то-то, в третью—то-то, а для выполнения этих нарядов ученик сам может располагать своим временем. Конечно, если применить эту систему, она даст громадные навыки в смысле распределения работы. Опытные, толковые учителя не просто дают ученику книги в руки, а разделяют книгу на ряд частей, уроков, даются указания,

что еще надо прочесть, и т. п.; занимающемуся самообразованием чрезвычайно трудно охватить изучаемый предмет в целом,—он ведь только приступает к изучению его, и поэтому необходим здесь ряд пособий, которые бы в этом отношении помогли и указывали, как надо распределять работу. Нужно вырабатывать в себе привычку подходить каждый раз к работе с определенным планом, подумать, как эту задачу распределить, и эту привычку необходимо в себе вырабатывать.

Я остановлюсь на ряде пособий. Конечно, необходим политический словарь. Главполитпросвет выпустил такой словарь в исправленном виде, и это одно из самых необходимых пособий. Затем я говорила уже о маленьком энциклопедическом словаре. Затем необходим ряд списков с точным указанием, в каком порядке читать литературу и, главное, что какая книжка может дать, что можно из нее извлечь. Затем надо дать целый ряд распределений, планов работы, которые можно было бы занимающемуся самообразованием использовать. Необходимы всякого рода указатели, дающие указания, как подходить к работе. Я думаю, что сейчас работа по составлению пособий в главной своей части должкна лечь на Главполитпросвет. Сейчас вообще в нашей литературе такого рода пособий чрезвычайно мало. Они должны быть разработаны, и прямое дело заняться этим вопросом Главполитпросвету. Сделает ли он это или не сделает—это покажет будущее. Но, во всяком случае, в свою задачу он это ставит. Кроме выработки всякого рода таких пособий, необходимо также, чтобы все дело самообразования было организовано. И вот в этом отношении, я думаю, надо обратить внимание на то, чтобы в каждом губполитпросвете был выделен партийный человек, который давал бы обращающимся к нему с вопросом о самообразовании определенные указания и советы, не только отдельным лицам, а кружкам, потому что кружки должны вести самообразовательную работу. Как провести эту работу—является вопросом чрезвычайной важности. Все вопросы, касающиеся самообразования, должны также входить в работу губполитпросвета, уполитпросвета, там должны быть выделены или ячейки, или отдельные лица, которые бы специально этим вопросом занялись.

Вопрос о самообразовании сейчас чрезвычайно важный вопрос; на него нужно обратить сугубое внимание. То, что я

говорила, это имело целью лишь обратить внимание на то, что это дело должно быть организовано, как можно лучше.

Ответы на записки.

„Как работает над собой т. Ленин". У Владимира Ильича масса тетрадок со всевозможными выписками. Работает он очень много. Сейчас присылают наши старые архивы, там—видимо-невидимо всяких записок, конспектов, заметок Владимира Ильича. Про своего казненного брата, который был естественником, он рассказывает, что последнее лето тот вставал в три часа утра для того, чтобы использовать весь дневной свет, который необходим ему был для работы с микроскопом. Он не терял ни одного дня и использовывал максимум света для своих исследований. То же упорство в работе было и в работе Владимира Ильича.

„Точное распределение времени может превратить человека в машину."—Не думаю. Смотря по тому, как распределять время. Ведь каждая работа требует определенного времени. Нужно уметь разумно его распределить. Человек всегда распределяет время: на умывание, на разговоры, на то, чтобы пойти на собрание и т д. Но вопрос в том, чтобы распределять время разумно и целесообразно, а целесообразное распределение времени сохраняет силу и энергию и как раз делает меньше всего человека машиной. Выработка определенных навыков, обычаев делает их автоматическими, таким образом освобождает ум человека для другой работы.

„Как поступать в таких случаях, если утром нужно работать, а вечером учиться".—Конечно, если такая необходимость есть, то тут ничего не поделаешь. Надо передохнуть после работы и после отдыха начать заниматься. Часто бывает так, что на службу надо итти к 11-и часам, так что до 11-и часов можно кусочек времени оторвать.

„Как сочетать работу и учение, это ставит в условия напряжение силы и энергии".—Вообще напрягать силу и энергию необходимо, без этого ничего не добьешься, но нужно напрягать целесообразно. Во-первых, надо знать меру, не перебарщивать, не перенапрягать сил. Это нецелесообразно, в каждом отдельном случае надо взвесить и посмотреть, как лучше сделать. Рабочая молодежь находится в худших условиях само-

образования, чем интеллигентская молодежь, которая не вынуждена работать, у которой больше свободного времени. Тем строже надо ей распределить свое время, если она хочет чего-нибудь добиться.

„Не предпочтительнее ли вместо единоличного самообразования организовать кружки самообразования."—Да, конечно, кружок имеет большое преимущество в смысле интересов, разговоров, обсуждения вопросов,—в этом отношении кружок дает толчок мысли, импульс, возбуждает интерес. Многие в одиночку совершенно не умеют заниматься, а занимаются в кружке, где сначала предварительно обсуждается вопрос, и в кружках они гораздо плодотворнее могут работать. В настоящее время есть уже много общественно-сложившейся молодежи, которая гораздо лучше работает на народе, чем в одиночку. Но нужно смотреть, чтобы кружок действительно работал. В кружке еще то преимущество, что там возможно разделение труда. Я помню один кружок, где каждому давалась книжка, а потом в кружке каждый излагал содержание, при чем из этого изложения получалась определенная картина, и вместо того, чтобы прочитать 10 книг, можно было, присутствуя на таком собрании, сохранить время. Но тогда необходимо, чтобы была правильно организована работа кружка, чтобы правильно было распределение труда, чтобы часть работы выполнялась самостоятельно, потому что некоторые вещи необходимо продумать в одиночку. Необходимо, чтобы план работы был выработан, чтобы не бросались с одного предмета на другой.

Необходимо определить роль книги в деле образования, как вспомогательного средства, чтобы наши комсомольцы не обращались в книжников.

Я думаю, что особенно бояться этого не приходится. Дело в том, что свободного времени будет не так много. Молодость свое берет, и потребность отнестись активно к окружающему у громадного большинства есть. Это свойство молодости. Я думаю, что большинство из комсомольцев является людьми чрезвычайно активными, которые в силу своего темперамента и возраста будут стремиться свои знания приложить к жизни. Эти знания они будут собирать для организации жизни и потом претворять их в жизнь. Я думаю, что особой опасности здесь нет. Как раз я говорила о том, что из области знаний надо выбирать те знания, которые важны для жизни.

Теперь последняя записка: „Каковы должны быть организационные формы постановки самообразования, каким образом достигнуть правильного выбора книг по указанным вопросам самообразования".

Я уже говорила о пособиях, которые могут помочь выбирать книгу, а затем руководствоваться надо определенным интересом. Вдумчивое отношение приводит к тому, что каждая книга будет выдвигать новые и новые вопросы.

Конечно, и в этом деле, как и во всяком другом, нужна широкая взаимопомощь. Каждый из комсомольцев должен сознавать, что раз у него есть определенные знания, он должен этими знаниями делиться с товарищами и помогать более слабым. Это, по-моему, одно из условий успеха работы комсомольцев. Надо определенным группам соединиться, и более сильные товарищи должны помочь более слабым.

Заключительное слово.

Товарищи, я, конечно, сознаю, что очень многих вопросов не коснулась в брошюре, но писалась оно наскоро.

Из того, что товарищи говорили здесь, очень много верного и можно связать это с теми основными положениями, о которых я говорила. Например, указывалось на важность коллективной работы. Я говорила, что надо, чтобы был определенный интерес, который дал бы импульс, толчок к тому, чтобы начать читать и в определенной области,—и это совершенно согласуется с тем, что товарищи указывают, что необходимо сначала коллективно обсудить вопрос, разжечь к нему интерес. Это совершенно верно. А что коллективная работа имеет чрезвычайно важное значение, что ее можно систематически поставить,—это совершенно правильно. Тут один товарищ рассказывал, как ведется работа в кружках. Он говорил о том, как руководитель должен ее вести, а я имела в виду кружки, которые работают без руководителя. Нужно сказать, что такие кружки не могут рассчитывать на то, чтобы в каждом из них был определенный руководитель: просто более знающий товарищ может помогать менее знающему, а не особо выделяемый руководитель.

ИЗУЧАЙТЕ МАРКСИЗМ *)

Товарищи, я хочу только на некоторых вопросах остановиться, которые мне кажутся особенно важными, которые необходимо подчеркивать, когда речь идет о ленинском воспитании. Через все речи Владимира Ильича, через все его статьи проходит красной нитью ненависть ко всякому угнетению и ко всякой эксплоатации. Конечно, всякий скажет, что ленинец должен быть заражен этой ненавистью к эксплоатации, ненавистью к угнетению. Вопрос о том, как бороться с этим угнетением и эксплоатацией? Если мы посмотрим, как подходят к этому вопросу анархисты, то мы увидим, что они подходят к вопросу об эксплоатации и угнетении огульно, они не предлагают конкретных мер для борьбы с той или иной формой эксплоатации и предлагают огульно уничтожить тот порядок, который создает эксплоатацию и угнетение, не вникая в причины существования их и не продумывая того, как эти причины уничтожить.

Если мы посмотрим, как подходил к этому вопросу Владимир Ильич, мы увидим, что он тщательно изучал каждую форму эксплоатации, например, эксплоатации на фабриках и заводах. Он не ограничивался тут общими формами, а изучал тщательно все формы этой эксплоатации. Мы знаем, что у него есть такие брошюрки, как брошюрка о штрафах, брошюрка о законе второго июня, где детально разбирается, в какие именно формы выливается эксплоатация.

Как подходил Владимир Ильич к вопросу о крестьянстве, как он его ставил, как освещал эксплоатацию помещиками крестьян? Он подходил, брал этот вопрос в его развитии, начиная с момента освобождения крестьян, рассматривал, как это

*) Доклад на пленуме ЦК РЛКСМ 15 сентября 1924 г.

освобождение крестьян было проведено, как помещики получили всевозможного рода отрезки от той земли, которой раньше крестьяне пользовались и как при помощи этих отрезков они кабалили крестьян. Изучая речи и статьи В. И., вы увидите, как детально, как до мелочей подробно разбирал он все вопросы эксплоатации и угнетения. Эксплоатация капиталистов, эксплоатация помещиками крестьян, национальный гнет, все эти вопросы основательно изучал, брал их в развитии и самое существенное выделял, чтобы видеть, против чего именно надо бороться и как бороться. Это кажется весьма естественным и очень простым. И, конечно, каждый ленинец скажет, что он не только ненавидит гнет и эксплоатацию, но что он знает также те формы, в которых гнет и эксплоатация проявляются.

Но, товарищи, надо помнить следующее. Мы сейчас живем уже не в капиталистическом строе, а в строе, который представляет переход от капиталистического строя к социализму, переход на основе, на базе мало развитой промышленности, мелкого крестьянского хозяйства. Конечно, нельзя думать, что в этот переходный строй не будет уже никакой эксплоатации. Правда, многие старые формы эксплоатации, благодаря революции, благодаря тому громадному социальному сдвигу, который произошел, отошли в прошлое, но нельзя думать, чтобы теперь уже не было никакой эксплоатации и не было никакого угнетения. Но эта эксплоатация и угнетение приобрели теперь новые формы, правда, органически связанные со старыми, но все же носящими несколько другой характер. И вот тут, товарищи, большая опасность, что ненависть, направленная против старых форм эксплоатации, не будет иметь для себя об'екта потому, что старое отжило. А новых форм эксплоатации и угнетения можно и не заметить, если не смотреть, не уметь вглядываться в жизнь, не уметь смотреть, что кругом делается. Теперь, конечно, тех форм, которые были раньше, мне кажется, уже нет. Нет такой наглой эксплоатации рабочих, которая была раньше. Уничтожена помещичья собственность и хотя она местами и возрождается, но в общем и целом старые формы уже отжили. Но тем внимательнее надо смотреть кругом себя, чтобы заметить всякую новую зарождающуюся форму эксплоатации. Это не так просто, как кажется.

Теперь пока мы еще близки к старому капиталистическому строю, но чем дальше, тем сложнее будут все эти вопросы,

и надо остерегаться того, чтобы не впадать в общие фразы, а детально всматриваться в формы, детально изучать их. Уже и теперь сказывается недостаток этого внимательного и систематического изучения. Уже теперь слишком в общих формах часто мы говорим об эксплоатации и угнетении. Вот ленинец и должен внимательно изучать все те новые формы, которые будут чем дальше, тем сложнее. Трудность еще в том, что сейчас общественное развитие идет чрезвычайно быстрым темпом, чрезвычайно быстро меняется окружающая обстановка, и надо постоянно иметь перед глазами эти изменения, изучать формы эксплоатации в их изменяющихся формах.

Это вопрос очень сложный и поэтому для того, чтобы умело подойти к нему, надо быть вооруженным теорией. Недавно разговаривала с товарищами из Комсомола и спрашивала их, какие кружки у них существуют. Кружки по политграмоте есть, затем есть кружки по ленинизму, это все есть, но вот выходило так, что по марксизму кружков как будто нет. А если мы хотим понять ленинизм, то мы прежде всего должны вооружиться марксизмом. Ленин был марксист. Он был учеником Маркса. Тщательно изучал все произведения Маркса и Энгельса, постоянно возвращался к ним, не то, что раз когда-то прочитал, а постоянно возвращался к чтению произведений Маркса и Энгельса, он постоянно черпал в них новые и новые подходы к жизни, вдумывался в каждое их слово. Маркс изучал те законы, на основании которых развивается человеческое общество, он осветил эти законы. Когда мы говорим о явлениях природы, всякому ясно, что тут необходимо знать природу—законы химических явлений, физических явлений, и по мере того как люди больше и больше улавливают, изучают эти законы, получают они все большую власть над природой. Изучать законы природы для того, чтобы одолевать природу—это настолько общее место, что не приходится об этом и говорить. Но то же самое относится и к жизни человеческого общества. Общество развивается на основании определенных законов. Есть определенная связь явлений, есть определенный закон развития. Чтобы овладеть движением, чтобы направить революционное движение в настоящее русло, чтобы добиться победы,—для этого необходимо знать все те законы, на основании которых развивается чело

веческое общество. Владимир Ильич говорил о необходимости научиться понимать „революционную диалектику“ Маркса. Маркс показал, как развивается явление, как в каждом развивающемся явлении есть зародыш, ростки новых форм жизни, как эти новые формы уничтожают старые,—вот почему Владимир Ильич в речи, которую он говорил на III Всероссийском с'езде молодежи, предостерегал ее от увлечений лозунгами. Он считал, что не столько важны отдельно взятые лозунги, как изучение явлений в их связи. Свою революционную диалектику Маркс применил к тому периоду человеческого развития, который носит название капиталистического развития. Он показал, как возникло капиталистическое общество, как оно развивалось, как внутри этого капиталистического общества сложились те силы, которые должны стать могильщиком капиталистического строя. Он показал, как рабочий класс рос, как развивался. Маркс указал на революционную цель, которая стоит перед рабочим классом, и на ту историческую роль, которую рабочий класс играет. Вот понимание цели рабочего класса, понимание взаимоотношения явлений и их развития; вот что составляет сущность марксизма. И надо вооружиться теорией марксизма, чтобы ясно понимать то, что кругом происходит, понимать быстро развивающиеся события. В прежнее время марксистами называли себя часто люди, которые не понимали этой революционной диалектики марксизма. Они считали, что достаточно прочесть Маркса и согласиться с его выводами и что это дает уже право назвать себя марксистом. Но Владимир Ильич не так смотрел на то, чем должен быть марксист. Он считал, что марксизм—руководство к действию, и потому революционное учение Маркса он приложил к русской действительности, к той эпохе, в которую ему пришлось работать и действовать. Это как раз была историческая эпоха, когда стало совершенно ясно, что капитализм разрушается,—эпоха, предшествовавшая мировой войне и последовавшая за ней. Эта имеющая глубоко революционное значение эпоха была Владимиром Ильичем оценена на основании той марксистской теории, которой он владел в совершенстве; но не только теорию марксизма знал В. И. Он изучал все особенности русских конкретных условий, продумал, как приложить марксистскую революционную теорию к жизни. Вооружившись революционной теорией, он смог найти именно те пути, которые

необходимы были для того, чтобы пролетариат смог победить. Не в личных свойствах Владимира Ильича его сила—разгадка в том, что он глубоко продумал революционную теорию марксизма и правильно применил ее. Вам, товарищи, придется разрешить много сложных вопросов, которые перед вами поставят последующие годы, и потому вам необходимо вооружиться этой революционно-марксистской теорией. Владимир Ильич ни на минуту не упускал из виду революционной цели—изменения существующего строя и создания коммунистического строя. Он не упускал из виду великой исторической роли пролетариата, этим он отличался от оппортунистов, с которыми всю жизнь вел упорную борьбу. Когда выступил немецкий с.-д. Бернштейн и стал говорить, что движение все, а цель ничто,—Владимир Ильич встал на сторону Каутского, в те времена бывшего еще революционером. Отрицание важности цели рабочего движения было оппортунизмом, отрицанием исторической роли пролетариата, отказом от принципов марксизма. Несколько в другой форме, в своеобразной русской форме, подняли знамя оппортунизма экономисты, также совершенно не дооценивавшие революционной роли пролетариата. Они говорили: нужна экономическая борьба, и вот только на эту экономическую борьбу они обращали внимание, а на связь этой экономической борьбы с политической борьбой, на ту связь, которую всегда подчеркивал Маркс, они не обратили внимания. И вот Владимир Ильич вместе с Плехановым вел отчаянную борьбу с экономистами. Точно так же, в чем была главная ошибка меньшевиков, против которых боролся так упорно Владимир Ильич? Он указывал, что меньшевики, вступая в блок с либералами, ориентируясь на радикальную буржуазию, отказываются от основного—от правильной оценки роли пролетариата во всем революционном движении. Ясное понимание цели, понимание тех путей, которые ведут к этой цели, понимание исторической роли пролетариата и дали возможность Владимиру Ильичу правильно оценить все эти оппортунистические отклонения. Для того, чтобы итти революционным путем, молодежи необходимо вооружиться марксистской теорией. Эта теория даст понимание окружающей действительности. Нет, вообще говоря, каких-нибудь лозунгов, верных для всех времен. Каждый лозунг имеет значение в той конкретной исторической обстановке, в которой он выдвигается. Когда-то

в своей книжке „Исторические письма“ Миртов (Лавров) говорил о том, что всякий лозунг, будучи революционным в известной обстановке, при изменившейся обстановке может быть реакционным. Понимание, когда уместен тот или иной лозунг, это понимание дается как раз умением подходить к действительности и оценивать ее с точки зрения марксизма. Если неподготовленный человек возьмет сочинения Ленина, то ему может показаться, что у него много противоречий. В целом ряде вопросов Владимир Ильич защищал в различные моменты различные точки зрения, и человек, который не понимает внутренней связи явлений, их революционной диалектики, увидит лишь противоречия там, где на деле развитие одной и той же точки зрения только в различной обстановке. Например, возьмем такой вопрос, как Учредительное собрание. До известного момента, пока не было еще налицо власти пролетариата, которая начала зарождаться в форме Советов, большевики выступали за Учредительное собрание; когда создались революционные Советы, когда они стали фактической властью, тогда лозунг Учредительного собрания получил совершенно другое значение. Из лозунга революционного он превратился в лозунг реакционный, который мог бы повести к тому, что организованная уже власть пролетариата, организованного в Советы, была бы ослаблена.

Возьмем вопрос о кооперации. До захвата власти Владимир Ильич о кооперации говорил в другом совершенно тоне, чем в последних своих статьях, где он писал о том, какое громадное значение имеют кооперативы в настоящее время для перестройки всего общества на коллективистических началах. Если мы возьмем и будем перелистывать сочинения Владимира Ильича, мы увидим, как на протяжении времени в различной конкретной обстановке Владимир Ильич совершенно различно оценивал те или другие формы движения.

Чтоб понять конкретную обстановку, надо, во-первых, быть вооруженным теорией, которая дает систему, определенный подход, это с одной стороны, а с другой стороны, надо тщательно изучать окружающую действительность. Если вы посмотрите, как подходил к этому Владимир Ильич, вы увидите, что он изучал тщательным образом действительность и по книгам, и по личному опыту, и на основании разговоров и рассказов товарищей. Если вы посмотрите ту массу тетрадок,

в которых В. И. делал выписки, вы увидите, как сравнивал он каждый факт, который он наблюдал в русской жизни, с аналогичными фактами европейской жизни и, сравнивая их, старался отметить ту или иную разницу. Его заметки в тетрадках показывают, что он старался уловить ту разницу, которая благодаря различной обстановке создается. Если вы прочитаете воспоминания о Владимире Ильиче, вы увидите, как он внимательно расспрашивал товарищей, как по отдельным рассказам, по отдельным фактикам старался воссоздать всю картину явления, как он проверял себя каждый раз в каждом вопросе. Во время одной из партдискуссий В. И. писал: „Когда в партии возникают какие-нибудь разногласия, когда партия переживает кризис, то надо подходить к вопросу с величайшей честностью, смотреть правде в глаза".

И вот к изучению действительности В. И. подходил всегда с этой величайшей честностью, умел смотреть правде в глаза и он умел учиться у врага. Если враг правильно оценивал какое-нибудь явление, В. И. не смотрел на то, что оценка исходит от врага, он пользовался ею, чтобы найти правильный подход к факту. С другой стороны, В. И. умел не только прямо, но и косвенно учиться у врага. Похвала врага служила ему предостережением, он пересматривал вопрос еще раз, чтобы проверить себя, не сделано ли какой ошибки.

В. И. на ошибках учился. Например, В. И. выдвинул в 1903 г. и очень горячо защищал пункт партийной программы о возвращении крестьянам земельных отрезков, отошедших во время земельной реформы 1861 г. к помещикам, и вот в 1908 г. есть статья, которая посвящена учету опыта первой революции. Там он прямо говорит о пункте программы, что это неправильный лозунг, касающийся отрезков.

И это несмотря на то, что в свое время Владимир Ильич страстно защищал этот лозунг против Плеханова, долго завоевывал всех, чтобы перешли на его сторону, чтобы поняли все значение отрезков, а потом после революции он не остановился перед тем, чтобы об'ективно оценить его. Он писал, что этот лозунг был недостаточен, что надо было выдвинуть сразу более революционный лозунг.

Это—революционная честность, умение подойти к каждому вопросу, не соображаясь с тем, что может быть надо все переоценивать с самого начала, не соображаясь с тем, что может быть

предстоит громадная работа, не соображаясь ни с чьим личным самолюбием, не боясь признать свою ошибку; он ставил вопрос отчетливо, в упор, стараясь найти правильный ответ на него. Вот это умение,—умение изучать пристально, умение наблюдать, умение чужой опыт использовать и обдумывать чужой опыт, умение смело смотреть в глаза фактам,—должно быть свойством той молодежи, которая хочет быть ленинцами.

И наконец я скажу несколько слов о той преданности революционному делу, которой требовал В. И. от революционера. В его книжке „Что делать" он пишет о том, к чему должен быть готов революционер. Он пишет о том, что первые годы, вот эти годы, когда только что нарождается движение, что эти годы должны быть годами громадной выдержки, должны быть годами незаметной работы, которая потом учтется, что вначале работа по существу не видна, не заметна. Революционер должен быть готов к ведению этой незаметной черной повседневной работы. Но в то же время революционер должен быть готов к величайшим подвигам, величайшему героизму; об этом точно так же говорит Владимир Ильич в своей книжке „Что делать", которая в свое время так увлекла членов партии, которая сыграла в революционном движении такую громадную роль. Революционер должен быть готов на все—и на повседневную черную незаметную работу, и на величайшие героические подвиги. Эта оценка Владимира Ильича дает ясное представление о том, каков должен быть ленинец. Он должен вести повседневную будничную работу, какой бы тяжелой она ни была, должен внимательно относиться к ней. В момент под'ема революционного движения также должен быть готов на все.

Я хотела остановиться еще на одном вопросе: на понимании В. И. роли масс. В 90-х годах при самом начале возникновения партии революционного марксизма очень оживленно обсуждался вопрос о роли личности в истории. Михайловский и др. говорили тогда о том громадном значении, которое имеет личность в истории. У Михайловского есть статья на тему „Герои и толпа." Масса—это безвольная толпа, идущая за героями. Вопрос о героизме, о роли сознательной личности в истории выдвигался и Лавровым. Позднее эсэры усвоили себе эту точку зрения на героев и толпу, на первый план выдвигали героическую личность. Марксисты

подходят к вопросу иначе. Они говорят о классовой борьбе. Если вдуматься в этот термин—классовая борьба,—то тогда надо будет к этому вопросу о роли личности подходить так, как подходил Владимир Ильич. На первый план он выдвигал вопрос о массе, о том, под влиянием каких побуждений действует масса. Марксизм рассматривает действия отдельных лиц, отдельных личностей в связи с тем классом, представителем которого эта личность является. Личность, взятая вне массы, вне класса—ничто. Но если она свяжет свою деятельность с деятельностью революционного класса, с деятельностью пролетариата, то благодаря тому, что человек свой утлый челн привяжет к корме большого корабля, к корме того дела, которое делает пролетариат, благодаря этому личность может получить очень большое значение, но только в том случае, если она не отделяет себя от массы, является ее выразителем. И вот, если вы просмотрите сочинения Владимира Ильича, те речи, которые он говорил, вы увидите, какое громадное значение придавал он массе. Он говорил, что „социализм есть живое творчество масс." В последних своих статьях он говорил о том, что теперь дальше надо двигаться гораздо более медленно, чем раньше, но двигаться громадной массой, миллионами двигаться. Эта оценка значения массы, ее творческой силы, характерна для В. И. Вопрос об организации масс, о внесении сознательности в движение масс В. И. считал первоочередным. Он подходил к этому вопросу по-марксистски. Ленинцы должны учиться такому же отношению к массе. А понять массу, научить ориентироваться на нее может опять только марксизм, вскрывающий первопричины движения масс, учащий нащупывать движущие силы революции, вести массы к великой цели.

Если молодежь хочет стать ленинцами, она должна внимательно изучать теорию, изучать „революционную диалектику" марксизма.

III. ЮНОШЕСКИЙ ТРУД и ШКОЛА

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА ПОДРОСТКОВ [1])

Граждане и гражданки, члены рабочего класса.

Наши близкие, мужья и братья гибнут на войне, ведущейся и Англией, и Россией, и Францией, и Германией, и Австрией ради интересов капиталистов.

Место их у станков на фабриках и в мастерских заняли женщины и подростки. Жадный до наживы капитал не щадит слабых, не окрепших сил наших детей. Рабочие и работницы знают, как возросло за время войны число работающих на заводах и фабриках подростков, знают, как надрывается их организм на этой работе, в каких ужасных условиях приходится им жить, часто проводя ночи без крова на улице, скитаясь по чайным и т. д.

Дети — это наше будущее, это — строители новой жизни, и они гибнут ради интересов капитала.

Мы боремся за то, чтобы положить как можно скорее конец братоубийственной войне.

Мы должны немедля положить конец преступному разматыванию сил подрастающего поколения. Мы не можем ни на минуту откладывать это дело.

Мы ясно видим стоящую перед нами задачу—организовать производительные силы страны. Война поставила перед нами эту задачу, она сделала ее вопросом жизни или смерти. Рабочий класс хочет мира, свободы, хлеба. Он знает, что всего этого не даст народу „ни бог, ни царь и не герой“, и не октябристско-кадетское правительство, что всего этого надо добиться „своею собственной рукой“.

И для этого надо рабочему классу, надо всем трудящимся сорганизоваться, всем до последнего человека. Эта задача распадается на ряд частичных задач: организовать по-своему, по-пролетарски, с точки зрения интересов народных масс, все области общественной жизни.

Необходимо организовать также труд детей и подростков. И необходимо приступить к этой организации немедленно же.

Мы не можем отказаться от труда детей и подростков. Дети рабочих и крестьян с раннего детства работают и по дому, и в поле, и в мастерской. Не работают только дети людей богатых. Детский труд и труд подростков играет крупную роль в хозяйственной жизни страны. Теперь, когда война так разорила страну, когда требуется напряжение всех сил, чтобы наладить производство, нельзя отказаться от труда детей и подростков. Напротив, рабочие и работницы должны требовать всеобщей трудовой повинности, подростков обоего пола, от 12 до 16 лет. Мы требовали всегда всеобщего обязательного обучения, мы должны требовать также всеобщего обязательного труда детей. Никакая гимназия, никакое привилегированное положение не должно избавлять от этой обязанности. Освобождать детей от труда так же как и от школы может только болезнь.

Всеобщая трудовая повинность подростков является требованием рабочих не только потому, что труд их необходим для страны, но и потому, что труд—великое воспитывающее средство.

50 лет тому назад Маркс в резолюции, написанной им для первого социалистического международного конгресса, настаивал на необходимости соединения обучения с производительным трудом. Промышленное развитие привело к той же мысли и буржуазных педагогов в Европе и Америке. Они уже около двадцати лет обсуждают этот вопрос. Сотни томов исписаны о том, как благотворно соединение обучения с производительным трудом, как оплодотворяет такой труд самое обучение, как развивающе действует на детей...

Но провести в жизнь коренную реформу школы, превратить школу учебы, где зубрят молитвы и грамматику, в школу труда, которая учит жить и работать, буржуазия не хочет и не может. Сделать это может только пролетариат.

Труд подростков необходим и потому, что только он, и он один, даст возможность каждому мальчику, каждой девочке сознавать себя полезным членом общества. Только труд воспитывает граждан.

Война вплотную подвела к этому вопросу в громадных размерах, усилив капиталистическую эксплоатацию подростков,

с одной стороны, создав ряд разумных трудовых организаций учащихся (напр., организации учеников средне-учебных заведений, работающих летом под руководством агрономов и обрабатывающих землю запасных),—с другой.

Война показала дорогу, которой надо итти.

Труд подростков должен быть обязателен, но он должен быть организован так, чтобы он не надрывал силы молодежи, а развивал их, чтобы он не отуплял, а давал пищу уму. Для этого он не должен быть чрезмерным, не должен превышать двух-четырех часов в сутки (смотря по возрасту), должен производиться в гигиенических условиях, распространяться только на известные области труда, наиболее подходящие по характеру к применению в них детского труда.

Но кто же организует все это? Министр народного просвещения, или промышленности и торговли? Может быть, вместо проф. Мануилова [2]) надо посадить с.-д. министра?

Нет, никакой министр, будь он самый наилучший с.-д., не в силах провести этого в жизнь. Не проведет этого в жизнь никакая бюрократическая организация старого типа. Осуществить эту меру—организации труда подростков—может только само население. Рабочие организации выяснят, какие работы в их производстве пригодны для выполнения их подростками; организовавшиеся учителя,—которых правильно называли „распыленной демократией“ и которые теперь станут организованной демократией,—придут на помощь рабочим организациям указанием, какие работы наиболее пригодны для детей с педагогической точки зрения, сами подростки сорганизуются в особые клубы и организации, сами возьмутся за это дело, мы помним стачки подростков-учеников в 1905—1907 гг., знаем, с какой горячностью они переживают теперешнюю революцию и верим, что им многое удастся сделать в этой области: наконец, выбранная на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права петербургская (или московская, харьковская и т. д.) городская дума поможет об'единению всего дела.

Таким путем (подробности и проч. выяснятся в процессе работы) само население организует и распределит труд подростков, без всякого бюрократического вмешательства каких бы то ни было инстанций... Примеры должны показать промышленные центры; пропаганда примером—лучшая пропаганда.

Но как же будет с капиталистической эксплоатацией? Как же будут обходиться фабриканты теперь, когда взрослые рабочие угнаны на фронт, без труда подростков? Как же смогут работать фабрики и заводы?

Вот тут-то и лежит корень вопроса. Буржуазия всегда будет охранять свои священные права на эксплоатацию. Но рабочие и работницы должны вмешаться в данном случае самым энергичным образом. Необходимо запрещение наемного труда детей и подростков во всех отраслях промышленности до 16-и лет.

Фабриканты говорили, что они не могут обойтись без труда малолетних всюду и всегда; однако, когда закон запрещает труд детей до известного возраста или ограничивает его, оказывается, что фабриканты прекрасно обходятся без него. Кроме того, можно организовать дело так, что фабрикант получит возможность пользоваться трудом подростков, но не на условиях наемного труда, а на особых, выработанных рабочими и другими общественными организациями, которые создадутся для этой цели, условиях... Надзор за выполнением этого постановления должно взять на себя опять-таки само население. Не назначения многочисленной фабричной инспекции с крупными окладами, инспекции, состоящей в таком-то ведомстве, ждущей распоряжений и циркуляров от такого-то, хотя бы самым либеральным образом настроенного, начальства должны мы требовать сейчас. Необходимо, чтобы каждый рабочий, каждая работница, каждый гражданин, каждая гражданка следили за выполнением этого постановления, надо, чтобы следили за выполнением его сами подростки. В Германии еще до войны работницы взяли на себя такие функции надзора за выполнением закона о запрещении труда детей школьного возраста до известного часа дня. Никакой фабричный инспектор, никакая фабричная инспектрисса не в состоянии уследить, чтобы дети не разносили до школы молоко, булки, газеты, чтобы они не работали после школы у себя на дому до глубокой ночи. Но жители дома, которые видят, что делается у их соседей, могут, если захотят, настоять на выполнении закона. И сейчас нужно, чтобы население ясно сознало необходимость проведения в жизнь закона о запрещении наемного труда детей до 16-и лет и взяло на себя надзор за выполнением этого постановления.

Но, скажут нам, предлагая такую меру, вы забыли главное: чем будут жить все эти подростки, которых гонит на фабрику жестокая нужда и которые будут обречены на голодную смерть, если будет осуществлен ваш „радикальный" проект о запрещении детского труда? Нет, мы этого не забыли. Мы знаем, что для того, чтобы не умереть с голоду, наши дети вынуждены не только продавать свою неокрепшую рабочую силу, но девочки-подростки зачастую вынуждены продавать свое тело. И мы хотим положить этому конец. Необходимо, чтобы, на ряду с запрещением наемного труда подростков и введения обязательного труда их в другой форме, каждому подростку было обеспечено право на пищу, одежду и помещение.

Но ведь это утопия, это коммунизм какой-то. Где взять на это средства?

Да, утопия, если это дело организовать бюрократическим путем. Но не утопия, если за дело возьмутся рабочие и учительские организации, организации самих подростков, население, новое демократическое самоуправление.

На с'езде по семейному воспитанию одна женщина-врач рассказывала, как она ездила по деревням и организовывала ясли. Потребности в яслях, „в детских харчевнях", как их называли крестьяне, так велика, что в некоторых яслях набиралось до 250-и малышей. И организаторша умела так поставить дело, так с'организовать малышей и детишек постарше, что уход за 250-ю детьми, их кормежка требовала сил лишь одной кухарки и одной фребелички-садовницы...

Голодание школьников давно уже заставило учителей работать над организацией горячих школьных завтраков (школьных приварков), по этой части у них не малый опыт.

Учителя поделятся своим опытом с рабочими организациями, возьмутся за дело рабочие кооперативы, возьмутся за дело сами подростки... Война и тут многому научила. Приходилось кормить и устраивать детей беженцев и запасных. Новая городская дума поможет приспособить для детских общежитий дворцы, разные „казенные квартиры" бывших министров и т. п. здания. Средства на содержание детей будут поступать в значительной мере, как оплата детского труда, громадное удешевление получится правильной организацией дела, часть будет покрываться из общественных сумм. Может

быть, лишь вначале, при налаживании дела нужны будут эти общественные суммы.

Буржуазия тратит миллиарды на войну, она организует продовольствие миллионов солдат, нужных ей для истребления „внешних врагов".

Пролетариат борется за организацию охраны жизни и сил подрастающего населения, в котором все его будущее.

Итак, перед пролетариатом стоит сейчас задача провести:

1) Обязательный труд подростков обоего пола от 12 до 16 лет.

2) Организацию этого труда, принимая во внимание потребности общественного производства, с одной стороны, интересы здоровья и развития подрастающего поколения, с другой.

3. Полное запрещение наемного труда детей и подростков от 12—16 лет.

4. Организацию продовольствия детей этого возраста.

Сделать это может лишь пролетариат, при поддержке демократических слоев населения. Дело это неотложно. Необходимо охранить от истощения, от вырождения то поколение, перед которым стоит великая задача коренного преобразования всей общественной жизни.

„Правда", № 34 от 16/IV 1917 г.
Первая статья по приезде из эмиграции.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Если сравнить данную статью с последующими, то бросается в глаза известное противоречие между ними. В данной статье говорится об уничтожении наемного труда для подростков до 16 лет и замене наемного труда трудом организованным в учебных целях, в дальнейших статьях, после более близкого знакомства с положением движения и с развертывающимися возможностями, говорится уже не об отмене наемного труда для подростков вообще, а лишь об охране и регулировании его. Путь к замене наемного труда другими формами труда не так короток, как казалось в первый момент. Замена капиталистических форм труда—труда наемного—формами социалистическими может явиться лишь в результате длительной борьбы, перестройки всего общества на новых началах (примечание Н. К. Крупской к настоящему изданию).

[2]) Мануилов, А. А., профессор, кадет.- В первом составе Временного правительства был министром народного просвещения. Ушел из правительства вместе с Милюковым. Сейчас—член правления Госбанка.

ШКОЛЬНАЯ МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПРОГРАММА

Чтобы обучение могло стать всеобщим на деле, надо обратить внимание, кроме питания школьников, на охрану детского труда. Социал-демократы должны требовать законодательного запрещения детского наемного труда до 16 лет. Это запрещение тесно связано с организацией общественного труда подростков через посредство школ. Чтобы запрещение детского наемного труда не оставалось только на бумаге, необходимо, чтобы на помощь фабричной инспекции пришло население, профессиональные союзы, самоуправление.

Местное самоуправление должно содействовать присмотру за соблюдением закона о запрещении эксплоатации детского труда, особенно в домашней промышленности, путем устройства особых районных комитетов надзора из среды самого населения.

Чтобы подорвать классовый характер современной школы, необходимо, чтобы школа была едина для всех классов населения, чтобы не было того, что для детей рабочих и крестьян существовали бы низшие, начальные школы, а для господ — средние и высшие; нужно, чтобы для всех была одна общая школа, подготовляющая всех детей к труду и физическому, и умственному, к пониманию жизни, дающая им свет знания. Поэтому в общей единой школе обучение должно быть тесно связано с производством, с производительным трудом. Дело это новое. Чтобы помочь ему, местное самоуправление должно озаботиться устройством при школах мастерских, подвижных музеев, научных кинематографов, экскурсий и пр.

С другой стороны, оно должно выяснить те отрасли труда, где по гигиеническим и другим условиям возможно применение общественного производительного труда детей, и организовать

этот труд совместно с представителями учительских организаций, профессиональных союзов, кооперативов и проч.

Единая общая школа, в которой обучение будет тесно связано с самым разнообразным производительным трудом, будет развивать общую трудоспособность молодежи, предоставлять широкое поприще для самодеятельности ребенка, для приложения его индивидуальных наклонностей и талантов к различным областям труда. В такой школе, которая ставит себе целью ознакомить ребенка на практике со всеми областями труда, каждый ребенок найдет себе работу по душе, которой сможет отдаться с увлечением, которая будет дальше развивать его природные дарования. Такая школа даст возможность свободно и сознательно выбирать себе профессию одну или несколько. Единая всеобщая трудовая школа сделает ненужным специальные профессиональные школы современного типа, на которых, как и на современной средней школе, лежит печать сословности. Специальные знания будут приобретаться в процессе работы под руководством особых техников и будут связаны с прохождением особых курсов, организуемых при самих фабриках и заводах.

Внимание местного самоуправления должно быть обращено на содействие организации единой всеобщей трудовой школы, а не на поддержку школ, предназначенных для различных классов, для белой и черной кости, каковыми являются наши гимназии, профессиональные школы и проч.

„Правда" № 49, от 19 мая 1917 г.

БУКВА ЗАКОНА

Фабрики, заводы, промышленные и торговые заведения эксплоатируют труд подростков. Закон должен оградить молодые силы от эксплоатации. Как это сделать? Можно или издать ряд законов, ограждающих труд подростков, или же вовсе запретить их труд. По поводу запрещения труда подростков К. Маркс писал в „Капитале", что когда говорят о запрещении детского труда на фабриках и заводах, надо точно указывать, до какого возраста, ибо полное запрещение заводского и фабричного труда подростков при капиталистическом строе было бы реакционно. Почему же Маркс считал это запрещение реакционным? Да по той же самой причине, почему он считал реакционным запрещение женского заводского труда.

На разных с'ездах добродетельные пасторы и господа консерваторы требовали, во имя ограждения семейного очага, полного запрещения заводского труда женщин. Предназначение женщины-де варить мужу обед, чинить ему белье, заботиться о домашнем уюте, нянчить детей, а не торчать целыми днями в мастерской. Что отвечали им на это социалисты? Они говорили: ваши речи, служители церкви и господа помещики, сплошное лицемерие. Разве вы не знаете, при каких условиях живут в настоящее время рабочие? Разве вы не видали сырых подвалов, темных, тесных помещений, углов, в которых ютятся рабочие? Не видали их голодных, бледных детей? Не знаете, что их отец видит свою семью только ночью? Не знаете, что его жена для того, чтобы подкормить детей, вынуждена брать первую попавшуюся работу: стирку, шитье, набивку папирос, клейку коробок и пр., и что, работая у себя на дому, она подвергается не меньшей эксплоатации, чем на фабрике и заводе? Мы, социалисты, против запрещения заводского труда женщин, потому что видим не только дурную сторону заводского труда но и его хорошую сторону. Работа на заводе делает женщину

в материальном отношении независимой от мужа и тем освобождает ее от семейного деспотизма; работа на заводе расширяет кругозор женщины, пробуждает в ней чувство солидарности, понимание задач рабочего класса. Освобождение рабочего класса немыслимо без приобщения женщин к фабрично-заводскому труду. И потому социалисты не против запрещения женского труда вообще, а лишь за ограждение женщин от особо тяжелых форм эксплоатации (ночной труд, труд в опасных для здоровья отраслях производства и пр.) Все то, что относится к женскому труду, целиком относится и к труду подростков. У нас в России за время войны заводский труд подростков возрос в очень значительной мере. И заводская жизнь воспитывала молодежь: она будила в них веру в свои силы, воспитывала в них чувство братской солидарности. Во время революции они были в первых рядах. На Марсовом поле клялись они под своими красными знаменами с революционными надписями умереть в борьбе с буржуазией, защищать свободу ценою жизни. И они честно исполнили свою клятву. В октябрьские дни они переполнили собой ряды Красной гвардии. Всюду, где нужна была самоотверженная работа, они были в первых рядах. Товарищи, взрослые рабочие! Чем платите вы своим товарищам подросткам, которые связали себя с вами узами братской солидарности?

Вы проводите запрещение труда подростков до 16 лет, и большинство из вас искренне думает, что вы проводите очень радикальную меру, что вы ограждаете раз навсегда подростков от эксплоатации. Центральная больничная касса приняла, например, решение рассчитать всех девочек до 16 лет служащих в больничных кассах. Товарищи, что вы делаете? Разве можно держаться за букву закона, совершенно упуская из виду се дух? Ведь каков дух закона об охране детского труда? Охрана молодых сил. А ваше постановление об упразднении труда подростков ведет к чему? К охране этих сил?

Вы знаете, не можете не знать, вы каждую минуту испытываете это на себе, какое трудное время переживает рабочий класс. Теперь приходится ему расплачиваться горше всего за империалистическую войну, разрушившую всю промышленность страны, приспособившую ее целиком к потребностям военного времени. Товарищи, вы сделали страшно много для того, чтобы положить конец братоубийственной бойне. Но демобили-

ация промышленности, переход промышленности на другие рельсы в момент общей разрухи не может совершиться безболезненно, он связан с безработицей, с тяжелыми лишениями, со всякого рода затруднениями. Изжить этот тяжелый период демобилизации рабочий класс может наиболее безболезненно лишь тогда, когда он проявит чудеса братской солидарности и организованности, когда его кличем будет не „спасайся, кто может", а „все за одного, один за всех". Вы это прекрасно знаете, товарищи. И посмотрите, что вы делаете? Вы в первую голову рассчитываете подростков, вы дарите их запрещением труда подростков. Разве вы охраняете этим их силы? Нет, вы взваливаете на их неокрепшие юные плечи всю тяжесть безработицы, бесприютности.

Третьего дня ко мне пришли девочки, рассчитываемые из больничных касс, где их никто не эксплоатировал, и, волнуясь, спрашивали, что делать с этой выбрасываемой на улицу рабочей молодежью, пока... их не рассуют куда-нибудь по приютам. Как оставить девочек на улице? И от этой фразы: „куда деть, пока не „рассуют по приютам", повеяло таким ужасом, что захотелось крикнуть: товарищи, что вы делаете? С которых пор рабочие стали фарисеями?

Приходит молодежь из „Социалистического Союза Молодежи" и жалуется, что организация рабочей молодежи распадается, что рабочая молодежь теперь не на фабриках, а сидит по трактирам, что среди нее, рассеянной, раз'единенной, нельзя вести больше агитации, что молодежь опускается, не ходит на лекции, что лучшие элементы —бывшая краса „социалистического союза" —уходят к анархистам... Это все последствия того, что рабочую молодежь рассчитывают с заводов в первую голову.

Запрещение труда подростков не реакционно будет лишь тогда, когда государство в состоянии будет обеспечить каждому подростку кров и пищу -не как подаяние, а как право— когда для подростков будет достаточное количество школ, когда будет организован общественный производительный труд подростков, а пока, упраздняя фабрично-заводский труд подростков, вы обрекаете их на голод, на безработицу, на худшую эксплоатацию -на хулиганство, на проституцию. Более сильные, охраняйте более слабых. Дети наше будущее.

«Правда». № 17 от 5/II 1918 г.

ОБ ОТМЕНЕ ДЕТСКОГО ТРУДА

Моя статья „Буква закона“, помещенная в „Правде“ от 5-го февраля 1918 года, вызвала неудовольствие некоторых товарищей, которые заявили, что статья мешает проводить в жизнь запрещение детского труда, так как все-де на нее ссылаются, и потребовали даже обсуждения этого вопроса в П. К. Р. С.-Д. Р. партии. Я очень рада, что на этот вопрос удалось обратить внимание. Правда, у нас в программе стоит запрещение детского труда до 16 лет *). Но этот пункт ошибочен, и данный момент как нельзя более иллюстрирует его ошибочность. Помещение этого пункта об'ясняется недосмотром (он и формулирован небрежно: дети до 16 лет называются детьми „дошкольного возраста“). Во всяком случае этот пункт резко расходится с точкой зрения на этот вопрос Маркса. Вот что пишет он по этому поводу в „Критике Готской программы“. Пункт—запрещение детского труда.

„Тут было безусловно необходимо указать, до какого возраста.

Запрещение детского труда вообще несовместимо с существованием крупной индустрии и потому представляет собою лишь пустое благочестивое пожелание.

Но даже если бы оно и было возможно, проведение его было бы мерой реакционной, так как при строгом регулировании рабочего времени сообразно различным возрастам и другим мерам охраны детского труда раннее соединение производительного труда с обучением представляет могучее средство преобразования современного общества“.

*) Речь идет о старой программе Р.С.-Д.Р.П.

Немецкие профессора, а с их легкой руки и всякого рода оппортунисты, беря за основу ту правильную мысль, что в основе общественного развития лежит развитие производства, стараются изобразить дело так, что общественное развитие все только и сводится к какому-то самодовлеющему механическому процессу производства. По их мнению, люди, их сознание, их борьба тут совершенно ни при чем, все делается само собой, производство все больше и больше развивается, мелкие предприятия об'единяются во все более крупные, которые организуются затем в монополии; когда этот процесс разовьется до того, что все производство будет представлять в сущности одно колоссальное, великолепно организованное предприятие это и будет социализм. Конечно, такое изображение дела в корне ошибочно. Это все равно, как если бы показать сухой мертвый скелет и сказать: вот это полный жизни человек, горячо и страстно чувствующий, волнуемый тысячами мыслей, умеющий любить и ненавидеть, бороться за счастье и разумную жизнь.

Маркс далек был от такого убогого понимания развития общества. Он и Энгельс показали, как тесно связана экономика с политикой. Путем мастерского анализа они показали, как определенная ступень развития техники влияет на формы производства, как под их давлением складываются известные правовые и государственные нормы; показали, как экономика со всеми юридическими и политическими надстройками отражается на психологии людей, на их мировоззрении. Особенно детально показали они, как условия труда на крупных фабриках и заводах перерождают всю психику прежнего рабочего-ремесленника, воспитывая в нем чувства классовой солидарности, пробуждая революционный дух, выковывая классовое самосознание. Маркс постоянно подчеркивал, что движущей силой преобразования общественного строя является человек. Но человек для Маркса не был чем-то неизменным, одинаковым во все времена; он показал, как постоянно под влиянием изменяющихся условий производства и общественных форм жизни преобразуется сам человек. Пролетарий первоначальной эпохи развития капитализма далеко не то, что пролетарий позднейшего времени. Необходимой предпосылкой социализма является человек, способный осуществить социализм.

У нас очень часто забывают эту сторону дела и понимают социализм чересчур механически, видя лишь одну сторону дела—экономику—и совершенно упуская из виду другую сторону дела—подготовку соответствующего человеческого материала. Эту последнюю сторону дела никогда не забывал Маркс. Вот почему он и придавал такое громадное значение воспитанию подрастающего поколения, так много уделял этому внимания. Он считал и неоднократно говорил, что воспитание является могучим рычагом преобразования существующего строя.

Но как понимал Маркс воспитание? Основу его он видел в производительном труде, в тесном единении молодежи с рабочей жизнью, с развивающимся рабочим движением. Оторвать подростка от работы на заводе и фабрике, где выковывается его понимание жизни, его классовое самосознание, где он проникается чувством классовой солидарности, и бросить его в эгоистическую атмосферу замкнутой семьи или в затхлые стены школы, оторванной от жизни, значит затормозить дело подготовки годного человеческого материала. Вот почему Маркс так решительно высказался против запрещения детского труда. Но он хотел, чтобы детский производительный труд был связан с обучением. Рабочим нужны знания, так как знание—великая сила, и этой силой хотел вооружить Маркс рабочую молодежь. Правда, говоря о нежелательности запрещения детского труда, Маркс не хотел сохранения данной формы фабричного труда детей. Данная форма—несложный, однообразный, чисто механический труд. Такой труд притупляет. Но детский фабричный труд мыслим и в другой форме. Так, например, в Англии и Германии труд подростков в некоторых предприятиях организован так: каждый подросток в течение нескольких лет своего заводского ученичества, во время которого он получает жалованье за свой труд, работает не одну какую-либо механическую работу, а выполняет целый ряд работ все возрастающей трудности, переходя при этом из одной мастерской в другую и изучая производство в целом.

Параллельно с этим ученики изучают в школе математику, физику, механику, черчение, товароведение, коммерческую географию, политическую экономию. Изучение практической работы тесно связано с теоретическим осмысливанием ее. Такая

заводская работа не притупляет молодежь, а действует на нее в высшей степени развивающе. Вот почему Маркс в „Коммунистическом манифесте" говорит об „устранении фабричной работы для детей в современной ее форме".

Эта фраза и дала, вероятно, повод вставить в программу „запрещение детского труда до 16 лет", при чем совершенно не обратили внимания на то, что Маркс говорит тут не о запрещении детского труда (что совершенно противоречит его точке зрения, наиболее ярко выраженной в „Критике Готской программы", но достаточно ясно развитой и в „Капитале" и в Женевской [1]) резолюции), а лишь о современной форме его.

Мы в России переживаем период диктатуры пролетариата. Рабочие имеют полную возможность провести в жизнь меры, которые бы подготовили из рабочей молодежи людей способных осуществить социализм.

Какие же меры надо было принять по отношению к детскому труду?

Надо было:

1) сократить рабочий день подростков и принять другие меры охраны труда;

2) целесообразно организовать труд подростков;

3) приложить все силы к тому, чтобы немедля же были устроены при заводах школы для подростков, где обучение было бы связано с производительным трудом.

Шестичасовой рабочий день для подростков уже был проведен на многих металлических заводах явочным порядком.

На некоторых заводах, например, на заводе Эриксон, была уже разумная организация труда подростков.

Заводские школы уже существовали при многих заводах, но дело там было поставлено из рук вон плохо. Надо было эти школы преобразовать (на зав. Феникс, например, была даже разработана программа такой новой школы).

Комиссариату Труда надо было только обобщить все эти попытки, издать соответствующие декреты, равно как и декрет об обязательном посещении школ подростками.

Комиссариат по Просвещению с своей стороны еще 30 ноября отправил в Комиссариат Труда нужные декреты. Просьба эта была однако оставлена без внимания, а теперь

подростков в спешном порядке выкидывают с фабрик и заводов, ссылаясь на необходимость запрещения детского труда.

Печальное недоразумение, которое может тяжело отразиться на рабочем движении.

«Правда», 20 II 1918 г.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1], Женевская резолюция—резолюция о детском труде конгресса I Интернационала в Женеве, в 1866 г., составленная Карлом Марксом (на самом конгрессе Маркс не присутствовал). Содержание резолюции см. „Маркс и Энгельс о детском труде".

В КОМИССАРИАТ ТРУДА *)

Отдел по внешкольному образованию при Комиссариате по Просвещению, рассматривая вопрос о внешкольном образовании рабочей молодежи, пришел к заключению, что для успешного проведения занятий с подростками, работающими на фабриках и заводах, нужны следующие меры:

1) Обязать фабрикантов, заводчиков, владельцев ремесленных и торгово-промышленных заведений предоставить работающим у них подросткам обоего пола до 18 лет возможность два часа ежедневно посвящать занятиям в школе за счет рабочего времени (к тем предприятиям, где подростки работают лишь 6 часов, этот пункт не относится).

2) Обязать владельцев крупных предприятий устроить при них и оборудовать школы для подростков.

3) Обязать фабрикантов, заводчиков, владельцев ремесленных заведений организовать работу подростков таким образом, чтобы она имела не отупляющий, а развивающий характер. Для этого необходимо, чтобы дело было организовано так, чтобы подросток переходил постепенно из одной мастерской в другую, и таким образом знакомился бы со всем производством в целом. Так поставлено дело на многих заводах в Англии, в Германии, даже у нас (напр. на заводе Эриксона).

Провести эту меру в жизнь могут помочь заводские комитеты и профессиональные союзы, если будет обращено их внимание на эту сторону дела. Для общего же развития молодежи это имеет громадное значение.

4) Необходимо, чтобы подросткам обоего пола давались ежегодно в летнее время отпуска на $1^1/_2$—2 месяца для участия в сельско-хозяйственных трудовых дружинах, каковое участие необходимо для всестороннего развития молодежи.

30 ноября 1917 г.

*) Конец письма не сохранился. Проект написан рукой Н. К.

О ЗАВОДСКОМ УЧЕНИЧЕСТВЕ

В настоящее время на фабриках и заводах работает очень много молодежи. Через несколько лет эта молодежь станет взрослой—и от ее умелости, подготовленности, сознательности будет зависеть не в малой мере успех производства. Эта молодежь представляет собой очень благодарный материал для работы над нею: психология у нее пролетарская, жажда знания громадная, она видела пролетарскую революцию, она живет в годы великого перелома, задумывается над тем, над чем, например, редко задумываются ученики школ II ступени. На эту молодежь надо обратить самое серьезное внимание. Подготовка ее к жизни и труду должна стать самой ударной задачей.

Молодежь эта работает на фабрике или заводе 4—6 часов в сутки. Остальное время у ней свободно; 2—4 часа умственной работы в школе молодежь могла бы проводить.

Буржуазия капиталистических стран, заботясь, понятно, лишь о своих интересах, обращала самое усиленное внимание на подготовку молодежи. Вечерние школы для продолжения образования существуют по всей Германии, и посещение их обязательно для всей занятой в производстве молодежи. В Австрии мы видим такие же школы. В Америке рабочая молодежь проходит так называемые кооперативные школы, в которых ученики одну неделю работают на заводе, другую в школе и где школьные занятия тесно связаны с той работой, которую им приходится делать на фабрике или заводе. Не надо также забывать, что и в Германии, и в Америке в ученики принимают лишь тех, кто кончил минимум 6 классов народной школы.

Вопросам заводского ученичества посвящена за-границей громадная литература. Советская республика, конечно, еще более, чем буржуазные государства, заинтересована в подготовке молодежи к квалифицированной работе в производстве, всюду слышатся у нас жалобы на отсутствие квалифицированных рабочих, а мы проходим мимо рабочей молодежи.

Отделы народного образования на местах должны при содействии РКСМ, отделов труда, профсоюзов выяснять количество занятых в производстве молодежи, должны заботиться об устройстве специальных школ для заводских учеников и о приспособлении для этой цели уже существующих школ.

Нашим заводским школам придется взять на себя не только специальную, но и общеобразовательную подготовку рабочей молодежи.

Если в Германии, Америке, Швейцарии от учеников требуют свидетельства об окончании 6-и классов народной школы, то у нас среди заводских учеников встречаются и малограмотные и вовсе безграмотные. Поэтому учеников в школах необходимо разделить сразу же на группы и вести занятия соответственно их подготовке. В значительной своей части школьные занятия должны носить у нас общеобразовательный характер: важно обратить особое внимание на такие предметы, как русский язык, арифметика, алгебра и геометрия, география, черчение, рисование, естественные науки. Надо только ориентировать несколько занятия на производство, в котором работает ученик. Так, темы для сочинений надо давать из данной заводской и производственной жизни, вычисления приноравливать к тем вычислениям, которые надо постоянно делать при работе, черчение сосредотачивается на черчении тех машин, которые работают в данном заводе, вводятся предметы, имеющие особое значение для данного завода, напр., химия на химических заводах, механика у металлистов и пр. Само собой, что в курс заводских школ должны входить такие предметы, как советская конституция, организация советской власти, работа экономических комиссариатов, история труда в связи с общей историей, история машины и т. д.

На ряду с этими занятиями общего обязательного характера необходима и организация профессионального образования.

Во-первых, необходимо регулирование труда заводских учеников в самом производстве, необходимо организовать это так,

чтобы ученики сразу же учились работать, а не состояли только на побегушках. Должно быть подробно разработано в какой мастерской, чему и в какой срок должен ученик выучиться, должны переводить учеников из мастерской в мастерскую, чтобы ученики изучили производство в целом. Должны быть установлены сроки перехода учеников из мастерской в мастерскую, установлено в какие мастерские после каких переходит ученик.

Важно, чтобы инструктирование в заводе во время работы учеников было поручено особым, выделенным из состава рабочих данного завода инструкторам, а не происходило лишь случайно, от времени до времени. Часть работы, касающаяся теоретического освещения тех или иных производственных процессов, может быть вынесена в стены школы.

По окончании ученичества ученики должны командироваться для изучения в процессе работы постановки дела в образцовых предприятиях данного производства.

Подробные программы для заводских школ в разных производствах должна разрабатывать единая трудовая школа совместно с представителями от Главпрофобра, соответствующего главка и от соответствующего профсоюза.

На местах должны быть также образованы особые комиссии из рабочих данного производства, с участием представителя или представителей рабочей молодежи данного завода и от заводской школы, которая должна контролировать проведение в жизнь постановлений центра, касающихся заводского ученичества.

Сказанное выше—не более, как несколько соображений, высказанных по поводу заводского ученичества.

Тем товарищам, которые склонны игнорировать значение правильно поставленного заводского ученичества, где работа на заводе чередуется с теоретическими занятиями, я позволила бы себе указать на Маркса, который посвятил не мало внимания, именно, вопросу о заводском ученичестве. В соединении работы на фабрике или заводе с обучением и гимнастикой он видел „не только метод повышения общественного производства, но и метод производства всесторонне развитых людей".

В другом месте—в „Критике Готской программы" он говорил: „Соединение производительного труда с обучением

является могущественным средством преобразования современного общества".

Преобразование старого буржуазного общества в коммунистическое началось. Это дело не одного дня. В период реорганизации, которая будет продолжаться, вероятно, не менее десятка лет, а может быть и много больше, мы должны использовать все средства преобразования его. Одним из таких средств является воспитание рабочей молодежи на заводах и в заводских школах. Правильно поставленное, оно создаст творцов коммунистического строя.

„Юный Коммунист" № 1—2, 1920 г.

О ШКОЛАХ ДЛЯ РАБОЧИХ ПОДРОСТКОВ

Если мы хотим действительно вооружить массы силою знания, мы должны в первую очередь организовать достаточное количество школ и клубов для рабочих подростков (мальчиков от 13—17 и девочек от 12 до 16 лет), где бы они могли восполнить те пробелы в знаниях, которые у них существуют, благодаря тому, что они и их родители жили продажей своей рабочей силы. Социалистическая Республика должна поправить эту социальную несправедливость, доставшуюся в наследие от капиталистического строя.

У самих рабочих подростков настолько сильна тяга к знанию, что не приходится говорить об обязанности, о мерах принуждения, надо только дать возможность учиться. Надо немедля же открывать школы и клубы для подростков. Но, чтобы это открытие не было случайно, необходимо вместе с тем приступить к составлению сети этих школ и клубов. Сеть может быть составлена лишь на основании предварительного обследования. Все равно, кто производит обследование (Отдел Труда, район и т. п.), но важно, чтобы обследование захватывало всех, не посещающих регулярной школы подростков, а затем, одновременно с этим, установило бы и степень подготовленности подростка, чтобы можно было сразу установить, сколько каких групп надо открыть.

Анкета должна бы включить в себя следующие вопросы: 1) имя, фамилия, адрес; 2) возраст; 3) где работает; 4) какую работу выполняет; 5) сколько часов занят; 6) грамотен ли; 7) кончил ли школу и какую именно.

Для этого обследования можно также привлечь или союзы рабочей молодежи, или учащихся второй ступени, так как и тем и другим надо знать, как производятся обследования.

Школы для рабочих подростков, само собой, должны быть открыты в часы, удобные для подростков. Занятия должны продолжаться 2—2½ ч. и происходить не чаще 5 раз в неделю. При школе желательно иметь клуб, куда бы подростки могли итти после занятий. Часть занятий может быть вынесена в клубные занятия. Школой руководит коллектив (школьный совет), состоящий из представителей секции или соответствующей организации педагогического персонала и учащихся.

Опыт показывает, что при школах необходимо организовать питание (хотя бы за плату, так как подростки имеют заработок; исключение делается для безработных) и снабжение обувью.

Зарегистрированных подростков следует распределить на группы (безграмотных, малограмотных, кончивших школу и, вообще, хорошо грамотных).

Программа занятий будет видоизменяться в зависимости от состава группы, развития учеников, но в общем она сводится к следующему.

Школы для безграмотных. Центр занятий должен заключаться в обучении грамоте. Затем—знакомство с четырьмя действиями арифметики. При чем важно обратить внимание на самостоятельное составление задач из той области, в какой кто работает. Важно ознакомить с элементарным счетоводством и дать первоначальные представления по геометрии.

Знакомство с элементарными сведениями из географии. Земной шар, суша, море, материки, главные государства.

Знакомство с устройством и жизнью человеческого тела. Основные правила гигиены.

Музыкальная и графическая грамотность (занятия рисованием и музыкой могут быть вынесены в клуб, если таковой имеется; но там или тут, а обучение музыке и рисованию обязательно).

Кроме того, особый день уделяется на собеседования и чтение вслух по „грамоте гражданина".

Программа для малограмотных. Центром занятий в этой группе должен быть родной язык. И в группе безграмотных, и в группе малограмотных следует обращать особое внимание на умение говорить, точно и образно передавать свои мысли (сами подростки постоянно выражают пожелание

„научиться ораторскому искусству"). Это достигается не пересказом прочитанного, а привычкой формулировать свои собственные мысли. Важно научить и в письменной форме выражать свои мысли (в клубные занятия может быть вынесено и рассказывание, и составление журналов).

Одна из основных задач как этой, так и последующих ступеней—научить учеников читать, т. е. пользоваться всякого рода справочниками (в число которых входят и учебники), уметь пользоваться каталогами, добираться по книгам до разрешения интересующего вопроса и т. д.

Затем надо расширить сведения по географии.

По истории надо ознакомить с этапами развития человечества; история всеобщая и русская должна служить лишь иллюстрацией той или иной эпохи. Важно показать связь между экономикой и политикой; познакомить с историей труда, включая сюда и классовую борьбу; проследить классовую борьбу и закрепление классового господства в форме государственного устройства.

Не менее важно обратить внимание на естествоведение. Важно, чтобы был усвоен метод естественно-исторических наук: кроме того, должен быть дан запас сведений, дающих возможность сознательно относиться ко всему совершающемуся в природе.

Затем нужно расширить дальше знания по арифметике, геометрии. Нужны занятия музыкой и рисованием.

В группах старших, с подростками, окончившими уже школу, чрезвычайно важно обратить внимание на собеседования по общественным и естественно-историческим предметам. Помочь самостоятельно составлять доклады, рефераты по этим вопросам.

С другой стороны, надо обратить внимание на профессиональную подготовку, получить которую стремятся подростки. Тут важно не изучение того или иного ремесла. Оно изучено может быть только в мастерской. В школе же важно дать основы, которые лежат в основе большинства профессий. Надо серьезно поставить черчение, изучение физики и химии, надо научить обращаться с основными инструментами и т. п.

Детальный план занятий старших групп должен быть разработан совместно с Профессиональным отделом Комиссариата. Внешкольный отдел московского совдепа образовал особую секцию работы среди подростков. В районах ведется уже большая работа по организации школ и клубов. Но необходимо, чтобы и губернские, и уездные отделы повсюду обратили внимание на эту сторону дела.

„Народное Просвещение“ № 22, от 7/XII—1918 г.

К С'ЕЗДУ ШКОЛ РАБОЧИХ ПОДРОСТКОВ

За минувший год школы рабочих подростков стали на ноги, завоевали себе право на существование. Сейчас в школах фабзавуча обучается около 50.000 подростков, и дело это развивается все больше и больше.

В свое время, высказываясь по поводу заводского ученичества, я напоминала, что Маркс подчеркивал в „Капитале" громадное значение соединения обучения с производительным трудом.

В этом соединении он видел не только „метод повышения общественного производства, но и метод производства всесторонне развитых людей". В „Критике Готской программы" он писал: „Соединение производственного труда с обучением является могущественным средством преобразования современного общества".

Эти слова Маркса особенно уместно напомнить с'езду школ рабочих подростков.

Первый с'езд школ рабочих подростков происходит в момент, когда первый этап революции — защита Советской республики от внешних и внутренних врагов — пройден. Советская республика отвоевала свое право на существование; теперь мы вступили во второй этап: необходимо укрепить материальную базу Советской республики. Эта задача для нашей отсталой, истощенной войной империалистской, войной гражданской, измученной голодом страны чрезвычайно трудна. Она была бы непосильна, если бы страна не прошла через горнило революции, если бы сознание того, что наша Советская республика является опорным пунктом мировой социальной революции, не воодушевляла рабочий класс РСФСР на величайшие подвиги

на фронте труда. Только этот энтузиазм служит нам порукой, что все препятствия будут преодолены.

Само собой, центральным вопросом на с'езде школ подростков будет вопрос о том, как наиболее целесообразно и производительно поставить подготовку квалифицированной рабочей силы. Но необходимо также уделить достаточно места и вопросу о том, как построить занятия так, чтобы школы рабочих подростков подготовляли не только квалифицированных рабочих, но также и рабочих сознательных; эти две задачи должны слиться воедино. Без революционного энтузиазма нельзя победить разруху даже силами квалифицированных рабочих. Необходимо, чтобы над школами подростков веял дух революции.

Может, в начале, когда революционная атмосфера улицы захватывала подростка своей эффектной стороной, отсутствие продуманной программы занятий по обществоведению не имело еще такого большого значения; но теперь, когда революция пошла на углубление, необходимо обратить самое серьезное внимание на социально-общественное воспитание рабочего подростка в школе. Школа рабочих подростков должна давать не только те знания, которые имеют непосредственное отношение к делаемой подростком работе—счет, сведения по химии, механике, грамотность, — но также и те знания, которые делают из рабочего строителя новой жизни, сознательного коммуниста.

Обращается ли внимание на эту сторону дела в наших школах фабзавуча?

Не обращается совершенно.

Возьмем программы, предлагаемые Главпрофобром для школ подростков по слесарно-токарной, слесарно-кузнечной и столярно-мебельной, красно и белодеревщицкой специальностям. Какое там соотношение между работой в мастерской и работой в школе? Из 167 годовых часов 107 часов уделяются работе в мастерской, 60 час. — работе в классе; но из этих 60 часов классных занятий на обществоведение уделяется лишь 1,5 годовых часа.

Буржуазные школы заводского ученичества в Америке и Германии (довоенные) половину времени уделяли на занятия в классе, и из этой половины времени гораздо больше времени уделяли на общественные науки. А в стране, где,

предполагается, рабочие должны перестроить всю жизнь в коммунистическом духе, на обществоведение уделяется меньше 1,5 годового часа. При чем надо иметь в виду, что в американские и германские школы ученики приходят, проучившись в общеобразовательной школе 6 лет, а у нас 2—3 года.

Нельзя же так перегибать палку и из одной крайности бросаться в другую. Квалификация—дело нужное, необходимое: но нельзя отдавать ей все время, совершенно забывая о личности ученика.

Или предполагается, что после 8-часовой нагрузки ученик будет пополнять пробелы в своих знаниях путем самообразования? Чудные мы люди!

Как учить обществоведению, нигде ничего не говорится в программах школ рабочих подростков.

Не входит в круг занятий учеников фабзавуча и изучение организации труда—ни в мастерской, ни в обществе, не входит и гигиена, не входит и гимнастика.

Школа с такой программой не имеет в виду готовить сознательного рабочего, понимающего задачи производства и задачи своего класса.

Программы школ рабочих подростков должны быть пересмотрены на с'езде школ рабочих подростков. Обществоведению и организации труда должно быть отведено в них неизмеримо большее место.

„Правда" № 215, от 24/IV 1922 г.

ПРОЕКТ ШКОЛЫ НА БОНДЮЖСКОМ ХИМИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ

Основным принципом единой трудовой школы является ее тесная связь с жизнью. Трудовую школу нельзя построить бюрократическим путем. Можно завести сколько угодно самых дорогих мастерских, поставить туда преподавателей трудовых процессов, но все это будет мертворожденным делом, если производительный труд детей будет оторван от живой жизни, и производительность этого труда будет отвлеченная. Поясню примером: сделать табуретку, вообще говоря,—производительный труд, но если ребенок не видит, что сделанная им табуретка действительно нужна, что это то, что следовало сейчас делать, чтобы помочь благоустройству домашней или общественной жизни, производительный характер труда в значительной степени поблекнет.

Живую, жизненную школу возможно построить только в тесном общении с представителями трудового населения, при их непосредственном участии.

Чтобы правильно построить программу школы II ступени, надо прежде всего обратиться к рабочим того завода, на котором устраивается школа, и сообща обсудить с ними программу школы.

Возьмем Бондюжский химический завод (Казанской губ. Елабужского уезда). Как должна быть там организована школа II ступени. Несомненно, основным предметом, на котором придется особо подробно остановиться при прохождении курса естествознания, это будет химия. Рабочие завода, вероятно, сумеют устроить так, чтобы заводская лаборатория несколько часов находилась в распоряжении школы. Смогут устроить так, что подростки II ступени будут по очереди

пару часов в день работать в каких-либо мастерских завода. Установление очереди и пр. должно быть поручено самим подросткам.

Так как большинство материала получается в окрестностях, только часть привозится с Урала, то подростки должны хорошо уметь распределять состав почвы и знать геологическое строение местности, что невозможно без общего знакомства с геологией. Значит, и на эту часть естествознания придется обратить особое внимание.

Ученики должны также знать способы добывания веществ, необходимых для работы на заводе. Очень хорошо было бы, если б подростки принимали участие в артелях по добыванию сырых материалов для завода и исполняли бы там посильную работу. Если есть сырье, которое привозится, например, с Урала, важно бы организовать экскурсию учеников на Урал, конечно, подготовив ее (распределив, кто будет зарисовывать виденное, кто делать записи и пр.) Такая поездка может очень много дать. Связать надо ее с историей Урала, которая будет исходным пунктом для изучения русской, а отчасти и всемирной истории. Тут подростки могут помогать в библиотеке по составлению и рисованию плакатов, иллюстрирующих разные исторические моменты. История должна отметить и национальный вопрос, играющий такую большую роль в Казанской губ.

Важна постановка преподавания русского языка для татар и татарского для русских. Изучение одного иностранного языка должно быть обязательно для тех и других.

Затем необходимо обратить внимание на умение точно фиксировать действительность: снимание планов, чертежи и рисунки, статистические обследования. Под осткам II ступени завод или отдел земледелия могут поручать необходимые им статистические обследования.

Точно установленное настоящее положение вещей сравнивается с прошлым, и тут опять необходимо возвращение к истории человечества. История последних лет заканчивается изучением советской конституции, изучением современного строя. Практическая работа при Совете поможет ученикам II ступени понять функции Совета.

Так как на Бондюжском заводе дети живут в таких условиях, что, с одной стороны, они наблюдают заводскую жизнь,

а с другой—сельско-хозяйственную, то в программу II ступени надо ввести и изучение земледелия, теоретического и практического. Значит, и в эту сторону надо расширить изучение естествознания.

Условия, в которых живут дети на Бондюжском и на большинстве уральских заводов, способствуют как нельзя лучше постановке **политехнического** всестороннего образования.

Умение говорить, умение описывать точно и ясно, умение выбрать самое нужное, самое существенное при деловых отчетах, умение образно, картинно описывать событие или местность, то или иное переживание—достигается общей постановкой работы. Не только на уроках русского языка вырабатывается умение писать. Оно является результатом всестороннего наблюдения и переработки виденного.

Как изучение языка, так и изучение математических соотношений, математических законов проводится не только на специальных уроках математики, но проходит красной нитью через все занятия. Статистические работы, работы землемерные, изучение работы завода во всех ее деталях и пр. дадут богатейший материал для изучения математики. Самое важное—развить математическое мышление,—и тогда математика будет изучена сравнительно легко.

Наконец изучение анатомии и физиологии человека в связи с гигиеной и санитарией даст возможность ученикам выполнить целый ряд работ по санитарии.

„Народное Просвещение"
№ 53—55 от 4/VIII—1919 г.

ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ В ШКОЛЕ ФАБЗАВУЧА

Школы фабзавуча входят в единую систему народного образования РСФСР. Они по существу дела являются одним из типов единой трудовой школы. Главную особенность школы фабзавуча составляет то, что общеобразовательная часть программы, обязательная в настоящее время в школе фабзавуча в об'еме программы 1-го концентра, базируется на теоретическом и практическом изучении той или иной отрасли фабрично-заводской промышленности.

База, подводимая под трудовую школу типа школ фабзавуча, особенно ценна тем, что изучаемое производство является не ремесленным, а имеющим будущее, крупным машинным производством, тем, что в школах фабзавуча в основу кладется не искусственно созданное при школе производство, а сама школа строится при производстве, играющем ту или иную роль в общем производстве страны. Чрезвычайно благоприятной предпосылкой в школах фабзавуча является также тесная связь школы с рабочими завода, общая атмосфера труда.

Однако благоприятные условия, имеющиеся на-лицо в школах фабзавуча для развития их в дополнительную трудовую школу, дающую возможность учащемуся стать квалифицированным умелым рабочим и сознательным хозяином производства, обычно очень плохо используются, и школа фабзавуча на практике сплошь и рядом совсем не то, чем она должна быть. Сейчас задача в том, чтобы научиться благоприятные условия использовать.

Остановимся подробнее на обществоведении. Оно в школах фабзавуча в большом загоне, и часов ему мало отводится и ставится оно по-старинке и потому не пробуждает оно никакого интереса в ребятах, которые им тяготятся.

Как проходить обществоведение в школах фабзавуча? Пройти надо программу обществоведения 1-го концентра. Расположение материала будет иным, чем в других школах 1-го концентра, но учащиеся фабзавуча должны приобрести в результате те же сведения по обществоведению, что и в других школах.

Как строить курс? Этот вопрос должен быть серьезно обсужден и разработан. Мне дело представляется так.

Начинать надо с изучения своей фабрики. Изучение фабрики должно быть всесторонним, изучаться должна не только техническая сторона, но и общественная жизнь рабочих фабрики, их экономическая и политическая организации, их быт. При этом фабрика должна изучаться не как нечто изолированное, должны быть прослежены все связи фабрики с окружающим: выяснена роль данной фабрики в общем хозяйстве страны, выяснена роль обмена, транспорта и особенно прослежена связь фабрики с деревней, выяснена их взаимная связь.

При изучении условий труда, величины заработной платы, длины рабочего дня, жилищных условий рабочих и т. п. необходимо все это связывать с экономической организацией рабочего класса—с профсоюзной борьбой, а профсоюзную борьбу брать в международном масштабе. Затем надо, на примере фабрики, показать связь между экономикой и политикой и вскрыть сущность советского строя. И опять надо говорить о тесной связи интересов рабочего класса и крестьянства, выяснить значение рабоче-крестьянской власти.

Следующим этапом должно быть прошлое фабрики и прошлое данной отрасли промышленности (включая и положение рабочих, их прошлую экономическую и политическую борьбу). И так как опять-таки все это должно изучаться на фоне хозяйственной и общественной жизни страны, то изучение прошлого страны выступит достаточно ярко. Тут деревня будет выступать особенно выпукло. Именно, подходя к изучению фабрики в историческом разрезе, удобнее всего подвести учащихся школ фабзавуча к изучению вопросов о роли крестьянства в истории России. Исходя из недавнего капиталистического прошлого, в котором мы стоим еще обеими ногами, которое хватает нас на каждом шагу и о котором фабрично-заводским подросткам особенно легко дать представление и при изучении настоящего и прошлого фабрики,—надо итти дальше и дальше вглубь истории и таким образом освоить ребят

с идеей эволюции, на истории нашего прошлого ознакомляя ребят с принципами исторического материализма.

Последним этапом должна быть „фабрика будущего"—опять-таки на фоне общественного строя. Тут нужно очертить коммунизм, выявить свое лицо и показать, что капитализм неизбежно должен уступить место коммунизму. Надо выяснить, что советский строй, это—переходный строй от капитализма к коммунизму.

Поставив в центре изучения фабрику, можно пробудить у ребят громадный интерес к обществоведению.

Важно только, чтобы детально был разработан план, чтобы в этот план входило всестороннее и широко поставленное изучение фабрики, надо точно наметить все вопросы, которые надо последовательно осветить, подготовить все материалы.

Надо ребятам раз'яснить важность для рабочего знания фабрики, понимания вопросов, тесно связанных с ее работою и жизнью. Важно также дать общий план изучения, разбить его на части, выработать вместе с ребятами план на текущий год, разбить этот план на месяцы и вырабатывать коллективно план изучения на ближайший месяц.

Вышеупомянутый подход к постановке занятий в школе фабзавуча делает безусловно необходимым участие в работе школы фабзавуча рабочих данной фабрики: своим знанием дела, своим опытом они помогут поставить дело на должную высоту. Они могут, содействуя работе школы фабзавуча, и сами очень многому научиться. Вот почему школа фабзавуча должна стать любимым детищем культкомиссии, должна стоять в центре ее внимания.

Мы не станем останавливаться подробно в данной статье на методах работы в школе фабзавуча. Укажем только, что трудовой метод, о котором так много говорится, в школе фабзавуча легче поставить, чем где бы то ни было. Надо только уметь связать о р г а н и ч е с к и производительный труд с обучением.

Ставя в центр занятий изучение фабрики, мы создаем тем самым предпосылки для развития широкой самодеятельности и наблюдательности у ребят.

Очень важно в ходе работы давать ребятам материал д л я с р а в н е н и я как из области техники, из области производственной, так в особенности и из области общественной.

Чтение таких брошюр, как „Жизнь русского рабочего 50 лет тому назад" из воспоминаний Свирского, или картинок быта, работы на заводе европейского или американского рабочего (например, много материала можно извлечь из романа „Товарищ Иетта", из романов Уптона Синклера и пр.), очень полезно. Только сравнение может помочь осознать многое. С этой точки зрения, очень полезны и всякого рода экскурсии в другие предприятия, дающие возможность сравнений и самостоятельных выводов.

Не менее важно, чтобы все добытые сведения, данные, все материалы сводились воедино и где-то фиксировались.

С одной стороны, это может быть достигнуто тем, что ученики будут записывать все то, что им удалось проследить и узнать, в особые тетрадки, а также общими силами будут составлять сборник „Наша фабрика", снабжая его рисунками, чертежами, диаграммами.

Одновременно с этим культотдел фабрики должен поручить школе фабзавуча организовать производственный музей, где бы был собран материал, отражающий жизнь фабрики в целом. Работа по изучению фабрики должна самым наглядным образом отражаться в производственном музее.

Такого рода музей может иметь вообще очень большое значение для постановки производственной пропаганды на фабрике.

Пусть дело начнется с малого, постепенно такой музей будет расти, освещать все более и более все стороны жизни фабрики и станет мало-по-малу культурным центром, имеющим большое значение для всей фабрики.

1923 г.

СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И РКСМ *)

Чем, товарищи, характеризуется буржуазная система воспитания? Она характеризуется не тем, что там существуют две ступени, а тем, что существуют всякие препятствия перехода из первой ступени во вторую. Программы первой и второй ступени нарочно не согласуются. Вторая ступень имеет свои подготовительные классы, в которые поступают дети буржуазии. Они, естественно, из этих подготовительных классов могут переходить во вторую ступень, а во вторую ступень из народной школы поступать трудно, потому что программа составлена так, что приходилось держать экзамен, этот экзамен был особенно затруднительным. Нарочно вводятся в младших классах средних учебных заведений такие предметы, которые в народной школе не проходятся, и надобны особенно героические усилия для ученика народной школы, чтобы овладеть этими предметами, хотя по другим предметам он обладает гораздо большими знаниями. Точно так же между средней и высшей ступенью устраиваются разные затруднения, чтобы нельзя было из второй ступени перейти в высшие учебные заведения. Дальше я буду говорить, что у нас есть плохого. Но если мы говорим о системе народного образования, то, конечно, нельзя говорить, что в Советской России сейчас существует буржуазная система образования. Переход из школы первой ступени в школу второй ступени и далее совершенно свободен. И вот это коренное отличие от буржуазной системы. Буржуазная система имела две системы школ: школу для буржуазии и школу для народа.

*) Речь на V Всероссийском с'езде РКСМ.

Вот почему рабочий класс всех стран выдвигает лозунг единой трудовой школы, т. е. такой школы, в которой легко переходить из одной ступени в другую, из самых низших ступеней переходить до университета. Если мы отбросим лозунг единой школы, то мы отбросим тот лозунг, который выдвигает пролетариат во всех странах, как требование пролетариата, который облегчает ему продвижение в высшую ступень к овладению знаниями.

У нас школа действительно очень плоха и плоха она потому, что мы слишком много хотели захватить, а сил-то у нас не было.

Для того, чтобы создать школу, надо создать ей соответствующую программу и соответственный педагогический персонал. И поэтому нам надо говорить о том, как хорошо поставить школу второй ступени, а не говорить о том, что достаточно для рабочего ограничиться первой ступенью, четырьмя годами. Конечно, рабочий должен знать, как можно больше.

С первых дней существования Наркомпроса приходилось по поводу профобразования вести борьбу со старой профессурой, и мне лично приходилось не на одном собрании присутствовать, а на целом ряде собраний, на которых Наркомпрос занимал эту позицию. Мы говорили: теперь надо рабочему быть не только простым исполнителем, не только овладеть техническими навыками, а потому ему также надо приобрести и те знания, которые делают его хозяином производства. В ответ на это мы встречали со стороны профессуры гробовое молчание, они говорили: рабочему нужны обыкновенные ремесленные школы. Тот полемический характер, который всегда принимают наши споры о проф. школе, и об'ясняется тем, что нам в начале существования Наркомпроса пришлось с профессурой выдержать в этом направлении большую борьбу. Старая профессура хотела оставить старую ремесленную школу, куда, конечно, никакой союз молодежи не был бы допущен.

Старая ремесленная школа носила определенный характер: воспитывались исполнители, которые могут только в чужом заводе по чужой указке работать. Мы хотим создать такого рабочего, который мог бы работать технически, но в то же самое время ясно понимал бы все перспективы производства.

Вот тов. Шохин возмущался словом „политехническая" школа. Но ведь надо разъяснить, что значит термин „политехническая школа". Значит ли это многоремесленная школа. Правда, некоторые так и понимали эту политехническую школу. Но это совершенно превратное и неверное представление о ней. Политехнической школой называется такая школа, которая дает ясное представление о всем процессе производства, которая дает представление о том, как организовано производство во всей стране, как организовано производство в отдельных предприятиях, которая дает представление о всем производстве в целом и в соотношении между всеми отдельными производствами. Коммунисту знать это чрезвычайно необходимо, особенно сейчас, в такой момент, какой переживает Советская Россия и переживает весь мир. Старая хозяйственная система, старая капиталистическая система сейчас умирает. Нарождается новая система, коммунистическая, которая должна быть построена на планомерном производстве. Но для того, чтобы задачу поставить, надо ее ясно понимать. От того, что мы этого не знаем, мы на каждом шагу терпим поражения.

Если бы мы знали, если бы рабочий это знал, строительство Советской России шло бы во много раз успешнее. Мы на собственной шкуре постоянно, ежечасно испытываем недостаток понимания у нас общественной организации. Вот политехническая школа и есть такая школа, которая дает представление об организации производств. Вот такую политехническую школу защищал Маркс, защищают ее и коммунисты. Политехническая школа—это не такая школа, которая когда-то в будущем будет достигнута; она необходима нам сейчас, сию минуту, потому что мы смотрим на рабочего не так, как смотрела буржуазия; мы считаем, что рабочий должен быть не только исполнителем, но в то же время и хозяином производства. Вот такую точку зрения защищал Наркомпрос против профессуры, которая считала, что достаточно с рабочего и ремесла, и вот почему разгорелись так страсти, когда Наркомпрос Украины выдвинул вопрос о том, что надо-де уничтожить совершенно среднее образование, а надо начинать обучение ремесленное как можно раньше. Это, конечно, совершенно непра ильная точка зрения, потому что она приближается к точке зрения профессуры. Сейчас и т. Шохин говорил, что надо опираться на семилетнюю школу, т. е. на I и II

ступень. Я не буду говорить о том, что теперешняя наша II ступень хороша. Я первая веду войну с нашей II ступенью и с тем подходом к обучению во второй ступени, который у нас существует.

Мы говорим о трудовой школе. Трудовая школа—нельзя сказать, чтобы она нигде не была осуществлена,—но осуществлена в чрезвычайно редких случаях. Тут по-моему задача состоит в том, чтобы построить правильно эту первую и вторую ступени. А поэтому надо, чтобы молодежь помогала Наркомпросу поставить эту правильную систему, построить II ступень в том виде, в каком она нужна рабочему классу, как она нужна рабочей молодежи. Что значит так называемая образовательная школа и как мы ее мыслим?

На с'езде Губоно, который сейчас происходит, и на конференции опытно-показательных школ, которая перед этим была, я защищала определенную программу II ступени. Я говорила, что старые программы не имели в себе того, что немцы называют „спинным хребтом". Были отдельные предметы. Эти отдельные предметы не были связаны между собой никакой внутренней связью.

Я предлагаю в программе за основу взять трудовую деятельность людей и организацию физического и умственного труда. В наших старых школах об этом говорили очень много. Очень мало говорили о том, как надо организовать свою умственную и физическую деятельность. А это надо подробно об'яснить и не только об'яснить, но и показать на деле. Если мы посмотрим, как работают наши курсанты совпартшкол, то увидим, что они растрачивают очень много сил и энергии зря. И что часто даже в совпартшколах не обучают тому, как работать надо. А между тем, чтобы овладеть знанием, надо, прежде всего, научиться работать. И школа II ступени должна этому обучить и показать на практике.

Затем организация труда. Надо, чтобы ученик II ступени ясно имел представление о том, как организовать труд в ремесле, в мануфактурном производстве, на фабриках, в предприятии. Мы говорим о производственной пропаганде и указываем, какое она огромное значение имеет среди взрослых. Но тем более это важно для школьников II ступени. Затем надо еще один вид организации труда преподать ученикам II ступени: необходимо показать, как организован был труд

в обществе капиталистическом, как в нем не было никакой планомерной организации труда, какой там был в этом отношении хаос, и указать, что в коммунистическом обществе должна быть строго продуманная планомерная система производства, где не было бы растраты сил и энергии. Только когда это ученик узнает, он поймет, что такое коммунизм. Но трудовая деятельность людей не происходит вне времени и пространства. Она происходит над определенными предметами живой и мертвой природы. Поэтому надо научить, как можно воздействовать на эти предметы—уголь, руды, минералы, нефть и прочее. Все это надо изучить под углом зрения трудовой деятельности людей. Точно так же и неживую природу. Вот одна часть программы — естествознание. Затем дальше идет другая сторона—общественная жизнь людей. Ее надо ясно понимать всякому учащемуся II ступени, как мы, марксисты, понимаем. Мы понимаем, что в основу кладется трудовая деятельность людей, ее организация, деление общества на классы. Затем необходимо показать, как идет борьба между классами, как появляется классовое господство при помощи государства, указать классовое мировоззрение. Все это надо показать и обосновать на организации труда. Если мы так построим программу, будет она профессиональной или общеобразовательной?

Профессиональной ее назвать нельзя, потому что „профессиональная" означает школу приобретения навыков и умения обращаться в одной определенной области труда, а тут говорится о всех областях труда. Но я думаю, что, подходя с той точки зрения, что рабочим нужно приобретать не только навыки и умения, но также и общий взгляд на организацию труда, нужно сказать, что такая программа должна войти непосредственно в общее образование, что это—общеобразовательная программа и в то же время она является политехнической программой.

Конечно, построенная таким образом программа необходима каждому рабочему. И вот тут наше разногласие с т. Шохиным, вероятно, кончится, потому что против школы второй ступени, построенной так, он вряд ли будет возражать. Его ненависть к школе второй ступени естественна, поскольку школа второй ступени держалась старой программы и шла по течению. Но это касается не системы, а лиц. Мы имеем школы первой

ступени, после нее второй ступени и затем переход в высшее учебное заведение. Рабфаки—это только временная школа, которая устраивается потому, что вся рабочая молодежь выросла вне всякой школы и должна где-нибудь получить подготовку.

Теперь остановлюсь на школах фабзавуча. Школа фабзавуча имеет чрезвычайно большую ценность, потому что это не ремесленная школа, не школа старого типа, так называемая профессиональная школа. Нет, школа фабзавуча является профессиональной только до известной степени, потому что она берет живое производство. В этом живом производстве происходит обучение навыкам, и потом эти навыки должны освещаться теоретически. Вот что значит школа фабзавуча. Она должна создать нового квалифицированного рабочего, какого требует не ремесленная промышленность, а индустрия. Важно, чтобы в школах фабзавуча готовились не ремесленники, а именно тот тип рабочих, который необходим для крупной промышленности, такой тип квалифицированных рабочих, какого у нас чрезвычайно мало, но который так нужен нашему производству.

Теперь я вкратце повторю все, что я сказала. Значит, буржуазная система отличается несколькими перегородками между разными ступенями. Советская школьная система не является буржуазной. В ней очень много старых пережитков в том отношении, что программа старая, учителя старые и нужно воспитывать новых учителей. Воспитать нового учителя можно, взяв его только из рабочей среды, перевоспитав и открыв перед ним все задачи, которые должны стоять перед школой. Нужно создать нового учителя, новые программы, новые методы. Одним словом, нужно эту школу второй ступени построить на новых началах, но выбрасывать вторую ступень, самое по себе, не имеет никакого смысла, потому что это означало бы, что рабочие подростки обрекаются на полуграмотность, а это, конечно, в Советской России недопустимо, и против этого наша партия должна самым решительным образом бороться. Вот почему коммунистическая партия и стоит на точке зрения единой трудовой школы и школы политехнической в том смысле, в каком сейчас я развивала эту точку зрения.

ШКОЛА КРЕСТЬЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

На заседании научно-педагогической секции Гуса обсуждался вопрос о школе крестьянской молодежи.

Вопрос о школе I ступени (4-летке) в деревне идет по правильному руслу. Только что вышедший первый выпуск новых программ, составленных на основе схем, принятых последним с'ездом соцбосов, дает для сельской школы программы с ярко выраженным сельско-хозяйственным уклоном. Теперь стоит вопрос о подготовке учительства для этой работы и о подборе соответствующих учебников. Много надо сделать, но работа идет по правильному пути. Другое дело со школой крестьянских подростков. Ребятам, кончившим четырехлетку, негде учиться дальше. Школ, приспособленных к условиям и потребностям крестьянской жизни, в деревне еще нет. Школ второй ступени в деревнях ничтожное количество, а те, которые есть, очень далеки от жизни и являются своего рода пропускным пунктом для детей зажиточных крестьян, желающих вывести своих детей „в люди", дать им возможность уйти от тяжелой крестьянской работы, перебраться в город и поступить либо в вуз, либо куда-нибудь на службу. С.-х. профтехнических школ также очень мало, да и они готовят не сознательного крестьянина, а служащего совхоза. Школы же, обслуживающей потребности деревни, нет. А нужда в ней очень остра. Особенно живо ощутил эту нужду Комсомол, у которого больше всего связей с крестьянской молодежью, страстно рвущейся к знанию. Не случайность поэтому, что именно ЦК РКСМ внес в Наркомпрос проект школ крестьянской молодежи. Тезисы доклада ЦК РКСМ в основном приняты научно-педагогической секцией Гуса: создается новый

тип трудовой школы, строящейся над четырехлеткой. Курс этой школы длится три года. Он должен давать тот же образовательный минимум, что и первый концентр школы II ступени, но школа эта должна базироваться на с.-х. труде, общее образование должно быть тесно спаяно с сельско-хозяйственным и как бы вырастать из него. В этом залог успеха этой школы.

Школа крестьянской молодежи должна быть как можно ближе к жизни, строиться на учете потребностей местного крестьянского хозяйства и найти такие формы работы, которые сделали бы ее близкой и понятной крестьянину. Надо, чтобы школа рабочей молодежи врезывалась в крестьянскую жизнь, у всех была на виду, привлекала всеобщее внимание, чтобы она стала настоящим культурным центром, играющим в жизни деревни серьезную роль.

Дело это новое, требует большого внимания к себе, тут надо прокладывать новые пути.

Школа крестьянской молодежи должна еще сложиться, нащупать почву. Было бы преждевременно уложить ее в один какой-либо тип. Она должна быть очень гибка и внимательно учитывать все условия. Например, в тех местностях, где в деревне избыток рабочих сил, можно, может быть, вести летом главную часть практической работы, выдавая ученикам за эти работы заработную плату; в других местностях, где труд подростка в хозяйстве необходим, летние занятия можно сделать обязательными только на третий год, а первые два года устраивать занятия лишь по воскресеньям и в периоды межпарья, инструктируя учеников, какие наблюдения производить, давая им советы в их домашней работе и организуя их работу дома по „методу проектов". Американцы широко практикуют этот метод (подробно см. „Коммунистическое Просвещение" № 3(9), который заключается в том, что ученик составляет какой-нибудь проект работы у себя в хозяйстве: развести столько-то кроликов, откормить пару свиней, обработать известное количество земли, разбить огород и пр. Школьный агроном изучает условия, при которых работа будет производиться, дает оценку проекта или отвергает его, или же указывает, как надо улучшить условия работы. Между учеником, родителями и школой заключается договор: ученик обязывается произвести такую-то работу, родители—не препятство-

вать ей дать ученику такие-то и такие-то средства, такой-то и такой-то инвентарь и т. д., школа обязывается помочь тем-то и тем-то. В обсуждении вопроса о наиболее целесообразном осуществлении проекта принимает участие либо весь класс, либо определенная группа учеников, которые потом следят за ходом работы заключившего договор ученика. „Метод проектов" тем хорош, что он сразу тесно связывает школу и с населением, и с местным производством, вмешивается в живую жизнь.

Будут ли проходить в школе крестьянской молодежи лишь агрономию, либо еще что, имеющее отношение к местному производству,—это в каждом отдельном случае решается особо: каждый случай должен индивидуализироваться в зависимости от производственной картины района.

В одних случаях при школе может оказаться нужным иметь свое хозяйство, в других—практиковать договорную обработку силами школы земли маломощных крестьянских хозяйств по плану школы, в третьих—комбинировать и то, и другое.

Школа, обрабатывающая маломощные хозяйства, выполняющая для деревни те или иные мелиоративные работы, работающая по методу проектов, оплачивающая летнюю работу учеников, завоюет быстро симпатии крестьянства и, при умелом ведении дела, превратится в жизненный культурный центр нового типа.

Школа крестьянской молодежи строится над первой ступенью, но в нее, конечно, должен быть открыт доступ не только подросткам 13—14 лет, но и всей крестьянской молодежи вообще. Для слабограмотных при школе должны быть организованы особые классы, где бы они могли подучиться и овладеть необходимыми им общеобразовательными знаниями. В дальнейшем школа должна будет держать связь с кончившими учениками, время от времени устраивать с ними краткие 2—3-дневные занятия. При школе должны также устраиваться открытые для всего населения доклады, лекции, выставки.

Необходимое условие для развития школы крестьянской молодежи—это наличие достаточно подготовленного педагогического персонала, во-первых, постоянного руководства—во-вторых. При сельско-хозяйственных вузах должны бы быть в этом же году открыты педагогические факультеты (на стар-

ших курсах в особенности). Доступ на педагогические факультеты с.-х. вузов должен быть открыт не только студентам, но и другим лицам с достаточной агрономической подготовкой. Если бы на это дело приналечь, за год можно бы многое сделать. Что касается руководства школами крестьянской молодежи, то необходима их тесная связь опять-таки с теми же с.-х. вузами и с.-х. техникумами, на обязанность которых должно лечь оказывание всяческой помощи вновь создаваемым школам. Что касается средств, то средства на такую школу не могут не найтись. Создание школы крестьянской молодежи, столь насущно необходимой деревне, должно стать очередной боевой задачей партийных и советских органов. Все должны помочь этому делу, за которое уже взялся, со свойственной ему горячностью, РКСМ.

„Правда" 1923 г.

КОМСОМОЛЬЦЫ В ДЕРЕВНЕ *)

Теперь относительно учащихся. Все факты, все, так сказать, доклады товарищей с мест, товарищей коммунистов, указывают на то, что в школах замечается факт, что бедняцкие дети не посещают школы. У них нет ни обуви, ни одежды. Кулак находит всегда возможность обучить своих детей. Он поповской дочери платит за одного ученика столько, сколько не платит учителю вся школа. Он находит учителей и помимо поповской дочери,—которые научат детей кулака тому, что им надо знать, а бедняцкие дети в школу не ходят. Затем, товарищи, я не знаю, известен ли вам факт, что в некоторых местах совершенно перестали ходить в школу девочки. В Пензенской губернии есть села, в школах которых с начала войны, уже 10 лет, не было ни одной девочки. Мы говорим о ликвидации безграмотности и очень много делаем для нее, затрачиваем на это силы и внимание, а у нас безграмотность растет. Безграмотность колоссальная. Она растет с каждым днем потому, что дети и подростки вырастают безграмотными. Крестьянин говорит про методы преподавания в школе: что же, говорит, учат все „а“ да „б“, а тому, чтобы письмо написать, постановление записать, этому в школе, сколько ни ходят, не научатся. Конечно, учитель, который вынужден сидеть на печке, как бы он ни был начитан в области марксизма и в области методики, сделать ничего не сможет.

Нельзя точно также говорить так, как говорит наш Комсомол, который много делает в деревне, но который чрезвычайно горяч, который недоволен тем, как поставлена школа в деревне. Комсомол говорит: „Давайте приготовим в три

*) Из доклада на XIII с'езде РКП (б).

месяца комсомольцев и пошлем их в деревенскую школу" (комсомольцам надо итти в деревню, надо делаться учителями и руководителями деревенской работы,—это одна из основных задач Комсомола), но Комсомол должен помнить, что комсомолец от рождения далеко не все знает, что от вступления в Комсомол парень не делается всеведущим, что он должен учиться упорно, а в три месяца из него никакого учителя не выйдет. Он должен учиться в обычном порядке, он должен вклиниться в жизнь всех наших техникумов и вузов, он должен вести комсомольскую линию, превращая эти учебные заведения действительно в такие школы по подготовке учителей, которые нам нужны. Эти учебные заведения должны быть созданы.

Избы-читальни должны быть органически связаны со школами, как это мы видим в лучших избах-читальнях.

Над ними должны работать все организации. Недавно я прочитала одну брошюрку, где советовалось Союзу молодежи приезжать в деревню и ставить отдельно свою работу. Я думаю, что такого рода подход совершенно неправилен. Ни ячейки РКП, ни Союз Молодежи, ни Наркомздрав, ни Наркомзем не должны вести какую бы то ни было работу отдельно от работы изб-читален. Все они должны бить в один пункт.

На работу школ крестьянской молодежи должно быть обращено сугубое внимание. И я думаю, что Совнарком может дать достаточное количество средств на содержание просветительной работы в деревне и дать, не расширяя общего бюджета. Мы слышали из доклада тов. Каменева, что расширение бюджета пока невозможно, что это означало бы срыв денежной реформы. Поэтому надо найти источники для того, чтобы дать эти средства в деревню, не прибегая к расширению бюджета. Откуда взять нужные деньги? Во-первых, конечно, можно перераспределить иначе суммы между отделами Наркомпроса.

У нас, например, была горячка с вузами. Мы насоздали столько вузов, что я раз, присутствуя на докладе о постановке политико-просветительной работы и профессионального образования в московской промышленной области, услышала, что на одного подготовляемого квалифицированного рабочего приходится один подготовляемый руководитель, который выходит из наших вузов. Перспективы тут никакой нет. Должна

быть установлена перспектива. Не должно выбрасывать тысячи на школы фабзавуча там, где не нужно новых квалифицированных работников, а нужно первоначальное знание, когда на начальные школы даются совершенно жалкие гроши. Надо сдержать себя в смысле развития дальнейшей сети вузов, перераспределить существующую.

ПИСЬМО В ЦК РКСМ *)

Тезисы по-моему вполне хороши. Нужны лишь небольшие редакционные поправки:

1) Из существенных поправок хотела бы внести следующую: в п. 14 предлагаю выпустить фразу „школа крестьянской молодежи должна стать целиком и полностью детищем комсомола и среди учащихся Комсомол должен быть безраздельным политическим гегемоном". Не потому предлагаю выпустить эту фразу, что думаю, что школа не должна быть детищем Комсомола, но фраза очень уже звонкая—ведь надо знать, как вещи есть и как слаба в общем и целом еще сознательность деревенских комсомольцев. Брать же в школу надо ребят и не входящих в Комсомол. 12 лет — это возраст, когда политические взгляды и симпатии еще очень первобытны и 100 раз могут перемениться.

2) В п. 16 к словам „это должно проделываться путем постановки педагогической работы с оканчивающими студентами высших с.-х. заведений", добавить кто и как будет эту работу проделывать. Вопрос этот очень важен, но вышеприведенная формулировка придает делу сразу кустарный характер. Надо сказать: на старшем курсе с.-х. вузов открываются педагогические факультеты. Этого надо добиваться, иначе мы не будем иметь хорошо подготовленный педагогический персонал.

В п. 17 тезис 13 совершенно непонятен. Очевидно, что-то пропущено при переписке. Хорошо, может быть, было бы добавить пункт о том, что лучшие из кончающих школы крестьянской молодежи могут отправляться в трудовые командировки в культурные хозяйства внутри РСФСР или за-границу.

1923 г.

---

*) Письмо написано относительно тезисов о школе крестьянской молодежи.

ПИСЬМО В ЦК РКСМ О „ПРАЗДНИКЕ“ УРОЖАЯ

Дорогие товарищи, к сожалению, не смогу присутствовать на совещании, имеющем быть 30/VII, о чем очень жалею.

Директива по проведению „праздника урожая“, выработанная деревенской комиссией ЦК РКСМ, кажется мне правильной. Всячески приветствую инициативу ЦК РКСМ, которую он проявляет последнее время в деле развития работы среди комсомольцев деревни. Вы знаете, я очень осторожна в похвалах РКСМ, больше склонна ворчать по его адресу, но не могу не сказать, что меня очень радует, что РКСМ вплотную взялся за работу в деревне. Просматриваю сейчас брошюру Шохина — „Комсомольская деревня“, читаю ее с громадным интересом. Затем В. Н. Яковлева *) переслала мне проект, составленный ей Шохиным, „Школа крестьянской молодежи“. По существу я с ним вполне согласна, возражения имеются лишь по частным, второстепенным вопросам и то скорее не возражения, а замечания.

„Праздник урожая“ я считаю тоже очень важным делом. Это агитационный праздник, который может положить начало с.-х. пропаганде. Все, что мне придет в голову относительно того, как получше провести этот праздник, сообщу вам. В ближайшем будущем напишу вам подробно по этому поводу, а пока желаю всякого успеха в вашей работе.

29/VII 1923.

ПРИМЕЧАНИЕ:

*) В. Н. Яковлева—Замнаркомпроса, председатель Главпрофобра. Старая большевичка (член Московского окружного комитета перед октябрем. Секретарь МК РКП в 1920—21 г.).

„ПРАЗДНИК УРОЖАЯ"

РКСМ за последнее время все больше и больше обращает внимание на сельско-хозяйственную пропаганду в деревне. Об этом говорят и постановления III Всероссийской конференции РКСМ, и брошюра Андрея Шохина „Комсомольская деревня", посвященная учету обследования состояния и работы комсомольских ячеек в Тамбовской губернии, об этом свидетельствует проект организации школ крестьянской молодежи, внесенный в Наркомпрос РКСМ, свидетельствует наконец организуемый Комсомолом в начале октября „праздник урожая".

Эту инициативу Комсомола надо всячески приветствовать. Наркомзем усиленно вел сельско-хозяйственную пропаганду в связи с ранней вспашкой пара и проч. и добивался иногда больших результатов, но его пропаганда носила, так сказать, судорожный характер, приурочивалась к известным кампаниям и требовала громадного напряжения сил. Чего ей не хватало— это прочной базы на местах, активных ячеек, ведущих сельско-хозяйственную пропаганду, на которые можно было бы опереться.

Сельско-хозяйственная пропаганда политпросветучреждений носила слишком случайный характер и также не имела базы.

Поэтому инициативу Комсомола должны поддерживать и Наркомзем, и Наркомпрос, и все сознательные элементы деревни.

РКСМ за последние годы многому научился, и прежде всего научился использовать все имеющиеся налицо силы в своих целях.

Приступая к организации „праздника урожая", ЦК РКСМ обратился прежде всего к партии, затем к Наркомзему, к Центросоюзу, к Главполитпросвету, к союзу работников земли и леса и друг.,—и заработала машина.

„Праздник урожая"—день широко поставленной сельскохозяйственной пропаганды, поэтому ясно, что первую скрипку должны играть тут агрономы,—они могут показать и рассказать, что и как надо делать, чтобы улучшить местное земледелие, рассказать о завоеваниях техники, о том, чего можно достигнуть путем приложения открытий науки к земледелию. К агрономам выпущено специальное воззвание, а Наркомзем дал директиву в административном порядке.

Громадную помощь правильному проведению „праздника урожая" могут оказать сельско-хозяйственные техникумы и ВУЗ, педагогические техникумы с сельско-хозяйственным уклоном и проч. В Соединенных Штатах сельско-хозяйственные ВУЗ'ы берут на себя роль организаторов сельско-хозяйственной пропаганды в стране, проделывая в этом направлении колоссальную работу. Такая постановка дела очень целесообразна, и в данном случае нам надо бы взять пример с Америки. Ячейки Комсомола в деревне были бы прекрасной базой для этой пропаганды. „Праздник урожая" является прекрасным случаем для того, чтобы наши сельско-хозяйственные техникумы и ВУЗ'ы начали работу в этом направлении.

Выпустил ЦК РКСМ обращение и к учительству. Он зовет учителя и школу принять участие в „празднике". Действительно, „праздник" является прекрасным случаем спайки между учителем и Комсомолом, с одной стороны, между учителем и агрономом—с другой. Ничто так не сближает, как участие в общей работе, как об'единение усилий.

Смычка между учителем и Комсомолом необходима, Комсомол в очень многом может помочь школе, внести много инициативы. Это особенно важно теперь, когда необходимо перевести школу на новый путь, поставить на новые рельсы. С другой стороны, учитель, если захочет, сможет сделать очень много для Комсомола, он может помочь ему в деле искания знаний,—эта помощь нужна молодежи. Кому же, как не учителю, прийти им тут на помощь? Конечно, смычка между учителем и Комсомолом возможна лишь при условии взаимного доверия. „Праздник урожая" является прекрасным случаем забросить семена этого доверия.

Не менее важна смычка между учителем и агрономом. Мы говорим о необходимости сельско-хозяйственного уклона в деревенской школе. Чтобы его проводить, учителю надо самому

что-либо смыслить в сельском хозяйстве; без этого он постоянно будет впадать в смешные ошибки, которые сейчас же будут подмечены учениками. Притом необходимо, чтобы учитель понимал больше в хозяйстве, чем средний крестьянин, тогда только крестьянин признает сельско-хозяйственный уклон школы и станет относиться к учителю с уважением. И учителю надо учиться сельскому хозяйству. Агроном может оказать ему в этом отношении громадные услуги.

Для детей, для школьников участие в „празднике урожая“ будет иметь также немалое значение. Впечатления детства оставляют след на всю жизнь. Поэтому учитель должен позаботиться о том, чтобы в этот день двери школы были широко открыты настежь, чтобы в школе читались в этот день лекции по сельскому хозяйству, показывались диапозитивы, происходили заседания. Ребята не должны изгоняться из школы; они - строители будущего—должны быть гостеприимными хозяевами школы, должны почувствовать, что и они вносят свою каплю меда в движение в пользу поднятия сельского хозяйства.

„Праздник урожая“ может пробудить в детях тот интерес к сельскому хозяйству, к усовершенствованию его, который необходим для школы с сельско-хозяйственным уклоном, необходим для успешных занятий в ней.

„Праздник урожая“ должен положить начало сельско-хозяйственным кружкам, где возможно, краткосрочным курсам по сельскому хозяйству, работе в этом направлении полит-просветучреждений, школы, молодежи, всех культурных сил деревни.

Шефы деревень именно в этот день могут особенно много помочь своим подшефным деревням, раздобывая для них сельско-хозяйственную литературу, лекторов по сельскому хозяйству, преподнося деревне какую-нибудь необходимую для сельского хозяйства машину и т. д.

„Праздник урожая“ может превратиться в настоящий культурный праздник.

Честь и слава РКСМ за хорошую инициативу и за горячее стремление провести ее в жизнь.

„Правда“ № 192. от 28/VIII 1923 г.

IV. О ДЕТСКОМ ДВИЖЕНИИ

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ

Буржуазия всех стран прекрасно знает, какую могучую власть имеют над человеком переживания детства, и потому она старается с ранних лет пронизать ребят своим духом. Усердно работает в этом направлении духовенство, усердно работают кадры послушных буржуазному правительству учителей, продажные детские писатели, жадные до наживы владетели кинематографов.

Последние годы, когда под влиянием войны обострилась классовая борьба, обострилась и борьба за детскую душу. Буржуазия широко использовывает бойскаутские методы, чтобы организовать ребят в верные старому строю отряды. Буржуазия прекрасно знает силу организации и не дремлет. Она внимательно изучает потребности и интересы детского возраста и старается придать детскому движению такие формы, которые увлекали бы детей, производили бы на них сильное впечатление, давали бы простор их самодеятельности.

Типичная форма буржуазного детского движения, куда буржуазия стремится втянуть как можно больше пролетарских ребят, это - бойскаутизм. Лагеря, костры в лесу, увлекательные игры, спорт—все это так захватывает ребят, что они и не замечают, как незаметно опутывают их в этих организациях сетью буржуазного мировоззрения, как воспитывают из них послушных рабов капитала. По тому же типу, как бойскаутизм, построена в Италии фашистская детская организация „Балила". Коминтерн Молодежи, при поддержке коммунистических партий, стремится с своей стороны организовать коммунистическое детское движение. Оно организует пролетарских ребят, помогая им защищать свое человеческое достоинство, уча отстаивать

свои убеждения: отстаивать товарищей перед лицом учителей, перед лицом полиции и т. д.

Очень хорошо организованы детские группы в Германии. Ребята не позволяют себя бить в школе, отказываются петь патриотические песни, отказываются читать молитвы, помогают рабочим собирать на стачки, делают сборы помощи голодающим детям, за что их нередко таскают в полицию, где они мужественно держатся. Детское движение организует ребят, воспитывает в них волю к борьбе, мужество. Детские группы в Германии—своего рода боевые организации.

У нас в России также стало развиваться детское движение. Участники этого движения, ребята с 11 до 14 лет, называются „юными пионерами"; работают с ними почти исключительно комсомольцы. В СССР государство в руках рабочих и крестьян, и если в буржуазных странах государственная власть стоит всецело на точке зрения буржуазии и старается всячески помешать детскому коммунистическому движению, то у нас дело как раз наоборот. И могущественная у нас коммунистическая партия и Комсомол могут беспрепятственно и широко помогать развитию детского движения. Наркомпрос и все другие советские организации идут навстречу ребятам. Возможности открыты для движения широкие.

Важно, чтобы пионерское движение как можно теснее было связано с рабочими организациями и особенно с работницами.

Что могут сделать работницы для юных пионеров?

Прежде всего сознательные работницы могут повести широкую агитацию среди малосознательных работниц и крестьянок, об'ясняя им, что такое „юные пионеры".

В пролетарской семье дети часто предоставлены самим себе. Отец работает на фабрике, мать тоже, а если и не работает, то завалена заботами о семье, стряпней, стиркой, поденщиной. Дети мыкаются без призора, легко подпадают влиянию улицы, а если и сидят дома, то видят мало радости: не до них родителям. Участие в организации „юных пионеров" даст им общение с товарищами, даст много радостных переживаний, даст знание борьбы рабочего класса, пробудит их любознательность. Все это надо растолковать тем работницам и крестьянкам, которые недовольны, что ребята вступают в пионеры, ругают их за это. Надо об'яснить им, что поступать в пионеры девочкам не менее важно, чем мальчикам. Девочек не надо держать

привязанными к дому, надо, чтобы они с ранних лет приучились быть в одних организациях с мальчиками, быть с ними на товарищеской ноге; это имеет большое значение для дальнейшего развития девушек, да и мальчиков тоже. Необходимо, чтобы с ранних лет девочки интересовались общественными вопросами, учились итти нога в ногу с коллективом, проникались общественными инстинктами.

Дети жадно слушают рассказы взрослых. Пусть работницы, много переживши, расскажут юным пионерам о пережитом: как приходилось бороться с фабрикантами, как можно было чего-либо добиться лишь путем упорной борьбы, как тяжело жилось рабочим и их семьям при царизме, как трудно было рабочему человеку пробиться к знанию в те времена; пусть они расскажут пионерам о войне, о своем участии в революции, о борьбе с белыми и т. д., и т. п.

„Юные пионеры" хотят работать, хотят иметь умелые руки: им надо много уметь, и они готовы учиться у всякого, кто может научить их. Работницы умеют многое, пусть они идут к пионерам и передадут им свои знания.

Среди пионеров не мало ребят, которым тяжело живется, у которых нет родных, которым нужна материнская ласка. Пусть работницы смотрят на юных пионеров, как на своих детей...

Работницы найдут тысячи путей, как помочь пионерам вырасти стойкими борцами, умелыми работниками будущего, хорошими коммунистами.

Работницы! Усыновите юных пионеров!

„Работница" № 8, 1923.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕТСКАЯ НЕДЕЛЯ

Исполнительный комитет Коминтерна Молодежи постановил об'явить 3-ю международную детскую неделю с 24-го по 30-ое июля. Детское движение у нас в России только еще организуется, и детская неделя у нас должна проводиться под знаком пропаганды детского движения.

„Зачем нужны какое-то детское движение, какая-то детская организация? Вырастут, станут немного разбираться, ну, тогда примкнут к комсомольскому движению; а пока дети, — что они понимают? Пускай играют да учатся"...—Так могут сказать иные товарищи.

„Юные пионеры" — так назвала себя детская коммунистическая организация — включают ребят, мальчиков и девочек, начиная с 11 лет.

„Юные пионеры" стремятся воспитать в своих членах коллективистические инстинкты, потребность разделять и радость и горе с коллективом, привычку не отделять своих интересов от интересов коллектива, мыслить себя, как члена коллектива, воспитать в своих членах коллективистические навыки, т. е. умение работать и действовать коллективно, организованно, подчиняя свою волю коллективу, проводя свою инициативу через коллектив, завоевывая мнения коллектива, и наконец воспитать коммунистическое сознание ребят, помогая им осознать себя членами рабочего класса, борющегося за счастье человечества, членами великой армии международного пролетариата.

Одна уже формулировка этих задач показывает, что чем раньше будут втягиваться ребята в детское движение, тем лучше. Очень часто приходится слышать от детей рабочих: „Отца мы не видим никогда—днем на работе, вечером на

собрании". Мать или тоже на работу ходит, или завалена хозяйством и возней с ребятами. И растут дети рабочих, как придется, или сидят в своем углу и ничего не видят, со скуки балуются или подпадают под влияние улицы. Им даст детская организация много радостных переживаний, даст простор развитию их сил, их самодеятельности, даст пищу их уму.

Конечно, организация юных пионеров не может быть похожа на организацию взрослых. Было бы очень плохо, если бы она была копией организации взрослых. Но духом коммунизма она должна быть пропитана.

Прежде всего она должна дать детям много радостных переживаний: хоровое пение, ритмическая гимнастика, купанье, экскурсии в природу, поэзия рассказов у костра, посещение сборищ, участие в пролетарских праздниках—все это оставит неизгладимое впечатление на всю жизнь, свяжет эти переживания с представлением об организации, о коллективе. Участие в пролетарских праздниках, посещение рабочего клуба, фабрики, рабочего собрания протягивает крепкие нити между ребятами и рабочим классом, и нити эти надо всячески укреплять. Женотделы, партячейки, профсоюзы должны брать шефство над „юными пионерами" и делать, что могут, для укрепления в ребятах духа классовой солидарности.

В неделю детского движения пусть рабочие организации принимают шефство над „юными пионерами", пусть устроят для них экскурсии, покажут им свою работу, расскажут им о ней, пусть расскажут детям выбранные от рабочих организаций рабочие и работницы о своем детстве, о своей борьбе, пусть рабочий класс усыновит в детскую неделю „юных пионеров".

Ребята есть ребята. Поэтому „юные пионеры" отводят игре широкое место. Игра есть потребность растущего детского организма. В игре развиваются физические силы ребенка, тверже делается рука, гибче тело, вернее глаз, развиваются сообразительность, находчивость, инициатива. В игре вырабатываются у ребят организационные навыки, развивается выдержка, умение взвешивать обстоятельства и пр. Но есть игра и игра. Есть игры, вырабатывающие жесткость, грубость, разжигающие национальную ненависть, плохо действующие на нервную систему, вызывающие азарт, тщеславие... И есть

игры, имеющие громадное воспитывающее значение, укрепляющие волю, воспитывающие чувство справедливости, умение помогать в беде и т. д., и т. п. Путем игры можно воспитать зверя, путем игры можно воспитать и коммуниста. „Юные пионеры" берут на себя эту последнюю задачу. Комсомольцы приходят им в этом деле на помощь.

Не на одной игрой занимаются „юные пионеры". Современные дети слишком много видели и слышали, и у них есть уже желание принимать участие в борьбе за счастье человечества, в строительстве новой жизни. Пусть работа их невелика—собрать лекарственные растения, расчистить палисадник перед заводом и посеять там цветы, снять рубашонки для детских ясель, разнести приглашения на собрание, украсить рабочий клуб и т. п.,—но каждая такая коллективная работа заставляет каждого из них осознать себя полезным членом общества, заставляет стремиться творчески работать и дальше. Надо, чтобы все советские учреждения внимательно относились к „юным пионерам" и открывали бы им возможности работать в новых отраслях.

Для школы детское движение является крайне ценным. Оно дает навыки, которые чрезвычайно важны для школы, которые могут помочь правильно поставить детское самоуправление в школе, создавать возможность осуществления новых методов преподавания, оно повышает у учеников интерес к занятиям, жажду знания. Передовое учительство может только приветствовать „юных пионеров". В международную неделю детского движения школа должна открыть двери перед „юными пионерами". „Юные пионеры" должны стать горячими помощниками учителя в деле организации новой школы, должны стать закваской для этой школы.

В неделю между 24 и 30 июля надо заложить прочные камни детского движения в РСФСР.

„Правда", 12 июля 1923 г.

О ЮНЫХ

В современной войне техника имеет несравненно большее значение, чем в предыдущие войны. Стоит только упомянуть о броненосцах, миноносцах, подводных лодках, 42-миллиметровых пушках, военных аэропланах, танках и т. д., и т. д. Военная наука развилась чрезвычайно, и потому военные специалисты имеют теперь большее значение, чем когда-либо, громадное значение имеет также правильное распределение боевых сил, согласованность распоряжений...

Планомерностью борьбы и отличается война от партизанщины, но тем не менее человеческий материал в современной войне продолжает играть крупную роль.

И англичане, и немцы, и другие европейские народы прекрасно это понимали и потому обратили особое внимание на подготовку юношества для военных целей.

Впервые эта идея возникла в Англии. Англичанам, имеющим повсюду колонии, чрезвычайно важно было иметь в этих колониях солдат, умеющих найтись при всяких обстоятельствах. И вот было использовано стремление мальчиков ко всякого рода физическим упражнениям, к приключениям, к самостоятельности, к желанию быть сильным и покровительствовать более слабым. Бойскаутизм являлся средством не только физически укрепить подростка, но овладеть его душой, пропитать его духом шовинизма, милитаризма.

Наш доморощенный бойскаутизм, „потешные", настолько мало считался с интересами подростков и носил такой ура-патриотический характер, что отцвел, не успевши расцвесть.

Европейский бойскаутизм особенно сильно развился у нас во время войны и носил также архи-патриотический характер.

Советская республика должна воспитывать юношество, способное с оружием в руках защитить дорогое ему дело.

Но воспитание юношества не должно носить специфически военный характер, не должно вырождаться в военную учебу. Вырабатываемые у подростка умение и черты характера должны быть одинаково важны как для мирной, так и для военной цели.

Здоровье, выносливость, ловкость, умение работать физическую работу одинаково нужны и в мирное, и в военное время.

Умение плавать, быстро ходить, лазать одинаково нужно и дома, и на войне.

Знание гигиены, умение помочь в несчастных случаях нужны не только на войне.

Умение готовить пищу себе, разводить огонь, изготовлять себе одежду нужно всегда.

Понимание коммунизма, понимание целей войны важны для всех.

Нам многому надо учиться у бойскаутизма, но поставить бойскаутизму совершенно иные, коммунистические цели. Уже была попытка комиссариата здравоохранения наладить бойскаутизм под именем „юкизма" (юк—юный коммунист). Но юкизм слишком рабски подражает бойскаутизму. Так, правила поведения юка гласят: „Будь скромен, бережлив, честен и правдив, трудолюбив, вежлив и услужлив; верный сын трудового народа, юк чист в своих мыслях" и пр. Вся эта фразеология носит арки-буржуазный характер и имеет целью воспитать послушных и добродетельных солдат. Ничего коммунистического в „Памятке Юка" нет. „Памятка" должна была быть составлена совсем в другом духе. Практические программы юкизма носят слишком милитаристическую окраску.

Если говорить о том, как должен быть поставлен юкизм, то надо прежде всего указать, что юки должны непременно входить в Коммунистические Союзы Молодежи, которых теперь так много, и прослушивать там курс, выясняющий, что такое Советская Республика. Участвуя в рабочих союзах молодежи, юки постепенно превратятся в коммунистов, и коммунистические идеи станут идеями, за которые юки будут готовы положить свою жизнь. В идеях коммунизма столько светлого, что молодежь особенно горячо воспринимает их. Чтобы юкизм стал массовым явлением, а не ограничивался несколькими стами подростков, необходимо повести его пропаганду среди Союзов Коммунистической Молодежи, в клубах подростков, в учебных заведениях.

Кроме связи юков с организациями коммунистической молодежи, чрезвычайно важно организовать самоуправление юков. Жизнь юков еще не война, где опасна каждая ошибка, а потому необходимо дать им полный простор для самоуправления. Не слепое подчинение начальству, как проповедует немецкий бойскаутизм и наш юкизм, а умение добросовестно исполнять назначенные товарищами обязанности и выработка в себе той внутренней дисциплины, без которой не может существовать коммунистическое войско. В старых войнах царила палочная дисциплина, невозможная и нежелательная при коммунизме. Но и коммунистическое войско может держаться только на дисциплине, которая возможна теперь лишь при внутренней дисциплине, заставляющей подчиняться добровольно единой воле ради пользы дела.

Чтобы развить в юках внутреннюю дисциплину, необходимо давать им определенные задания, для которых они должны определенным образом организоваться, распределять между собою труд. Такими заданиями могут, например, быть: очистить известную часть улицы, сколоть лед, вымыть стены и пр., помощь во время наводнения, помощь кооперативу, распределение каких-нибудь продуктов, разноска газет или листков по всем квартирам какого-либо квартала, выполнение какого-нибудь статистического обследования и пр. Эти задания будут учить работать коллективно, правильно распределять работу и пр.

Правильно построенный юкизм может стать средством воспитания сознательных коммунистов, одинаково инициативных и умелых как у обыденной жизни, так и на войне.

„Народное Просвещение"
№ 42—44, от 19/VII 1919 г.

МЕТОДЫ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ *)

Перехожу к делу.

1) На конгрессе Коминтерна Молодежи было ведь постановление о детских группах. Там говорилось, что работу с детскими группами должны вести члены РКСМ совместно с членами партии, ни о какой самостоятельности детского движения в этом постановлении не говорилось. И так, как постановлено, так и ведется работа в Германии и других странах.

По-моему, от постановления Коминтерна Молодежи отступать не следует. Да и по существу дела, конечно, самостоятельным детское движение не может быть. Можно провозгласить его самостоятельным, но по существу дела это будет мнимая самостоятельность. Да и от кого независимо надо делать детское движение? От РКСМ, от партии? Это неправильно.

Работа с детскими группами должна вестись РКСМ, членами партии еще и потому, что необходимы кадры совершенно новых педагогов, педагогов-коммунистов, которые могут выработаться только на практике, в процессе работы. На работе будет выявляться, у кого есть настоящие педагогические способности. Взрослые члены партии также должны работать с детьми, они могут оказаться очень полезными своим опытом.

2) Декларация скаут-мастеров г. Москвы мне не нравится, особенно пункт 3-й; это крайне неискренний пункт. Высказываясь против „аполитичности“ скаут-мастера, торопятся отгородиться от партийно-политического воспитания. Боятьсяя партийно-политического воспитания ни РКСМ, ни

*) Письмо Н. К. в ЦК РКСМ.

партия не могут. В Германии работа с детскими группами ведется именно в партийном духе. Это вовсе не значит, что детей следует заставить зубрить устав и программу партии или резолюции ее, но важно показывать, как много партия сделала, благодаря своей выдержке, сплоченности, дисциплине, самоотверженности. Надо воспитывать взгляд на Коммунию, как на свою, на пролетарскую.

В 3-м пункте скаут-мастера вскрыли свою сущность. Поэтому, я думаю, об'единяться с ними нужно очень осторожно.

3) Нельзя всю работу среди детей сводить к „скаутизму". Это будет неправильно. Конечно, скаутизм можно чрезвычайно расширить, но если формулировать работу „юных пионеров" так, как она формулирована в брошюре „О детском движении", это значит страшно сузить работу, сделать ее похожей на русский бойскаутизм. Задачи работы с детскими группами гораздо шире.

4) Использовать надо для работы с детьми все, что возможно: экскурсии, чтение вслух, рассказывание, организацию всяких детских кружков, санитарное просвещение, организацию трудовых артелей и т. д.

Об английских „воскресных школах" я слышала в бытность свою в Англии. Тогда (в 1902 г.) это дело было поставлено мелко, сидели на скамейках и учили: тогда-то была такая-то революция, тогда-то такая-то стачка. Дети ходили в эти воскресные школы неохотно.

Видела в Женеве работу с детьми одного старика-педагога: по воскресеньям собирал ребят, читал им, ставили они спектакли, ребята обожали старика, но самостоятельности никакой там не было.

Детский пролеткульт был хороший в Туле, но там пролеткультовского, собственного, было очень мало—занимались дети всем, чем угодно, в том числе и искусством. Очень там талантливый был организатор, влюбленный в свое дело.

Надо, конечно, втягивать в дело побольше народу, комячейки при художественных мастерских, при разных музыкальных учебных заведениях, санитарное просвещение и т. п.

5) Брошюра тов. Б. находится под слишком сильным влиянием „скаутизма", гораздо больше, чем надо, при чем он берет больше внешнюю сторону его. Костюм, кстати, нельзя делать обязательным; если иметь в виду детей улицы, довольно

значка. В присяге—много от старого бойскаутизма и т. п. Поэтому над брошюрой надо еще очень и очень много поработать.

6) Я попробую написать нужную вам брошюру, только надо будет достать кое-какие книжки, и потому не знаю, что у меня выйдет и как времени хватит.

Ну, посмотрим!

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ И ИГРА

Один из главных источников развития организационных навыков у ребят—игра. Когда говорят об игре в детском саду или школе, то больше всего обычно говорят не об игре вообще, а об играх: игре в пятнашки, в кошки-мышки, в горелки, в крокет, в серсо. Обсуждается, какие способности развивает та или иная игра, какая воспитывает дисциплину, самообладание, ловкость и т. д. Но когда читаешь сборники игр, школьные программы по игре, видишь игры в школе, становится досадно и обидно: из игры вынимается ее душа. Самые любимые, самые нужные детям игры—это те, где дети сами ставят цель игры: построить дом, поехать в Москву, состряпать обед, прогнать белых, убить медведя и т. д., и т. д. Процесс игры заключается в осуществлении этой цели: ребенок строит планы, выбирает средства осуществления. Пусть поезд, на котором он едет, построен из стульев, пусть дом построен из щепок,—не в этом дело, фантазия ребенка дополнит действительность; тут важен самый процесс построения плана. Важны игры в одиночку, важны игры групповые. В коллективных играх вырабатываются дети-организаторы, дети-вожаки, умеющие упорно стремиться к цели, увлекать за собой других.

Вопрос о том, какую роль в выработке организационных навыков играет свободная игра, не освещен в педагогической литературе с достаточной полнотой, а между тем вопрос этот первостепенной важности. Он много важнее, чем, например, вопрос о детских идеалах. Важно проследить, какие цели ставят себе ребята разных возрастов, разных классов, как эти цели изменяются под влиянием чтения, рассказов и проч. Важно проследить, как осуществляют свои цели ребята, в чем

тут разница между развитыми и неразвитыми ребятами. Литература может дать богатый материал—у большинства писателей детские воспоминания очень ярки. Правда, все эти воспоминания проходят через психику взрослого. Необходимо провести в направлении обследования игры большую работу.

На известной стадии развития ребенок начинает не удовлетворяться схемами (поезд из стульев, дом из щепок—схемы) и начинает взвешивать реальность средств осуществления. Изменяется и характер целей, которые он себе ставит. В период более ранний цели, ставимые в игре, носят просто подражательный характер, и целями-то их можно назвать лишь в очень условном смысле. Позднее цели получают уже смысл обдуманных, мотивированных целей.

При нормальных условиях переход от игры к организации жизни и труду, вероятно, шел бы таким путем: цели становились бы все разумнее, средства осуществления все реальнее, организационные навыки, приобретенные в игре, переходили бы в организационные трудовые навыки, в навыки организации жизни. Школа отводит слишком мало места игре, сразу навязывая ребенку подход к любой деятельности методами взрослого человека. Она не дооценивает организующую роль игры. Переход от игры к серьезным занятиям слишком резок, между свободной игрой и регламентированными школьными занятиями получается ничем не заполненный разрыв. Тут нужны переходные формы. Нечто подобное мы находим у скаутов. Деятельность скаутов имеет определенные, обоснованные цели, но достижение их облекается в форму игры. Тут учитывается очень тонко психика переходного возраста. Поэтому надо отводить широкое место таким организациям, как организация юных пионеров, способных удовлетворить не изжитую еще подростками потребность в игре.

„Народное Просвещение"
1923 г.

ПОМЕНЬШЕ БАРАБАННОГО БОЯ!

Пионерское движение имеет громадное значение: оно захватывает ребят в том возрасте, когда только еще складывается человек, развивает общественные инстинкты ребят, помогает выработке у них общественных навыков, выработке общественного сознания. Оно ставит перед ребятами великую цель, ту цель, которая выдвинута переживаемой эпохой, за которую борется рабочий класс всего мира. Цель эта—освобождение трудящихся, организация нового строя, где бы не было разделения на классы, не было бы никакого угнетения, эксплоатации, и все люди жили бы полной счастливой жизнью. Эта цель такова, что может ярким светом осветить жизнь подрастающего поколения, наполнить ее глубоким содержанием, необычайно богатыми переживаниями. Пионерское движение могло бы при известных условиях воспитать действительно то молодое поколение, которое могло бы справиться с теми задачами, которые встанут перед ним.

Но для того, чтобы пионерское движение могло это сделать, необходимо, чтобы оно было правильно организовано. Что для этого необходимо?

Прежде всего необходимо, чтобы каждому пионеру была ясна цель. Надо, чтобы он горел ненавистью ко всякой эксплоатации, угнетению, ко всякой несправедливости, чтобы он видел безобразие окружающей жизни, ее неустройство, горел желанием ее изменить. Только тогда, когда загорится в нем это желание, цель, стоящая перед пионерским движением, станет ему близка и понятна, станет его личной жизнью и тогда будет иметь решающее влияние на всю его жизнь.

Надо научить поэтому пионеров прежде всего *видеть* все неустройство, все безобразие нашей жизни.

Задача эта много проще там, где еще полностью царит капиталистический строй, как, например, в Германии; там к ней проще подойти. Поэтому, может быть, на движении детских коммунистических групп и лежит более серьезный отпечаток, чем на нашем пионерском движении. Было бы однако смешно думать, что у нас уже изжита всякая эксплоатация и угнетение. Этот вопрос замалчивать нельзя. Еще ярче выступают у нас всяческая некультурность, дикость, темнота. Надо ребят научить их видеть и ненавидеть.

Учит ли „Барабан“ [1]) видеть эксплоатацию, гнет, неустройство, некультурность нашей жизни?

„Барабан“ говорит о катастрофе в Японии, о Германии, о Китае, о бушменах, но о неустройстве нашей жизни ничего не говорится, если не считать „рассказа спичечной коробки“, написанного в очень поучительном тоне. Ни одного рассказа из реальной жизни нет. Можно подумать, что кругом уже земной рай, так что и менять ничего не надо.

Тактика замалчивания темных сторон жизни неправильна. Пионеры в большинстве своем принадлежат к слоям населения, знающим и нужду и горе, с ними надо говорить об окружающей жизни, научить смотреть правде в глаза.

Другое—даром ничего не дается. За поставленную цель надо уметь бороться. Важна борьба не только с оружием в руках, важны не только геройские подвиги, важна повседневная мужественная борьба со всякой эксплоатацией, темнотой, дикостью, неумелостью.

Только закалившись в этой борьбе, можно „быть готовым“ на все.

Как вести эту повседневную борьбу, должна учить пионерская организация.

За что и как бороться в семье? За что бороться в школе? За что бороться с товарищами? Что отстаивать?

Что говорит об этом „Барабан“?

Ничего. Ни одного сообщения нет о том, как, например, пионер настоял, чтобы братишку отдали в школу, как звено боролось с мастером, любящим „поучить“ ученика, как звено „вывело на чистую воду“ хозяйку, эксплоатирующую деревенскую девочку-прислугу. Нет сообщений о том, какую борьбу пришлось вынести таким-то пионерам, как они не позволяли обижать товарищам младших и т. д., и т. п.

Похоже на то, если судить по „Барабану“, что пионерское движение совсем еще не разработало вопроса о борьбе пионеров, не организует никак эту борьбу.

Затем пионерское движение много говорит о братской солидарности всех детей трудящихся.

Казалось бы, вопросы взаимопомощи должны занимать крупное место в пионерском движении. Как ребята помогают друг другу учиться, как помогают друг другу материально, помогая в работе,—об этом ни слова нет в „Барабане“.

И наконец пионеры-строители.

Что они строят? Что они устраивают? Есть ли в „Барабане“ описание того, как ребята устроили для такой-то фабрики передвижку, сговорившись с библиотекой и взяв на себя доставку, выдачу книг и ответственность за них? Есть ли описание помощи звена детскому саду, фабрике, яслям? Есть ли описание работы „санитарного отряда“, вообще того, что ребята устраивают? Ничего этого нет.

А если в журнале не отражается реальная жизнь, не отражается борьба юных пионеров, не отражается их взаимопомощь, их творческая, строительная работа, то журнал не выполняет своего назначения, не стимулирует пионерского движения в желательном направлении.

Нужно поменьше барабанного боя и побольше углубленной работы.

„Народное Просвещение“
1924 г.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) „Барабан“ — журнал для юных пионеров, издаваемый московским бюро детскомгрупп с 1923 г.

ЧТО ГОВОРИТ НАШ СТАРШИЙ ПИОНЕР?

В беседе с представителем ЦК РКСМ Надежда Константиновна Крупская поделилась некоторыми своими впечатлениями о юных пионерах. На одном из собраний Надежда Константиновна повстречалась с пионерами. Она протянула руку пионеру, но тот отвечал: „Не имею права здороваться, у нас есть пионерский салют"—и отдал ей салют.—Меня очень порадовала,—говорит Надежда Константиновна,—такая дисциплинированность пионера.

Она прошла дальше на сцену. Тогда в президиум поступила записка с просьбой, чтобы Надежда Константиновна села вместе с пионерами. Тотчас же к ней подошло двое ребят, взяли под руки и отвели в ряды.

Докладчик говорил очень долго. Надежде Константиновне нужно было уходить, она обратилась к сидящему рядом с ней пионеру и на ухо спросила, можно ли ей уйти. Тот отвечал: „Видите ли, если вы встанете, поднимется очень большой шум, и докладчик не сумеет продолжать, а прерывать собрание очень нехорошо, так что вы уж лучше подождите".—Я с ним согласилась и осталась,—сообщает тов. Крупская,—а про себя радовалась такой сознательности и организованности пионеров.

Дальше тов. Крупская передавала о таком случае: в одной московской избе-читальне деревенские ребятишки так усердно посещали избу-читальню, что не оставалось места для взрослых, и заведующий читальней вместо того, чтобы организовать ребят, придумал гнать их из избы-читальни, обливая их водой из ведра. Ребята тянутся к знанию. Необходимо и в деревне организовать отряды пионеров.

Тов. Крупская со слов одного крестьянина рассказывает, как одна школа, приехав в деревню, чтобы познакомиться

с крестьянским делом, поступила так: собрали сход, на нем выступили сначала мальчик, потом девочка. Сказали, примерно, следующее: „Теперь мы не рабы; следовательно, мы должны все знать. Вот мы и приехали, чтобы вы нам обо всем рассказали. Мы понимаем, что вы заняты, но ничего не поделаешь, ведь мы-то должны знать. Мы же со своей стороны расскажем, что знаем.“ Крестьяне очень охотно рассказали и показали всем детям; так что, если правильно подойти, пионеры в деревне принесут много пользы.

ПИОНЕРЫ В ДЕРЕВНЕ

Определяя задачи текущего момента в своей статье о кооперации, Владимир Ильич писал, что „мы стоим сейчас перед лицом культурной революции". Думается, что это определение верно.

Задача, стоящая перед коммунистами и РЛКСМ—всячески содействовать этой культурной революции и в городе и в деревне.

Задача РЛКСМ создать из ребят деревни пионеров борьбы с темнотой, косностью деревни, пионеров кооперирования, коллективного труда, создать те силы, которые повернут деревню на путь социализма.

Надо иметь это в виду, об этом говорить, об этом заботиться.

Надо втягивать в пионерорганизации не только детей бедняков, хотя их в первую очередь, но всех ребят, всех ребят делать пионерами перестройки всей жизни деревни на новых началах, всех деревенских ребят воспитать в коммунистическом духе.

Надо отдать себе отчет, что ячейки РЛКСМ в деревне еще очень слабы, и потому нечего форсить, а надо поставить ячейкам на вид, что они должны тесно связать свою работу с работой школы (учительство сейчас так учится, как впору было бы и РЛКСМ, и быстро растет, с ним надо об'единиться, на него надо опираться, от него получать помощь), с работой избы-читальни.

Задачи пионерских отрядов в деревне должны быть следующие:

1. Ликбезграмотность среди пионеров и дальнейшая работа их над своим самообразованием.

2. Обучение грамотными пионерами других неграмотных ребят.

3. Агитация среди взрослых за то, чтобы посылали своих ребят в школу, выяснение каждый раз, почему тот или другой ребенок не пришел в школу, и организация через комитет взаимопомощи или другим путем для него возможности ходить в школу.

4. Помощь отсталым ребятам в занятиях.

5. Вербовка подписчиков для „Крестьянской Газеты".

6. Чтение вслух газеты у себя дома матерям, отцам, сестрам, братьям.

7. Помощь школе: поддержание в школе чистоты, украшение школы, агитация за помощь школе со стороны родителей, аккуратность посещения школы, помощь учителю в его начинаниях внести новый порядок в школу, вовлечение через школу ребят в ряды пионеров.

8. Помощь избе-читальне: в устройстве праздников, в исполнении различных поручений избача, в разноске газет и книг, в оповещении о лекциях и т. д.

9. Содействие открытию яслей и детского сада в деревне, помощь этим учреждениям, приобретение и распространение знаний об уходе за маленькими детьми, помощь в этом отношении женотделам.

10. Взятие под свою охрану всех малышей (охрана их от битья родителей, от опаивания водкой и пр.)

11. Изучение основных правил личной и общественной гигиены.

12. Агитация за прорытие в деревне канав, очистку деревенских улиц и дворов от навоза, дохлятины, помоев и пр., за устройство вентиляции, за отварную воду, за чистоту посуды, за борьбу с мухами, со вшами и т. д., и т. п. Помощь взрослым и Комсомолу в этой работе. Особо важна агитация против самогона, борьба с ним.

13. Беседы о борьбе рабочих и крестьян за лучшую жизнь, о рабочем движении и его целях и в связи с этим выяснение значения революционных праздников. Проведение их в жизнь.

14. Беседы об изучении человеком природы, о постепенном завоевании ее, о предрассудках, возникающих на основе незнания законов природы, о том, как жили люди встарь, во что и почему они верили. О борьбе человека с человеком.

Об одиночестве человека, беззащитности его перед природой и обществом, создании мифа о боге. Организация в товарищеский союз и осознание законов природы вытесняют бога.

15. В связи с этим постановка занятий пионеров естествознанием, что имеет для деревни совершенно исключительное значение. Важно развить умение вглядываться в явления природы, наблюдать их, доискиваться их причин. Вот почему особенно важен для деревни исследовательский метод. Умело поставленные занятия по естествознанию, притом тесно связанные с трудом крестьянским, являются одной из действительнейших форм антирелигиозной пропаганды. Пионеры должны добиваться правильной постановки естествознания в школе и организации школьных кружков по изучению явлений природы.

16. В деревне, где наличие мелкой крестьянской собственности и самый современный способ хозяйства развивают собственнические инстинкты, развивает индивидуализм, особо важно создание пионерских отрядов, которые должны всячески способствовать развитию коллективных форм работы, давать привычку к об'единению, к коллективным переживаниям.

17. Надо стремиться при каждой школе, при каждом детском доме создать пионерские ячейки, привлекая к этому там, где нет РЛКСМ, сознательных учителей, избачей и проч.

Нельзя ставить вопрос механически. К такому-то числу надо „находить" столько-то отрядов. Это бюрократический подход. В пионерских отрядах все дело в развитии самодеятельности; вначале нельзя спешить и торопиться и потому нельзя ставить тут такие сроки.

18. Важно, чтобы пионерские отряды учились ставить себе постоянно общественные цели, выходящие за рамки пионерского отряда, ставить конкретные, близкие цели, взвешивая свои силы. Тогда они станут культурной силой, влияющей на жизнь деревни. Без этого настоящего коммунистического воспитания отряды не будут давать, а будут учить фразерству, культивировать тщеславие.

19. Поэтому нельзя ставить так вопрос „агропропаганды", а вот конкретные задачи: разведение нового огородного растения, разведение кроликов, организация отряда по борьбе с вредителями, помощь в хозяйстве какой-нибудь старухе, какому-нибудь бедняцкому хозяйству. Конкретные задачи

в области агропропаганды, а не агропропаганда вообще. Своих пионерских огородов создавать не надо, а помогать наладить при содействии пионерского отряда, например, какому-нибудь инвалиду гражданской войны и т. д., погорельцу и проч.

20. Важно, чтобы пионерский отряд думал над жизнью деревни вообще и смотрел, чем и где он может помочь. Надо не обособляться, а внедряться в жизнь деревни.

21. Надо разработать свои деревенские игры, черпающие содержание из окружающей обстановки, дающие простор воображению, которые надо развивать, так как без развития этой способности мысль не будет перелетать через околицу деревни; игры, которые развивали бы умение учитывать, особо развивали бы умение коллективно, организованно действовать и т. д.

22. Нужно установить самую тесную переписку между пионерами города и деревни, товарищескую помощь друг другу.

23. Для деревенских ребят жизнь на открытом воздухе организовывать нечего, они и так живут среди природы; надо организовывать такие вещи, как коллективное купанье, праздничные прогулки, коллективную работу на воздухе,— о лагерях говорить не приходится.

Особо важно обратить внимание на вовлечение в работу пионерских отрядов самых широких детских масс, на помощь школе, на борьбу с религиозностью (надо отметить борьбу через втягивание в организации).

Журнал „Вожатый“ № 3, 1924 г.

ШКОЛА И ПИОНЕРДВИЖЕНИЕ

Учительство быстро поднимается, растет, вооружается для строительства новой школы необходимыми знаниями, проникается идеологией пролетариата, а параллельно с этим из недр рабочего класса вырастает пионердвижение, качественно изменяющее тот детский материал, над которым приходится работать учителю. Это, с одной стороны, облегчает его задачу, с другой—требует от него дальнейшей работы над собой.

Юные пионеры представляют собою детскую организацию, имеющую свой устав, свою цель, свои методы работы.

В организации дети приучаются коллективно чувствовать, коллективно действовать, подчиняться воле коллектива.

Уже самый факт наличия детской организации имеет громадное воспитательное значение. Ребенок привыкает иметь постоянно перед глазами интересы целого, связывать все свои действия с действиями коллектива. У него складывается определенная коллективистическая психология, являющаяся наилучшим регулятором инстинктов, уничтожающая чувство беззащитности, одиночества. Чем раньше начинает ребенок жить коллективной жизнью, тем больше шансов, что из него вырастет настоящий коммунист, умеющий всей душой отдаваться общему делу.

Стремление к организации присуще здоровым детям, растущим в нормальных условиях. Тот, кто наблюдал игры детей, знает это.

Вот почему организация юных пионеров так интересует и захватывает ребят.

Самоуправление в большой части школ до последнего времени плохо ладилось; основная причина этого—то, что в налаживании этого самоуправления слишком большую роль играет

обычно учитель, что дети не чувствуют, что школьная организация целиком—их собственная организация, за которую они ответственны, которая им самим нужна. Ребята очень чутки и видят, что школьная организация имеет целью прежде всего их дисциплинировать. Этой цели они не приемлют. Цель детдвижения—оказывать всяческую помощь рабочему делу, служить ему. Эту цель дети приемлют, эта цель им понятна, ради этой цели они готовы сдерживать, дисциплинировать себя, но дисциплина ради дисциплины кажется им ненужной, тягостной. В детдвижении дисциплина производная, в школе она обычно является самоцелью, и это главное препятствие в деле развития школьного самоуправления.

Могут сказать: помощь рабочему делу, помощь борьбе пролетариата—цель мало доступная детям. Так ли это? Современным детям эта цель близка и понятна. Они слышат кругом разговоры о недавнем прошлом, о том, из-за чего шла борьба, они видят кругом неустройство жизни—им не трудно понять, к чему стремится партия, Комсомол. Чем раньше поставят они себе цель, чем раньше научатся подчинять ей свои действия, тем более сильные, более целеустремленные люди из них выйдут.

Рано поставленная цель, коллективная жизнь имеют уже сами по себе громадное значение для развития ребят.

Активно-трудовой метод, которым руководятся отряды, также как нельзя лучше действует на ребят.

Вот почему светлеют лица, когда они видят стройные ряды красношеек, видят дисциплинированность ребят, их ясные, радостные лица.

Однако мы видим обычно лишь праздничную сторону жизни пионеров—их выступления, слышим их речи, но самое важное—повседневная, будничная работа. И тут чрезвычайно важно, чтобы ребята все время духовно росли, развивались, чтобы запас знаний у них все возростал и постоянная цель углублялась. Без этого пионердвижение выродится, через год—два оно будет терять для пионеров свою привлекательность. Пионердвижение должно быть тесно связано с занятиями.

Другое. Важно, чтобы ребята в своей работе ставили себе правильные частные цели, чтобы эти цели тесно связывались с общей целью, чтобы они были достаточно конкретны и постепенно усложнялись. Выбор целей имеет громадное значение.

и эта сторона, пожалуй, самая трудная. Надо, чтобы конкретная цель была общественно-необходима, чтобы она была посильна, чтобы она была не чересчур легка, чтобы результаты усилий могли быть учтены, были бы осязаемы, чтобы конкретные цели, которые ставят себе звенья и отряды, постепенно, по мере роста сознательности и умения, усложнялись.

Каковы должны быть отношения между школой и детдвижением?

Кое-кто из молодежи, увлеченный успехами первых шагов движения, говорит: „не школа, а детдвижение".

Такая постановка вопроса неправильна. Она проистекает из того, что пока еще не встал со всей остротой вопрос о систематических, углубленных занятиях, без которых пионеры никогда не превратятся в ленинцев. Без систематических занятий, связывающих воедино данные опыта, цельного монистического мировоззреняя молодежь у себя не выработает. Умение жить и работать коллективно—это одна сторона дела, умение ясно и далеко видеть, логически мыслить, располагать факты в определенной перспективе—это другая его сторона. Тут одними беседами у костра не возьмешь. Беседы у костра могут возбудить желание учиться, но эта еще не учеба, не изучение фактов. Если бы пионердвижение провозгласило: „долой школу!", оно перестало бы быть, несмотря на всю свою красочность, прогрессивным, передовым, оно об'ективно играло бы реакционную роль, внешней красочностью прикрывая прежнее духовное рабство.

Поэтому нужна тесная смычка между новой школой и детдвижением.

Новая школа стремится, как и детдвижение, помогать, путем воспитания молодых поколений в соответствующем духе, конечной победе мирового пролетариата, помогать рабочему классу в его борьбе и строительстве. Новая школа стремится воспитать из ребят людей, умеющих жить и работать коллективно. Новая школа стремится как можно шире пользоваться активно-трудовым методом. Она стремится как можно ближе стать к жизни.

У новой советской школы и у детдвижения общие цели, общие методы работы. Поэтому между школой и детдвижением не должно быть никакой конкуренции, между ними должна быть самая тесная смычка, самая тесная внутренняя связь.

Что даст детдвижение школе?

Оно даст ей, прежде всего, новый детский материал. Пионердвижение чрезвычайно повышает в детях сознание своего человеческого достоинства. „Мы не рабы, мы свободные граждане"— говорят пионеры. И там, где в школе есть пионеры, они не позволят не только бить или наказывать себя, они не позволят ни окриков, ни воркотни не только по отношению к пионерам, но и ко всем ученикам. Это само собой подразумевается. Там, где в школе есть еще грубое отношение к ученикам, пионеры поведут с ним отчаянную борьбу. Эта борьба законна и необходима, она помогает строить новую школу, в которой не мыслимы никакие другие отношения между учителем и детьми, как чисто товарищеские.

Эти товарищеские отношения будут укрепляться благодаря тому, что пионердвижение чрезвычайно дисциплинирует ребят, вырабатывает в них серьезное отношение к делу. С такими ребятами и учителю неизмеримо легче будет работать.

Надо только, чтобы и учитель, и руководители пионердвижения—комсомольцы—постарались выяснить ребятам разницу между старой и новой школой, между школой, проникнутой буржуазной идеологией, и между школой новой, проникнутой пролетарской идеологией: чтобы и учитель, и комсомольцы старались, как можно лучше, выяснить ребятам, почему им надо знать ту или иную часть программы, почему им надо проработать тот или иной вопрос. Если учитель научится делать это, он будет поражен успехами детей. На его вопрос: „зачем мне надо это знать?" ребенку будут отвечать не так, как часто отвечали раньше: „это не твое дело, твое дело не рассуждать, а учиться, старшие лучше знают, что тебе полезно знать". Ребенку будут отвечать на его вопрос иначе: „ты хочешь строить новую жизнь, для этого тебе надо узнать,—если дело идет, например, об истории,—как строили свою жизнь люди раньше, какая и за что между ними была борьба; ты научишься, изучая историю, чего не надо делать, и благодаря этому лучше поймешь, что надо делать". Если дело идет о географии, учитель об'яснит: „ты хочешь, чтобы во всем мире не было рабства, не было угнетения—как же ты можешь не знать, где какой народ живет, как он живет, как работает?" Если дело идет о физике, учитель скажет: „ты хочешь, чтобы люди не надрывались над работой, для этого ты должен знать законы при-

роды; только изучая эти законы, человек научается овладевать силами природы и заставлять их служить себе; только изучив достижения техники, введя их в жизнь, люди могут освободиться из-под власти природы; тебе надо знать, в чем эти достижения состоят, без этого ты будешь плохим строителем" и т. д., и т. п.

Вся школьная программа таким путем может быть осмыслена для ребят. Зажигая энтузиазм к изучению школьной программы ребят, учитель и сам зажжется к ней тем энтузиазмом, который осветит все его занятия, вложит в них массу жизни, яркости, научит правильному подходу к ребенку.

Как много могут дать такие одухотворенные конечной целью занятия и учителю и ребятам, ясно каждому.

При таком подходе к делу быстро пойдет и сближение школы с жизнью. Когда и учитель и ученики ясно поймут все значение этого сближения, они сообща сумеют сделать школу таким же куском жизни, куском нового быта, каким стало уже детдвижение.

В процессе всей этой работы школа станет для ребят своей, близкой, необходимой им.

Учитель хочет, горячо хочет строить новую школу. Но он должен отдать себе отчет, что он может сделать это только вместе с детьми.

Пионердвижение до чрезвычайности облегчит ему задачу.

И потому каждый учитель должен помогать пионердвижению, помогать форпостам пионеров захватывать в сферу своего влияния всех школьников, помогать их задаче втянуть всех ребят в организацию, стремящуюся к великой цели.

И потому каждый руководитель детдвижения должен ясно сознавать разницу между старой и новой школой, отдавать себе отчет в задачах, стоящих перед современной школой, должен раз'яснить пионерам, какую большую помощь могут оказать они стране, помогая строить новую школу.

Сейчас вопрос о программах в основном разрешен. Но не разрешен еще ряд других вопросов.

Совершенно недостаточно освещен, например, еще вопрос о школьном самоуправлении.

Разрешить этот вопрос удастся лишь тогда, когда детдвижение широкой волной вольется в школу и внесет туда свои методы организации детворы.

Не разрешен еще один из кардинальнейших вопросов нашей трудовой школы—это вопрос об увязке программы с практической деятельностью ребят, с их трудом. Хотя новая школа бьется над этим вопросом с 1917 года, он еще висит в воздухе. Тут опять-таки чрезвычайно сильно может помочь делу детдвижение.

Пионеры, хотя и в недостаточной мере, ставят себе конкретные общественно-необходимые трудовые цели. Тут практика еще очень слаба, нет еще надлежащего учета этой работы. Несомненно, что условия детдвижения лучше всего могут, развивая инициативу ребят в этом направлении, проложить тут новые пути.

И, когда это будет достигнуто, умение ставить конкретные, общественно-необходимые трудовые цели оплодотворит работу школы.

Имея в виду эту цель, надо сейчас уже стремиться увязывать деятельность пионеротрядов с школьными программами.

У новой советской школы и у пионердвижения одна и та же цель, одни и те же методы работы: школа нужна для углубления детдвижения, детдвижение необходимо для того, чтобы сделать возможным строительство новой школы, и потому между школой и детдвижением должна быть самая тесная смычка. Эта смычка поможет молодому поколению СССР подготовиться к разрешению тех великих задач, которые выдвинет перед ним мировая борьба пролетариата.

БУДЬ ГОТОВ

Всякий пионер на призыв „будь готов“ отвечает „всегда готов“, но далеко не всякий пионер знает, откуда взялся этот призыв и этот ответ.

„Будь готов“ это был призыв Ленина к членам партии, борцам за рабочее дело.

22 года тому назад, в 1902 г., у рабочего класса России не было еще своей партии. Правда, в 1898 году состоялся первый с'езд социал-демократов. На нем было лишь несколько человек представителей рабочих организаций. На с'езде постановлено было организовать Российскую Социал-демократическую Рабочую Партию, даже выбран был Ц. К.

Но полиция выследила с'езд, переарестовала почти всех его участников, и дело распалось, осталось одно название. По отдельным большим городам были небольшие с.-д. организации, которые вели работу среди рабочих, но они были слабы и почти не связаны между собой. Одна организация работала так, другая иначе. Больше всего эти организации помогали рабочим устраивать забастовки. Некоторые социал-демократы думали, что задача партии только в том и состоит, чтобы помогать рабочим вести борьбу с хозяевами, а о том, что надо царя сбросить и всю жизнь построить по-иному, рано еще говорить. Другие говорили, что совсем не важно даже, чтобы была партия, важно только поднять рабочих на восстание против царизма, а что для этого надо сорганизоваться, забывали.

Тов. Ленин написал тогда книжку. Она называлась „Что делать?“ В этой книжке он об'яснял, что надо работать над тем, чтобы сделать рабочих как можно более сознательными, говорил о том, какое громадное значение имеет организация.

Он писал, что надо, чтобы партия, передовой отряд рабочего класса, как можно лучше разбиралась в том, что кругом нее делается; надо, чтобы она ясно видела дорогу, понимала хорошо, что в каждую минуту надо делать. И надо, чтобы партия представляла из себя дружную организацию, которая, когда надо, умела бы выступать, как один человек. Тогда только можно победить и царизм и буржуазию. Сознательность и организованность с неба не падают. Надо, не покладая рук, учиться разбираться в окружающем, надо учиться действовать организованно, дружно во всем.

„Мы должны всегда, — писал тов. Ленин в 1902 г. в своей книжке „Что делать?“, — вести нашу будничную работу и всегда быть готовыми ко всему“ (т. V собр. соч., стр. 264).

Должны быть готовы вести работу тайком от полиции, печатать листовки в тайных типографиях, пользоваться всяким удобным случаем, чтобы помогать рабочим стать сознательными и организованными, должны быть готовы итти за это в тюрьму и на каторгу. Должны быть даже готовыми и к тому, чтобы, когда придет подходящий момент, восстать с оружием в руках.

„Будьте готовы“, — говорил т. Ленин членам партии, и ленинская партия, которая теперь называется Российской Коммунистической партией, не боялась никакой самой черной, самой скучной работы. И когда пришло время удобное для революции, ленинская партия „была готова“ и повела за собой рабочих и крестьян.

Юных пионеров не было еще на свете, когда Ленин звал борцов за рабочее дело быть готовыми, но юные пионеры твердо решили быть верными заветам Ленина, они неустанно учатся, они неустанно организуются, ставят себе целью организовать всех ребят, сделать их всех сознательными, умелыми; юные пионеры хотят научиться строить новую жизнь, они хотят продолжать дело Ленина.

„Будьте готовы“.

— „Всегда готовы“.

БОРЬБА С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ

Обычно мы слабо представляем себе, как велика у нас детская беспризорность и какое бедствие она собой представляет. Мы мало думаем об этом и еще меньше делаем для ликвидации ее. Конечно, в Главсоцвосе существует особый отдел, который на ряду с учреждениями для дефективных и для детей-преступников ведает и борьбой с беспризорностью. Но достаточно ли этого?

Война, и особенно война гражданская, разрушение старых устоев и голод 1921—1922 гг. создали громадные кадры беспризорных. Одними силами отдела и даже всего Главсоцвоса и даже всего Наркомпроса этой беде не помочь... С этой бедой надо бороться по всему фронту, тут надо напрячь все силы страны, сделать ликвидацию этой беды делом всей организованной части населения, втянуть в дело и советские органы, и женотделы, и РКСМ, и всех тех, кто может быть в этом деле полезен.

Некоторые думают, что борьба с беспризорностью заключается лишь в том, чтобы беспризорных ребят как-то изловить и затем разместить их по детским домам. Надо получить только побольше денег на эту ловлю и на эти детские дома, и дело будет в шляпе.

Дело обстоит не так. От занесения в списки беспризорных беспризорные ребята умеют увернуться, а детские дома, из которых они бегут обычно, не перемалывают их психологии и не дают им необходимой подготовки к жизни. Детский дом сплошь и рядом—не помощь, а самоутешение. Да и много ли у нас детских домов? У нас зарегистрировано 7.000.000 беспризорных (а сколько не зарегистрировано), а в детские

дома, самое большее, помещено 800 тысяч. Куда же девать остальных?

Беспризорные ребята разделяются на детей и подростков, и задачи по отношению к тем и другим несколько иные.

Конечно, по отношению к тем и другим первой задачей является накормить их, одеть их, приютить, подлечить, приласкать. Все комиссии—и простые, и чрезвычайные, и центральные, и губернские, и уездные, и всякие другие, которые забывают, что всякий беспризорный ребенок и подросток нуждается прежде всего в заботе, внимательном человеческом отношении к себе,—бесполезны, даже больше того—вредны.

О том, чтобы накормить и приютить, должны заботиться решительно все учреждения. Шефство над беспризорными ребятами должно стать одним из самых важных шефств.

Женотдел, Комсомол, учащиеся, работники просвещения—все должны направить все свои усилия на то, чтобы помочь беспризорным. Не так важно создавать чрезвычайные комиссии, как в каждом отдельном случае находить пути помощи. Мы очень уж бюрократичны. Когда надо что-либо делать, сейчас же начинается: кто будет давать на это деньги, каковы будут ставки, какие комиссии создать, где найти помещение под комиссии, а живое дело уходит куда-то вдаль, на задний план. И поэтому важнее всего втянуть в помощь беспризорным все население. Конечно, это не значит, что советские органы должны скрестить на холодной груди бессильные руки и переложить всю заботу о беспризорных на население. Все органы Наркомпроса должны развить самую широкую работу по помощи беспризорным.

Что касается беспризорных детей, то, если мы их накормим, приютим и обласкаем и широко откроем для них двери школы, то мы сделаем все или почти все, что нужно.

По отношению к беспризорным подросткам дело сложнее. У этих ребят уж очень сильны антисоциальные привычки, недоверие к людям, озлобленность, замкнутость... К ним нужен особый подход. Во-первых, надо сломать лед недоверия, во-вторых, помочь им устроиться самостоятельно, а затем найти интересное дело, посильную работу, которые направляли бы в правильное русло и энергию, и инициативу и ставили бы их в такую обстановку, где бы они могли чувствовать себя на

месте, где бы вся окружающая обстановка парализовала их антисоциальные привычки.

Сломать лед недоверия можно только тогда, когда подросток почувствует, что к нему относятся по-человечески, не смотрят на него, как на кандидата в острог, как на какое-то отрепье рода человеческого, как на беспомощного младенца, которого водят за ручку и ставят в угол, а подходят к нему по-товарищески, как к равному, считаются с его волей и личностью. Это поняла даже буржуазия, создав для беспризорных бойскаутские организации (например, в Англии). Неужели же не поймем этого мы? Неужели мы так тупы, что можем только твердить беспризорным подросткам издевательские слова: марш к родителям и в детские дома. Ведь ни родителей, ни детских домов нет.

Надо, чтобы РКСМ поставил себе целью впитать в свои ряды беспризорных подростков. Комсомолец будет встречен с бо́льшим доверием беспризорным подростком, чем „брат" или „сестра социальной помощи", как бы тактичны они ни были.

Затем необходимо организовать для беспризорных общежития, столовки, открыть для них двери клуба, школ. Что сделано нами до сих пор в этом отношении? Привлечены ли к этой работе сами беспризорные? Работают ли над этим делом идейные работники?

А затем — самое главное. Английский бойскаутизм организует жизнь беспризорного. Он придает ей романтическую, декоративную окраску, не насилует его воли, дает простор его инициативе, самостоятельности, расширяет его кругозор, наполняет его жизнь богатым содержанием, развивает в очень сильной мере социальные навыки.

Есть ли у нас аналогичная организация? Комсомол ориентируется на старшие возрасты 18—23 лет: „мы не детишки". Отряды юных пионеров только формируются, и там подход чересчур уже детский. И необходимая социальная проблема остается невыполненной. За границей через бойскаутские организации подросток находит путь к трудовой жизни, к общественной работе.

Правда, буржуазия заботится—и как это могло быть иначе?—чтобы сделать всех этих ребят усердными слугами буржуазного строя, пропитать их буржуазной моралью, привить им

желательные буржуазные взгляды. Конечно, все это для нас неприемлемо, но задача социальной помощи беспризорным подросткам и у нас состоит в том, чтобы помочь беспризорной молодежи войти в организации, которые откроют им новый мир, увлекут на новый путь, сделают жизнь интересной и содержательной.

Переход из этих бойскаутских организаций в нормальную трудовую жизнь надо всячески облегчить. Надо найти при содействии Наркомзема, ВСНХ, кооперации, Наркомтруда и пр. целесообразные формы труда подростков—формы, чуждые какой бы то ни было эксплоатации, но в то же время общественно-необходимые и организованные так, чтобы они создавали потребность учиться, организовываться и т. д.

Организация труда беспризорных подростков—задача очень трудная, конечно. Однако без разрешения ее невозможна радикальная помощь беспризорным, и эта задача должна быть разрешена.

Параллельно с организацией труда подростков необходима самая энергичная работа по устройству для беспризорных ребят общежитий, столовых, клубов, школ. Все это—самое неотложное дело.

„Правда". 1923 г.

ОТ СЛОВА К ДЕЛУ

Самая реальная помощь беспризорному подростку заключается в предоставлении ему возможностей найти заработок. Отчеты детских домов единогласно указывают на жажду подростков научиться работать. Многим из заведующих детскими домами представляется дело так, что нужно при детских домах открыть побольше мастерских. Однако открытие мастерских стоит обычно чрезвычайно дорого, денег нет, и благие пожелания остаются обычно не более, как пожеланиями.

Органы и учреждения Наркомпроса не могут самостоятельно организовать труд подростков. На помощь им должны прийти хозяйственные органы, профсоюзы, районные советы. Мне представляется дело приблизительно в такой форме.

При районном совете образуется специальная комиссия. Комиссия эта выясняет производственную деятельность района, в районе работают такие-то ремесленные заведения, такие-то торговые, столько-то вокзалов, так-то работает здравотдел, так-то почтовое отделение, так-то идет разноска, доставка на дом продуктов и т. д., и т. п.

На ряду с этим идет выяснение нужд района, особенно в связи с развитием городского хозяйства (сторона, на которую Москва теперь собирается обратить особое внимание). Это может дать картину того, в каких наличных отраслях можно бы предоставить подросткам работу, какие новые отрасли работы подростков следовало бы развить, как поставить и т. д.

Когда вырисуются общие контуры того, что можно было бы делать силами подростков, надо каждую группу работ обсудить с соответствующими органами, профсоюзами, заводоуправлениями, месткомами.

Затем намеченный и проработанный план надо пропустить через санитарную комиссию и отдел труда.

Чем лучше во всех отношениях—в финансовом, коммерческом, санитарном и пр.—будет проработан проект, тем он будет жизненнее.

Надо бы устроить конкурс между районами. Тот районный совет, который выработает наиболее целесообразный, инициативный, осуществимый план организации в районе труда подростков, должен быть награжден орденом Красного Знамени.

Всю работу подростков надо поставить под контроль рабочих организаций, поэтому в план организации труда должна бы войти и организация планомерного шефства.

Беспризорные в громадном большинстве своем—дети рабочих и крестьян, и рабочим организациям необходимо дать им возможность подняться. Чрезвычайно много могут сделать тут женотделы и Комсомол; их задача—укрепить существующие нити между беспризорными и рабочим классом, протянуть новые.

Культкомиссии профсоюзов, отделы народного образования должны озаботиться тем, чтобы перекинуть мост от труда подростков к знанию, разбудить в ребятах жажду знания. Надо открыть целый ряд своеобразных подвижных школ—курсов при различных отраслях труда—отчасти это будут школы грамоты, отчасти профессиональные курсы, отчасти занятия арифметикой и геометрией, отчасти уроки рисования и черчения. Тут важна краткосрочность, точное приспособление к нуждам, элементарность, жизненность постановки занятий.

Кто будет привлекать поростков на работу? Биржа труда, детские дома, молодежь, работающая среди беспризорных, комсомольцы и т. п. Если дело будет поставлено как следует, трудно будет только начало.

Конечно, эта работа нелегкая и может быть налажена лишь при условии, что будет учтена психология подростка, его стремление к независимости и самостоятельности. В этом отношении мы много можем позаимствовать у американцев. У них, например, очень в ходу так называемый метод проектов. Он заключается в том, что подросток или группа подростков, совместно с учителем, вырабатывают план выполнения какой-нибудь работы, например, возделывание огорода, починка автомобиля, очистка от мусора какого-либо участка. Ставится

определенная цель, обсуждаются все способы его достижения с наименьшей затратой энергии, времени и средств; выясняется, с чьей стороны и какая помощь нужна для выполнения работы, заключается формальный контракт, и группа подростков выступает в проведении намеченного плана, зарабатывая на этом иногда довольно много, приобретая в процессе работы профессиональное и общее знания. У нас это дело еще и не начиналось, а работа среди подростков—притом работа целесообразная, учащая их работать, правильно организовывать свой труд—крайне необходима. Говорено об этом много. Пора перейти от слов к делу.

«Правда», 1923 г.

V. БОРЬБА ЗА ШКОЛУ ТРУДА

ПРЕДИСЛОВИЕ *)

В предлагаемом очерке автор задается целью проследить, как возник и развился взгляд на необходимость соединения производительного труда с умственным развитием в деле народного образования.

Взгляд этот зарождается в период, когда крупная промышленность стала в широких размерах применять и эксплоатировать детский труд. Впервые указывает на необходимость соединить обучение с производительным трудом уже в XVII в. английский писатель Джон Беллерс. В XVIII и в начале XIX столетия эта идея находит себе защитников не только в Англии, но и на континенте. Руссо горячо отстаивает эту идею, и его точка зрения на этот вопрос находит живой отклик во Франции, Швейцарии, Германии. Во Франции конвент стремится законодательным путем воплотить эту идею в жизнь, а в Швейцарии пылкий демократ Песталоцци отдает всю свою жизнь, все свое состояние, чтобы показать, как надо применять на практике в деле народного образования производительный труд. Маркс и Энгельс в 50-х годах и позднее вновь выдвигают эту идею, развивают и научно обосновывают ее. В „Капитале" Маркс показывает, как само развитие техники создает потребность в высоко развитом, всесторонне подготовленном к труду, политехнически образованном рабочем.

---

*) Примечание 1924 г. Книжка „Народное образование и демократия" была написана в 1915 г. Имелись в виду цензурные условия. Книжка сначала была озаглавлена „Народное образование и рабочий класс", но потом заглавие было изменено, чтобы не привлекать к книжке особого внимания цензора.

Н. Крупская.

Однако мысль о соединении умственного развития с физическим, обучения с производительным трудом, проповедывавшаяся деятелями конца XVIII века, их опыты в этом направлении скоро забываются. Поскольку в первые три четверти XIX века капитал предъявлял лишь спрос главным образом на простой, неквалифицированный труд, который не требовал от рабочего ни инициативы, ни сообразительности, ни знаний, ни ловкости, голоса деятелей, требовавших для народа всестороннего образования, покоящегося на соединении широкого умственного развития с подготовкой к самому разнообразному физическому труду, оставались гласом вопиющего в пустыне. Правда, число народных школ росло, но это были школы учебы, в которых исключался всякий физический труд, которые учили лишь чтению, письму и счету и обращали внимание главным образом на то, чтобы воспитать послушного, исполнительного рабочего. XX век, с его могучим прогрессом техники, выдвинул однако с особой силой на первый план новую тенденцию современной технологии: одухотворение машинного труда. Растет спрос на всесторонне развитого, умелого рабочего, который может быстро приспособляться к постоянно изменяющимся и совершенствующимся машинам и процессам производства. Конечно, эта тенденция стала обнаруживаться прежде всего в наиболее развитых в промышленном отношении странах: Америке и Германии Передовые капиталистические страны начинают обращать усиленное внимание на выработку всесторонне подготовленных к труду рабочих: устраивают всякого рода профессиональные школы, вечерние курсы и др. По мере роста спроса на подготовленных рабочих техническое образование стремятся превратить во всеобщее, начинают его связывать с начальным обучением, для этой цели реформируют народную школу. В Америке, а в последнее время в Германии на смену школы учебы идет так называемая трудовая школа (Arbeitsschule). Трудовая школа однако не может покоиться на тех принципах, на которых покоилась школа учебы. Она требует развития в учениках самостоятельности, требует развития индивидуальности ученика. Подавление личности ученика, внешняя дисциплина трудно совместимы с теми задачами, которые ставит себе трудовая школа. Новые методы требуют совершенно иного учащего персонала. Учитель, привыкший держаться рутины и ждать указаний относительно

каждого шага, не годится для такой школы. Трудовая школа требует живого отношения к ней, индивидуализации. Старые формы контроля оказываются невыполнимыми. Необходим взаимоконтроль учащих, контроль населения. Но нужен не только контроль со стороны населения, нужно самое широкое сотрудничество с его стороны. Трудовая школа предполагает тесную связь обучения с производством, а это неосуществимо без привлечения к делу рабочего населения в лице его организаций.

Экономическое развитие настоятельно требует преобразования школы учебы в школу труда, но преобразование это неосуществимо без перестройки всей организации дела народного образования.

ПЕСТАЛОЦЦИ

В конце XVIII века Швейцария переживала переходный период. Капиталистическое производство проникло в крестьянскую Швейцарию и начало разлагать старые патриархальные устои. Крестьянство дифференцируется. В своем романе „Лингардт и Гертруда“ Песталоцци описывает три разряда крестьянских хозяйств: 1) Крупные, крепкие хозяйства, много скота, лугов. Работа ведется старым, заведенным порядком, с громадным напряжением. Отсутствие всякой роскоши, строгая экономия. Патриархально дисциплинированная семья, строгие нравы. Отсутствие долгов. Занимаются исключительно земледелием. 2) Хозяйства средние—задолженные; стремленче всеми средствами удержать за собой землю, погоня за всякого рода заработками, работа на фабрике, метанче, нервность. Старые нравы разлагаются, семья меняет свой характер, менее в ней крепости, сплоченности. 3) Наконец, хозяйства совсем разорившиеся. Живут работой на фабрике, поденщиной. Заставляют 5—6-летних детей прясть целый день, зарабатывают гроши; живут в грязи, пропивают последнее.

Нищета, неустройство, беспомощность разоряющихся народных масс в Швейцарии стали слишком заметными, слишком били по нервам, слишком притягивали к себе внимание.

Среди наиболее чуткой, отзывчивой молодежи естественно стало развиваться стремление помочь народу. Но скоро выяснилось, что для привилегированных классов этот страдающий народ—таинственный незнакомец. И молодежь стала стремиться сблизиться с народом, стать в условия его жизни.

В 1765 году профессор Бодмер пишет Зульцеру о швейцарской молодежи: „Удивительное дело, до чего некоторые из лучших студентов увлекаются фантазией вместе с ним (Брейсом) заниматься обработкой крестьянских полей.

Чтобы научиться этому, они сделали опыт—помогли крестьянам жать хлеб, испытывали себя, могут ли они переносить жару, усталость, дождь".

Песталоцци поселился у своего деда в деревне и стал принимать участие во всех полевых работах. „Этот человек,—писал о Песталоцци его друг Блунчли,—целый день вместе с крестьянами жнет хлеб, рожь и т. д. Почти все пальцы себе порезал на левой руке, бедняга".

Все это так знакомые русскому читателю народнические настроения!

Большинство произведений Песталоцци и посвящено вопросу о том, как преградить источник народных бедствий.

В них очень много наивного. История доказала несостоятельность очень многих взглядов Песталоцци.

120—130 лет тому назад, когда только стало складываться капиталистическое общество и еще могуче властвовал феодализм, не виден был путь развития, тогда не существовали еще силы, историческая задача которых преградить раз навсегда основной источник народных бедствий.

Песталоцци был сын своих дней, дней, когда не было еще и речи ни о какой классовой борьбе, когда помощи народу ждали извне: от просвещенного монарха, от воодушевленного любовью к народу феодала, от умного законодателя, от доброжелательного фабриканта. Век Песталоцци был веком, когда собственность была окружена священным ореолом, и люди наивно верили, что путь к ней лежит через бережливость, трудолюбие и другие аналогичные добродетели.

Это был век, когда человек такого глубокого ума, как Роберт Оуэн, живший притом при гораздо более развитых условиях производства Англии, усиленно переписывался с сильными мира сего и от них, от князей и миллионеров, ожидал осуществления своих проектов.

„Я чувствовал,—пишет Песталоцци (в № 32 „Еженедельного Листка" 8—VIII 1782),—что народ надо прежде всего привести к тому, чтобы он хорошо понял самого себя и свое положение".

Для этой цели Песталоцци в 1781 г. пишет роман для народа „Лингард и Гертруда", в 3-х частях. В этом романе

он изображает жизнь деревенской бедноты, всю ее нищету, беспомощность, невежество.

Главное средство, по мнению Песталоцци, при помощи которого народ может сделаться независимым от богатства и милости, это—воспитание.

Воспитание, которое проповедует Песталоцци, тесно связано с потребностями трудящихся масс, вытекает из них; оно заключается в развитии всесторонней способности к труду, оно тесно связано с жизнью, в ней черпает средства к развитию физических и умственных сил; это воспитание не требует никаких особых затрат, дорогих построек, специально подготовленных учителей; в этой области народ может сам помочь себе; лучшие из его среды могут помочь подняться остальным.

Чего хочет сам народ от школы? Каким потребностям она должна удовлетворять?

Вот вопрос, которым прежде всего задается Песталоцци. Учитель Глюльфи—герой романа „Л. и Г."—идет узнавать, как смотрят на школу и чего ждут от нее деревенские жители. Он идет к зажиточному, крепкому крестьянину, к жене поденщика, к фабриканту, выбившемуся из бедняков в люди.

Богатый крестьянин не придает школе большого значения, он скорее противник ее.

По его мнению, „настоящей школой для детей крестьянина должна быть его пашня, луга, коровники, поля. Книжная наука выбивает у них из головы то, о чем они должны думать, и набивает ее вещами, которые им нужны так же, как пятая спица в колеснице". Дети крестьянина выглядели здоровяками, по внешнему виду мало чем отличались от работников, но были ужасно дики, и их ничем нельзя было вызвать на разговор. Глюльфи пришел к заключению, что для этих детей будет полезна только такая школа, которая будет давать им нечто не взамен того, что дает им занятие земледелием, а сверх того.

Фабрикант или, вернее, предприниматель, раздававший крестьянам на дом хлопчатую бумагу для обработки, Мейер находил, что без умения читать и писать нет спасения на земле; он посмотрел на дело с более широкой точки зрения и сказал по этому поводу: „Значительное число денег, пущенное в оборот, изменило условия жизни народа и характер их заработка, оно уменьшило собственность людей, увеличив их

число и удвоив при этом цену всех продуктов. Большинство кормится уже не от земледелия; из десяти человек вряд ли один имеет достаточно земли, чтобы получить от нее все необходимое. Большинству, чтобы жить, нужен добавочный заработок, но для того, чтобы этот заработок давал действительно обеспечение, надо гораздо больше умения, приспособлений и гибкости, чем сколько имеется у земледельцев. При теперешних условиях народ должен неизмеримо больше знать и уметь, чтобы быть в состоянии так же кормиться, одеваться и жить, как тогда, когда людей было вдвое меньше и земля и хлеб стоили вдвое дешевле". Чтобы изменение условий жизни не ставило население в безвыходное положение, Мейер хотел такой школы, „которая целый день держала бы детей вдали от их, выбитых из колеи, сбившихся с толку родителей; учила бы их, соблюдая твердость и порядок, как это бывает в хорошей семье, всему, что теперь ребенок должен знать и уметь, чтобы работать дома и на фабрике, и, не имея ничего, создать себе хорошие условия домашнего существования" („Л. и Г.", стр. 154).

Целую ночь обсуждал помещик с учителем „этот глубокий план, но требование отнимать на целый день у дичающего народа детей и давать им в школе во всех отношениях подходящее для их будущего существования домашнее воспитание казалось им почти неосуществимым". Как достигнуть этого, навела их на мысль жена поденщика Лингардта, Гертруда. Они увидели, как она воспитывает своих детей. Ее дети вынуждены были ради заработка прясть. Гертруда учила их тщательно выполнять работу, учила всем приемам работы, но вместе с тем заботилась о том, чтобы, в то время как работали их руки, работала и их голова. Она учила их во время работы читать, считать.

Глюльфи основывает в деревне школу. „Он увидал, что дети немногих крестьян, у которых земли много, но много и долгов, и наконец тех, у которых нет ни земли, ни другой сколько-нибудь значительной собственности, в общем во многих отношениях требуют весьма различного воспитания. Поэтому он разделил детей на три различные отделения, которые он повел весьма различным образом" („Л. и Г.," стр. 199).

Отделению, где были дети, родители которых не имели ни земли, ни другой сколько-нибудь значительной собственности,

и посвятил он главным образом себя. В школе он поставил дело всецело так, как того требовали интересы этих бедных детей, лишенных благ собственности, а также разумного домашнего руководства, и его обучение в существенных частях своих было точным подражанием домашнего обучения доброй Гертруды. Как она, Глюльфи считал, что весь его школьный порядок должен зиждиться на том, что дети с самого начала сами зарабатывали бы на свое существование. Без этой предпосылки он считал неосуществимой в крупных размерах и непригодной деревенскую школу и вообще всякое учебное заведение для бедных. Это была основа, на которой все строилось и которая должна была открыть путь к осуществлению дальнейшей конечной цели. Прялки, ткацкие станки и пр. были, таким образом, теми первыми книгами, которые Глюльфи расставил в тех трех больших комнатах, которые устроил ему помещик в старом здании, примыкавшем к школе; их он дал прежде всего в руки детям.

С утра до поздней ночи сидели они под присмотром Маргариты, которую рекомендовала для этой цели Гертруда, за той работой, которую они выбрали себе сами или которую выбрали для них их родители, и этим зарабатывали себе хлеб. При этом они имели то преимущество, что могли ежедневно и ежечасно наблюдать другие работы и узнавать их свойства и природу, видеть их хорошие и дурные стороны, трудность, доходность, и, таким образом, предохранялись от той жалкой односторонности и ограниченности, жертвой которой делаются многие бедные дети, прикованные всю жизнь к своей прялке или к своему ткацкому станку. Дети могли, исполнив свою подённую работу, работать еще ту работу, которая им нравилась... Затем, чтобы ознакомить их с мелким земледелием, соединение которого с домашней промышленностью он считал таким существенным, Глюльфи отвел им под школьный сад большой кусок земли. У каждого ребенка были по три грядки, где он мог сажать, что хотел, и тот, кто выращивал у себя наилучшие овощи и наибольшее число их, получал премию... В школе дети имели под рукой все, что бывает в лучших домах, и их учили обращаться с этим. У них были свиньи, птицы и кролики, которых они держали в конце сада; были козы и овцы, которых деревенский пастух гонял вместе с деревенскими козами и овцами на пастбище. Они учились, что

делать со льном и коноплей, начиная с момента посева и до превращения их в пеньку и полотно, когда они попадают в руки портного и швеи; точно так же с шерстью, с момента стрижки овцы и до превращения шерсти в сукно.

Все процитированное выше место из „Лингардта и Гертруды“ о школе Глюльфи показывает, как тесно должна быть, по мнению Песталоцци, связана школа с жизнью. Школа должна готовить для жизни, жить интересами этой жизни, освещать все стороны ее, только тогда явится она могучим средством преобразования этой жизни, тем, чем хотел сделать ее Песталоцци. Но и средства воспитания школа должна черпать в самой жизни. „Жизнь воспитывает“—таков эпиграф одной из глав „Лингардта и Гертруды“.

Труд стоит в центре жизни народных масс, поэтому и центром воспитания в школе Песталоцци ставит производительный труд. Во 2-м приложении к „Швейцарскому Листку“ Песталоцци писал: „Человек должен искать обоснования своего миросозерцания в том труде, которым он обычно занят... он должен стремиться самостоятельно извлекать познания главным образом из своей трудовой деятельности... Поэтому знания, сообщаемые всякому ребенку, должны концентрироваться около его трудовой деятельности“. Труд формирует ум и характер человека.

Отсюда Песталоцци делает естественный вывод, что условия труда влияют и на детей. В конце XVIII века детский труд применялся в самых широких размерах как в сельском хозяйстве, так и в домашней промышленности. Как эксплоатировались дети, в каких неблагоприятных условиях протекала их работа, как она тяжело отражалась на них, это Песталоцци прекрасно сознавал. В 1782 г. в „Швейцарском Листке“ в статье IX „О крестьянах“ Песталоцци писал: „Места, где крестьянин для того, чтобы обрабатывать землю, должен мучить скот и людей, являются раем для предпринимателя, который заботится об одном лишь о доходности своей фабрики. Тут находит он людей, которые до крови избивают своих пяти-шестилетних детей, заставляя их прясть и этим зарабатывать какой-нибудь крейцер. Мы видим это всюду, где хозяйства малодоходны, где у крестьянина мало лугов, также там, где его хозяйство задолженно или почему-либо иному приходит в упадок, где в деревне каждый рад отделаться от лишнего бремени“.

Средством избавить детей от отупляющего действия однообразного труда, по мнению Песталоцци, является школа. Она должна осмыслить детский труд, сделать его средством развития в детях всесторонней способности к труду, научить детей самым разнообразным видам труда. Мы видели, как стремится к этому в своей школе Глюльфи. Конечно, об'ем политехнических знаний, сообщаемых ребенку в школе Песталоцци, с теперешней точки зрения крайне ограничен, на нем лежит яркая печать мелкого производства, производства, в значительной мере рассчитанного на собственное потребление. Оно и не могло быть иначе в то время, тем не менее идея о необходимости знакомства с производством в целом, со всеми областями трудовой деятельности человека, притом знакомства не книжного, а практического, действенного, выступает у Песталоцци очень отчетливо.

В 1790 г. он пишет докладную записку графу Карлу фон-Цинцендорфу, австрийскому государственному деятелю того времени, занимавшему видное положение и состоявшему в переписке с Руссо [1]), Вольтером [2]), Гельвецием [3]), в которой развивает мысль, что необходимо создать такие школы, где дети неимущих слоев населения, путем изучения м н о г и х видов промышленности, получали бы всестороннюю подготовку к труду, ко всем его видам. Он насчитывает три главные отрасли труда: земледелие, домоводство и обрабатывающую промышленность. Изучение их в школах должно быть поставлено практически, тесно связано с производительным трудом детей.

Несомненной ошибкой Песталоцци было желание соединить с обучением не только производительный труд, но и заработок детей. Детский заработок связан с эксплоатацией детского труда, с истощением детских сил. Уже читая описание школы Глюльфи, чувствуешь, что тут не все благополучно. С одной стороны, дети заняты пряжей „с утра до поздней ночи", с другой—обучаются садоводству, другим производствам, часовому делу и пр. На бумаге, в романе можно было еще кое-как свести концы с концами, оставляя в тени тот факт, что „заработок" детей покоится на эксплоатации детских сил, но при первом соприкосновении с действительностью неизбежно должны были разлететься в прах все иллюзии на этот счет.

Нейхофская школа.

Так оно и вышло, когда Песталоцци задумал осуществить на практике ту школу, которая у него была описана в романе. В 1769 году он основал в своем имении Нейхофе на свои личные средства школу для бедных. Его ученики были в большинстве бесприютные, заброшенные дети, без всяких средств к жизни, без всякого воспитания, без умения и желания работать—дикие, озлобленные, часто полубольные зверки. Песталоцци окружил их любовью и лаской и стал применять при воспитании их свой метод.

Производительный труд детей заключался в обработке фермы, при ферме Песталоцци устроил сыроварню и прядильню. Зимой дети пряли и ткали. Обучали этому детей несколько рабочих-специалистов, вполне знавших свое дело. Обучение происходило в духе Песталоцци, страстно стремившегося провести в жизнь свою идею соединения производительного труда с обучением чтению, письму, счету и вообще с общим развитием. Ни о какой эксплоатации детского труда, понятно, не было и речи. С точки зрения воспитания результаты получались блестящие: дети охотно и старательно работали, учились самостоятельно думать, приобретали много знаний и пр., но сама себя содержать школа была не в состоянии: хозяин был Песталоцци неважный, нерасчетливый, торговые дела тоже вести не умел, хотя и ездил самолично продавать продукты труда воспитываемых детей. Но дело было даже не в том, что Песталоцци был плохим хозяином. При капиталистическом хозяйстве вообще заработок детей покрывает лишь отчасти стоимость их существования. Жить на заработок они могут лишь впроголодь, да и то лишь при условии, что вся рабочая сила ребенка, все его время будут целиком в распоряжении предпринимателя. Так было, по крайней мере, до издания фабричных законов, ограничивающих число часов детского труда. Во времена Песталоцци царила главным образом домашняя форма капиталистической промышленности, при которой эксплоатация детского труда достигла крайних размеров. Надеяться, что при таких условиях детский труд будет покрывать целиком и даже с избытком стоимость их содержания, было бистой утопией. И действительно, большую часть расходов на

содержание детей своей школы Песталоцци приходилось покрывать из своих личных средств, а они были невелики. В 1775 г. Песталоцци вынужден был опубликовать „просьбу к друзьям человечества о поддержке заведения, имеющего целью дать воспитание и работу бедным крестьянским детям". В результате удалось собрать 1.400 фр. Их, конечно, хватило не надолого. Песталоцци стал закладывать и продавать все, что мог, но в 1780 году ему прошлось распустить свой приют, так как ему нечем было кормить ни своих учеников, ни свою семью.

Причины неудач Песталоцци.

Опыт Песталоцци потерпел крах. Поверхностные наблюдатели сделали вывод, что вообще производительный труд детей несовместим с обучением, и с легким сердцем предпочли школу учебы школе труда.

Сам Песталоцци гораздо вернее оценил причины своей неудачи. В 1782 г. в 1-м приложении к № 32 „Еженедельного Листка" он останавливается на этом вопросе. Главную свою ошибку Песталоцци видит в том, что он стремился совместить производительный труд детей с торговлей, другими словами, что он взялся за ведение промышленного предприятия и в зависимость от его успеха поставил успех своего педагогического предприятия. Надо было, чтобы работа была направлена не на производство предметов для продажи, а на производство предметов для собственного потребления.

Говоря, что нельзя было ставить успех педагогического предприятия в зависимость от условий рынка, Песталоцци был совершенно прав. Но он был неправ, когда хотел, чтобы производительный труд детей ограничивался предметами собственного потребления. Если бы это осуществилось, такая школа была бы мелкой замкнутой хозяйственной единицей, оторванной от общей экономической жизни страны. Благодаря этому она была бы оторвана от живой жизни, чего меньше всего хотел Песталоцци. Кроме того, ведь речь шла не об одной школе, а о тысячах школ. Эти замкнутые мелкие производительные школьные колонии оказались бы вкрапленными в капиталистическое хозяйство страны и находились бы в полном противоречии с ним. Существование таких обособленных производительных единиц в недрах общей могуче

развивавшейся капиталистической организации, покоящейся на принципе конкуренции, вовлекающей все и вся в капиталистический обмен, было такой же утопией, как и желание покрыть работой детей на предпринимателя стоимость содержания детей и в то же время сделать эту работу центром воспитательной деятельности.

Основная идея Песталоцци, выдвинутая им с такой силой, что центром воспитательной деятельности должен быть производительный труд, совершенно верна, вполне соответствует интересам рабочего класса и выдвинута теперь на очередь самим ходом экономического развития. Ошибкой Песталоцци было только то, что он мыслил этот производительный труд в той форме, в какой он существовал в его время: либо в форме работы на предпринимателя, либо в отживающей форме работы на собственное потребление.

Школа учебы. Система Ланкастера.

Тем временем зарождалась уже народная школа иного типа, школа учебы, которая имела не столько в виду интересы народных масс, сколько интересы промышленности и привилегированных сословий. Крупная промышленность стянула в города и промышленные центры тысячи народа. Управлять этими массами было нелегко. Кроме того, они пугали своим невежеством и проявлениями диких вспышек гнева. Если раньше безграмотность крестьянина считалась явлением вполне нормальным, то теперь вопрос о необходимости дать народу элементарные знания, внушить ему некоторые религиозные начала был поставлен либеральной буржуазией. Этого требовали ее собственные интересы. И вот, в наиболее промышленной стране того времени, в Англии, возникают ланкастерские школы. Эти школы рассчитаны на массы. В одной общей зале собирали 600—1.000 детей, которых обучал, по методу взаимного обучения, один учитель. Такая школа была точным слепком с фабрики или, вернее, с мануфактуры. Преподавание было механизировано до крайней степени и распадалось на длинный ряд последовательных ступеней. Все было основано на разделении труда. Ребенок, знавший три буквы, учил не знавшего ни одной; знавший пять букв учил знавшего три и т. д. Все делалось

по звонку, по знаку учителя. Такие школы были очень дешевы, давали они, конечно, минимум знаний. Не брезговали эти школы и детским трудом, но в ланкастерской системе детский труд был не средством воспитания, а средством удешевить содержание этих школ. После заключения мира в 1814 году ланкастерские школы стали вводиться и в другой промышленной стране того времени, во Франции.

Песталоцци очень отрицательно относился к ланкастерским школам и называл их „грязью". Он хотел для народа совсем других школ, школ, которые давали бы ребенку всестороннее развитие, подготовляли бы его к жизни, к труду. Он не мог не видеть, что школа, построенная на механическом зазубривании молитв и первых начатков грамотности, совсем не та школа, которая нужна народу. Отсюда и его отрицательное отношение к системе Ланкастера.

Мало-по-малу школы Ланкастера утратили свой первоначальный характер громадных мануфактур. Они стали меньше по размеру, система взаимного обучения была упразднена, но дух их остался тот же: они преследовали цель сообщения народу небольшой суммы элементарных знаний. Учение наизусть молитв и текстов из библии занимало в них значительную часть времени. Школа учебы постепенно водворилась в Европе.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Ж.-Жак Руссо — французский философ, писатель и педагог. Один из виднейших представителей т. н. „просветительной философии". Автор книги „О социальном договоре", игравшей крупнейшую роль в выработке мировоззрения деятелей французской революции XVIII в.

[2]) Вольтер — французский писатель и философ XVIII ст. По характеристике Плеханова, был идеологом третьего сословия, нарождавшейся буржуазии, боровшегося с духовной и светской аристократией за свое освобождение.

[3]) Гельвеций — один из крупнейших французских материалистов в XVIII в. Автор книги „О человеке".

„ПРОМЫШЛЕННАЯ ШКОЛА“ ДЛЯ БЕДНЫХ

Фелленберг и Песталоцци.

Наш очерк взглядов Песталоцци на необходимость поставить в центр воспитания производительный труд был бы не полон, если бы мы не остановились на попытке другого швейцарского деятеля и современника Песталоцци, Эммануила Фелленберга, на практике доказать, что детский производительный труд совместим с обучением и может при этом окупать стоимость содержания детей.

Вообще говоря, Фелленберг совершенно не разделял взглядов Песталоцци. Песталоцци был демократ, Фелленберг — аристократ, весьма мало сочувствовавший всяким освободительным движениям. Он был крупным землевладельцем, очень богатым человеком.

Общее с Песталоцци у него было только то, что оба они в воспитании видели средство возрождения своей страны, средство спасти ее от „великой хозяйственной разрухи“.

Фелленберг был человек замечательно сильной воли, необычайной энергии, неутомимо преследовавший раз намеченную цель. Притом это был очень практичный, расчетливый человек, прекрасно знавший людей и умевший использовывать их для своей цели. И человек очень богатый.

Ему удалось почти целиком осуществить задуманный им план, поскольку он касался школьного государства Хофвиля. Обширное хозяйство этого имения было поставлено на капиталистическую ногу, применялись машины и усовершенствованные способы производства. Во всем была самая строгая отчетность, самый строгий порядок. Хозяйство велось при помощи батрацкого труда (в кантоне Берна, где находился Хофвиль, в то время особенно велико было число разорившихся

крестьян, сельский пролетариат был очень многочисленен, положение его было самое тяжелое) и давало крупный доход. Фелленберг смотрел на ведение хозяйства в Хофвиле, как на своего рода культурную миссию, пропаганду делом, и старался ознакомить с ним самые широкие круги. Он устраивал у себя в имении сельско-хозяйственные выставки и празднества, добивался назначения правительственных комиссий, которые бы свидетельствовали об образцовой постановке хозяйства в его имении.

Так же осуществил Фелленберг и устройство своей системы учебных заведений.

Хофвильская система.

Хофвильская система учебных заведений в своем законченном виде должна была быть рассчитана на все возрасты, нуждающиеся в воспитании, начиная с раннего детства, которому дана была бы возможность развивать зародыши еще дремлющей духовной жизни путем предоставления воспитанникам соответствующего поприща деятельности. Над детской школой должны были возвышаться рассчитанные на более старший возраст другие учебные заведения, разделенные на три отделения, соответствующие главным ступеням общества, подобно трем столпам:

а) для детей низших общественных сословий, детей неимущих и бедных, должна была быть основана построенная на соединении земледелия с техникой промышленная школа, или школа для бедных;

б) для ядра народа, среднего сословия, должна была быть устроена соответствующая его потребностям реальная школа;

в) для сыновей богатых и знатных должно было быть создано особого рода образование, которое имело бы в виду не только умственное развитие, но и религиозно-нравственное, духовно возвышающее их, соединенное с самым широким политическим образованием.

Общим связующим звеном этих чисто педагогических учреждений должно было быть рациональное земледелие; не только ученики школы для бедных должны были находить в земледелии главное поприще для своего воспитания, но и

дети высших сословий, благодаря знакомству с рациональным земледелием, получали возможность в будущем благодетельствовать бедным в высшей степени гуманным, соответствующим их высокому положению способом.

Поэтому на ряду с этими учебными заведениями необходимо было озаботиться организацией образцового и опытного сельского хозяйства, в связи с устройством необходимых мастерских для изготовления и усовершенствования сельско-хозяйственных орудий, а для тех воспитанников, которые по окончании общего образования захотели бы специально изучить земледелие, устройством специально оборудованной сельско-хозяйственной школы. Заключительным звеном всех этих аграрно-воспитательных заведений должно было быть устройство учительской семинарии, главным образом для учителей народных школ, которые проникались бы пониманием преследуемых в Хофвиле целей, усваивали бы практикуемые там методы деятельности и научились подражать благодетельным хофвильским образцам („Песталоцци и Фелленберг“, стр. 27).

Как мы видим из этого плана, идеалом Фелленберга было построенное на крупном землевладении, разделенное сословными перегородками государство.

Таким образом приют для бедных детей являлся необходимым, пожалуй, самым необходимым звеном в цепи воспитательных заведений, но должен был всегда оставаться учреждением обособленным. По мысли Фелленберга, такой приют никоим образом не должен был служить подготовительной ступенью для других учебных заведений.

Сословное воспитание в корне противоречило всему демократическому строю мысли Песталоцци.

Характерен следующий эпизод из его жизни.

Песталоцци был уже стариком. В один из моментов его жизни, когда ему приходилось очень трудно и когда он особенно сильно чувствовал свою беспомощность в практических делах, Фелленберг предложил ему взять на себя руководство школой для бедных в его имении Хофвиль. Он брал на себя всю практическую сторону дела, предоставляя Песталоцци полную свободу действий и очень выгодные условия. Друзья Песталоцци доказывали ему, что лучшего и желать ничего не надо. Песталоцци колебался, согласился было, но в последнюю

минуту прямо сбежал, сообщив Фелленбергу письмом, что не может работать у него, так как цели у них различны. В этом эпизоде биографы Песталоцци видят—одни проявление слабохарактерности, другие—боязнь не ужиться с властным Фелленбергом, попасть от него в зависимость. Между тем причина, почему Песталоцци не пошел на службу к Фелленбергу, ясна: цели у демократа Песталоцци и у аристократа Фелленберга были слишком различны: один стремился к всеобщей свободе, равенству и братству, другой хотел упрочить сословные деления, усилив их еще разностью воспитания.

„Промышленная школа" для бедных.

Хофвиль приобрел всемирную известность. Со всех концов Европы приезжали посетители посмотреть на школьное государство Фелленберга. Особенное внимание привлекала его „промышленная школа" для бедных.

Историю этой школы подробно рассказывает в своей автобиографии Верли, 23 года пробывший в ней учителем (с 1810 по 1833 г.).

Долго не мог Фелленберг устроить у себя „промышленной школы для бедных" за отсутствием подходящего учителя. По мысли Фелленберга, учитель этой школы должен был быть родом из бедной семьи, быть привычен к тяжелой физической работе, должен был быть готов, как батрак, с утра до вечера работать вместе с детьми в поле или мастерской. Это должен был быть человек с низким уровнем потребностей, привыкший к лишениям, холостой, богобоязненный, не зараженный освободительными идеями. Но вместе с тем он должен был быть способен понять те задачи, которые ставил Фелленберг своей промышленной школе, и стремиться к их осуществлению не за страх, а за совесть. Притом это должен был быть человек, питающий любовь к науке, человек с безупречным характером, способный влиять на детей.

Все это с избытком нашел Фелленберг в молодом Верли, все свои силы и знание, все свое горячее любящее сердце, всего себя отдававшем делу воспитания бедных детей в промышленной школе Хофвиля. Без Верли из этой школы ничего бы не вышло.

Если в Нейхофе, в своей школе, Песталоцци главное значение придавал воспитательному влиянию производительного труда, а хозяйственная сторона дела отодвигалась у него на задний план, то в Хофвиле, у Фелленберга, эта хозяйственная сторона стояла на первом плане. Работа детей была на строгом учете. Фелленберг рассчитал, что труд детей только тогда будет окупать стоимость их содержания, если они будут работать очень интенсивно и, кроме того, оставаться в школе до 21 года. Целыми днями дети, вместе с своим учителем, работали в поле с 6-и часов утра до 7—8-и часов вечера каждый день, кроме воскресений. Даже когда устраивались празднества в Хофвиле, дети и Берли работали. Больше всего приходилось полоть—работа, как известно, особенно тяжелая своим однообразием, притупляющая, а не развивающая. Учитель должен был быть в то же время и надсмотрщиком. За всякий недосмотр, за недостаточно интенсивную работу детей Фелленберг выговаривал Берли, часто в очень грубой форме. Учились только вечером или в обеденный перерыв, по 2—3 часа в день. За эту тяжелую работу Берли и дети получали самую простую пищу, мясо полагалось только по праздникам, ели на кухне. Одевались в самотканную пестрядину. Тяжела была такая жизнь. Не раз решал Берли покинуть Хофвиль (жалованье долгое время он получал самое ничтожное). Но превосходно знавший людей, Фелленберг знал, как воздействовать на Берли, говорил ему о великой миссии, отпускал немного вожжи, и Берли оставался. Во время работы Берли учил детей счету, рассказывал им, пел с ними, говорил им о жизни растений и животных, учил геометрии. В часы школьных занятий занимались письмом и вообще тем, чего уж абсолютно нельзя было делать во время работы. Благодаря педагогическому таланту и самоотвержению Берли, достигались хорошие результаты и в учении. Фелленберг умел рекламировать свою промышленную школу. Устраивались торжественные экзамены, Фелленберг говорил речи перед посетителями, пожинал славу, упоминал, впрочем, и о значении и преданности делу Берли и награждал его... несколькими луидорами.

Как-никак „промышленная школа для бедных“ достигла цели, поставленной ей Фелленбергом, она окупалась детским трудом, из нее выходили здоровые, грамотные и знающие, умелые сельские рабочие. Правда, это были скорее те сель-

ские рабочие, в которых так нуждалось тогда крупное капиталистическое земельное хозяйство, чем те всесторонне развитые люди, которых хотел воспитать в своей школе Песталоцци, но эту разницу трудно было учесть.

С течением времени возникло еще несколько школ, аналогичных „промышленной школе для бедных" в Хофвиле: такого рода школы были устроены в Майкирхе, Блюфзихофе (в кантоне Цюрих), в Карассе (около Женевы), в кантоне Гларус (колония Линта), в кантоне Аппенцель (в Шуртане при Трочене), в Базеле и др.

Большинство их было тесно связано с Хофвилем; Верли помогал учителям советом. В некоторых из них, особенно там, где учителями были ученики Верли, дело было поставлено очень хорошо, но в общем „промышленные школы для бедных" не привились. Не привились по той же причине, по которой не привились и школы Песталоцци: они требовали особых хозяйственных организаций, построенных на иных началах, чем капиталистические.

Бунт в Хофвиле.

В заключение расскажем об одном характерном эпизоде из жизни „промышленной школы для бедных" в Хофвиле.

Воспитывает не только школа, но и жизнь. Для детей школы для бедных не проходило бесследным присутствие в Хофвиле детей из богатых сословий. Они, ученики школы для бедных, должны были полоть босиком, в пестрядинных рубашках, с 6-и часов утра до 7-и часов вечера, а барчата из школ для среднего и высшего сословий тут же бегали, играли, учились...

Однажды среди старших учеников промышленной школы вспыхнул бунт. Не против учителя-простяка Верли, тянувшего ту же батрацкую лямку, что и они, а против владельца имения, Феллепберга, который, по их мнению, эксплоатировал их. Верли об'ясняет этот бунт дурным влиянием батраков, вместе и наравне с которыми работали старшие ученики в мастерских и в поле. Весьма вероятно, что батраки своими подразниваниями обострили сознание противоположности интересов хозяйских и батрацких, которое давно уже назревало в учениках и воспитывалось всей атмосферой хофвильского

школьного государства. Ученики не могли не чувствовать, что Фелленберг смотрит на них, как на „черную кость“.

В результате бунта двое учеников были отосланы из Хофвиля, а остальные организовали по собственной инициативе школьную республику, которая взяла на себя заведывание хозяйственно-распорядительной стороной дела, распределяла меж собой работы, учредила взаимный товарищеский контроль, товарищеский суд и пр. Республика „промышленной школы“ отличалась от громадного большинства школьных республик тем, что она не была чем-то искусственным, а была вызвана потребностями жизни: ученики пришли к сознанию необходимости избавить себя от оскорбительного „хозяйского“ надзора, захотели оградить себя от всякой несправедливости в оценке их поступков.

Республика Хофвильской школы ставила себе целью: правильно организовать труд внутри школьной общины и поддержать дисциплину, вызываемую потребностями труда.

Фелленберг не любил всяких „республик“, но он понял внутреннюю необходимость подобного учреждения для процветания „промышленной школы“ и не только не воспротивился этому нововведению, но поддержал его.

А Верли не знал просто, как нахвалиться новыми порядками, заведенными учениками,—они снимали с него обязанность надсмотрщика, которой он всегда так тяготился.

РОБЕРТ ОУЭН

В Англии крупная промышленность возникла гораздо раньше, чем в Швейцарии, и к концу XVIII века уже достигла сравнительно высокой ступени развития. Дети работали там уже большею частью не на дому, а на фабриках, часто с 5—6 лет. Женский труд применялся очень широко и вытеснял собой мужской. Безмерная эксплоатация не была еще ограничена никакими законами. Семья быстро разрушалась. Население жило в ужасной нищете и невежестве. Естественно, что были люди, мысль которых работала над тем, как помочь такому положению вещей. К числу таких людей принадлежал Роберт Оуэн.

Интересно сравнить точку зрения Оуэна с точкой зрения Песталоцци. Оба они находят, что существующее положение вещей не соответствует природе человека. Оба считают, что человек—продукт среды... Но в то время как Песталоцци больше всего внимания обращает на то, что человек есть продукт условий труда, Оуэн ставит вопрос шире: человек есть продукт общественных условий вообще, в том числе и условий труда. Поэтому Песталоцци считает, что помочь народу можно главным образом изменением условий труда детей (воспитанием, таким, как он его понимает). Роберт Оуэн находит, что помочь можно лишь общим изменением общественных отношений, в том числе и реформой воспитания, которое, по его мнению, должно служить базой общественного здания.

Зачаточная форма капиталистических отношений Швейцарии того времени не давала возможности Песталоцци сделать какие-либо обобщающие выводы относительно капиталистической эксплоатации. Правда, он знал о фактах этой эксплоатации, но он считал, что эксплоатация—результат бессовестности некоторых людей; о том же, что она связана с определенной формой про-

изводства, он и не подозревал. Для него люди делились на добрых и злых, на людей различных сословий. Надо, чтобы люди были добры, чтобы они не злоупотребляли привилегиями своего сословия. Идея общественного развития, идея смены одних форм производства другими ему почти совершенно чужда. Поэтому свою теорию воспитания он приурочивает к существующим условиям, *как они есть*. Прядут дети целый день, не разгибаясь, на предпринимателя, он и приспособляет свою школу именно к таким условиям детского труда, не считая возможным изменить их. Роберт Оуэн, живя в стране развитого капиталистического производства, сумел уже обобщить явления капиталистической эксплоатации. Он говорит о классе капиталистов, о господстве этого класса. Он стремится изменить существующие условия, констатируя факт безмерной эксплоатации детского труда, он требует фабричного законодательства для ограничения этой эксплоатации. Он хочет изменения в корне общественных отношений, вырабатывает целый план лучшего общественного устройства.

Опыт в Нью-Ланарке.

Оуэн не разделял иллюзии Песталоцци, что заработок детей в состоянии целиком окупать стоимость их содержания. В иллюзорности этой мысли убедил его опыт фабриканта Дэля.

Дэль, крупный хлопчатобумажный предприниматель, владелец фабрики в Нью-Ланарке, ставший потом зятем Оуэна, так же, как и другие фабриканты того времени, пользовался трудом детей. Он выписал из рабочих домов Шотландии около 500 человек детей, при чем владельцы рабочих домов ставили условием, чтобы он брал детей с самого раннего возраста, с 6—7-и лет.

Дэль заботился о работавших у него на фабрике детях. Для них был выстроен особый дом, их одевали, кормили, учили. Дэль не жалел денег. Комнаты были обширны, чисты, хорошо вентилированы, пища обильна и здорова, одежда чиста и практична. При убежище был врач, и преподавание было поручено лучшим преподавательским лицам. Но Дэль находил, что расходы должны окупаться. А для этого детям приходилось работать при машинах с 6-и часов утра до 7-и часов вечера; лишь после этого начиналось обучение. Работа

была для детей так утомительна и тягостна, что многие не выдерживали и убегали. Из учения ничего не выходило. Дети не развивались ни умственно, ни физически, переставали расти. В 13—15 лет, когда кончалось их учение и они должны были сами о себе заботиться, они оказывались совершенно неприспособленными к этому, не знали жизни, ничего не умели. Работа при машинах не совместима с рассказыванием истории, обучением счету и пр., а самое главное—детские силы не выдерживают долгой однообразной работы.

Когда управление фабрикой Дэля перешло в руки Оуэна, он не стал принимать на работу детей моложе 10-и лет. Дети в возрасте 5—10 лет учились в особой школе, где обучение велось так, что доставляло им удовольствие и наслаждение. Результаты получились самые благоприятные.

Наблюдая вредное влияние фабричной работы на детей, Роберт Оуэн стремился к тому, чтобы добиться запрещения законодательным путем детям моложе известного возраста поступать на фабрику.

Это не значило, конечно, что Роберт Оуэн относился отрицательно к производительному труду детей. Напротив, он всецело разделял взгляды на этот вопрос знаменитого квакера Джона Беллерса, жившего в конце XVII века (1654—1725).

ДЖОН БЕЛЛЕРС

Соединение обучения с производительным трудом.

Занимаясь вопросами народного хозяйства, Джон Беллерс (Маркс называет его настоящим феноменом своего времени), движимый гуманным желанием помочь обнищавшим, выкинутым на улицу массам безработного люда, особенно подробно остановился на вопросе, как помочь безработным. Этому вопросу посвящено его „Предложение основать промышленную школу для изучения всех существующих отраслей промышленности и сельского хозяйства“, которая „должна давать выгоду богатым, полную, разностороннюю жизнь беднякам и хорошее воспитание молодежи“. О выгоде богатых Беллерс говорит потому, что находит, что „богатые совершенно не в состоянии жить иначе, как пользуясь трудом других: лэндлорд живет трудом арендатора, купцы и промышленники—трудом своих рабочих“. Только предприятие, дающее доход, может поэтому прочно стать на ноги. „Легче найти тысячу фунтов стерлингов для предприятия, которое приносит прибыль, чем сто фунтов на цели благотворительности“.

Промышленная школа Беллерса была рассчитана на 300 человек и должна была служить рассадником промышленности и знаний, соединять в себе занятия сельским хозяйством и промышленным трудом, давать простор разумному применению работы женщин и детей.

„Вначале следует обратить внимание на то, чтобы подобрать известное число дельных рабочих, могущих служить хорошим примером, остальные члены школы состоят из учеников“.

„Мальчики и юноши до 24-х лет, девочки и девушки до 21 года считаются „учениками“, затем они могут оставить школу, жениться“.

Дети богатых за плату могут также приниматься в промышленную школу и пользоваться благами общественного воспитания.

В промышленной школе обучение тесно связано с физическим трудом. „Не связанное с физическим трудом обучение немногим лучше, чем обучение безделью". „Физический труд точно так же необходим для жизненных функций человека, как еда. Физический труд подливает свежего масла в лампу жизни, которая светится мыслью, без этого масла мысль бы погасла".

Школа должна быть отражением в уменьшенном виде мира и включать все полезные производства.

„С четырех или пяти лет, на ряду с чтением, мальчиков и девочек следует учить вязать, прясть и пр., мальчиков постарше учить токарному искусству и пр.; ко времени юности они будут отличными работниками и, работая даже легкую работу, они будут развивать свой ум наглядными доказательствами (истин), тогда как глупые детские занятия и ум их оставляют глупым..."

„Ручной труд приносит пользу, делает ум мудрым и, закаляя волю, укрепляет в добре".

„В промышленной школе дети будут жить и обучаться всему полезному. Видя, как другие работают и берегут время, дети, вместо того, чтобы играть, будут изучать какое-нибудь производство, работа будет для них не труднее игры; видя, что другие работают, они будут им подражать, и подражание доставит им столько же удовольствия, как и игра. Так им легче научиться, чем взрослым, и приобрести привычку к труду. Недостаток ее погубил не мало хороших семян..."

Итак, промышленное развитие Англии дало возможность Беллерсу уже в конце XVII века понять важность соединения обучения с производительным трудом; он придает этому труду громадное воспитательное значение. Весьма характерно, что он представлял себе промышленный колледж не как обособленное учреждение для бедных, но как образцовую школу, куда могут вступать и богатые, чтобы пользоваться ее преимуществами. Характерно также, что колледж Беллерса не является специальной школой для детей, дети учатся и работают на ряду со взрослыми. В сущности школой тут является разумно организованная жизнь, полная труда, дающая ребенку необходимые условия для проявления его активности.

МАРКС И ЭНГЕЛЬС О ДЕТСКОМ ТРУДЕ

Взгляд рабочей демократии на роль производительного труда в деле народного образования.

Прямой наследницей взглядов Беллерса, Песталоцци, Оуэна на роль производительного труда в деле народного образования явилась рабочая демократия.

Она взяла все, что было в этих взглядах здорового и жизненного, развила и дополнила их. Но главная ее заслуга в том, что она указала на их тесную связь с потребностями промышленного развития, указала, как это развитие неизбежно приводит к необходимости соединения обучения с всесторонним производительным трудом детей и как такое соединение подготовляет устранение существующего в настоящее время деления труда в обществе.

Особенно всесторонне разработал этот вопрос Маркс. На той же точке зрения, как Маркс, стоял и Энгельс.

Энгельс в „Положении рабочего класса Англии", а Маркс в I томе „Капитала", в главе „Машины и крупная промышленность", нарисовали ужасающую картину эксплоатации детского труда как в домашней промышленности, так и на фабрике. Эти описания не оставляют никакого места иллюзиям о благодетельности этого труда для детей.

Маркс о детском труде.

„Уже в 1840 г.,—пишет Маркс в I томе „Капитала", —была назначена парламентом комиссия для исследования детского труда. Отчет ее от 1842 г. раскрыл, по словам Н. Сеннора, ужасную картину жадности, эгоизма и жестокости капиталистов и родителей, нищеты, вырождения и одичания детей и подрост-

ков, когда-либо виданную светом... Этот отчет пролежал без внимания 20 лет, в течение которых позволили стать родителями нынешнего поколения детям, выросшим без малейшего представления о том, что мы называем моралью, о школьном образовании, религии или естественной семейной любви" („Капитал", т. I, стр. 408, изд. 1899, под ред. Струве).

Комиссия требовала регулирования законодательным путем фабричного труда детей. „Закон защитит подрастающее поколение (писала комиссия в своем отчете) от переутомления в раннем возрасте, подтачивающего их организм, приводящего его к преждевременному истощению; наконец он предоставит детям возможность получать, по крайней мере, до 13-и лет элементарное образование и этим положит конец невероятному невежеству, которое так верно изображено в отчетах комиссии и о котором нельзя подумать без истинной скорби и без глубокого чувства национального унижения" (там же, стр. 408).

„Умственное одичание,—пишет Маркс,—искусственно производимое превращением незрелого человека в простую машину для фабрикации прибавочной ценности и резко отличающееся от того естественного невежества, которое оставляет ум невозделанным, не губя его способности к развитию, его естественного плодородия,—это одичание заставило наконец даже английский парламент провозгласить элементарное образование обязательным условием для „производительного" употребления детей моложе 14-и лет во всех промышленных заведениях, подчиненных фабричному закону" (там же, стр. 325).

Воспитание фабричного подростка.

Как ни убоги в целом были параграфы фабричного закона относительно воспитания малолетних рабочих, они все-таки об'явили элементарное образование обязательным условием для употребления детского труда. Их успех впервые доказал возможность соединения обучения и гимнастики с физическим трудом, следовательно, и физического труда с обучением и гимнастикой. Фабричные инспектора скоро узнали из свидетельских показаний школьных учителей, что фабричные дети, хотя они учатся по времени вдвое меньше обыкновенных учеников, успевают столько же и часто

даже больше. „Дело очень просто. Тот, кто проводит в школе лишь полдня, постоянно свеж и почти всегда готов и способен учиться. Система попеременного занятия учением и физическим трудом делает каждое из этих занятий отдыхом от другого и, следовательно, гораздо более пригодна для детей, чем однообразные занятия одним каким-нибудь делом. Мальчик, который с раннего утра сидит в школе, к тому же в летнюю жару, ни в коем случае не может соперничать с другим мальчиком, который приходит бодрый и веселый со своей работы". Более подробные данные об этом предмете можно найти в речи Сениора на социологическом конгрессе в Эдинбурге в 1863 г. Он в ней между прочим показывает также, как односторонний, непроизводительный и продолжительный школьный день учеников высших и средних классов бесполезно увеличивает труд учителей „и в то же время заставляет детей тратить время, здоровье и энергию не только без пользы, но во вред себе". Из фабричной системы, как более подробно это можно проследить у Роберта Оуэна, возникает зародыш воспитания будущего, которое для всех детей свыше известного возраста соединит производительный труд с обучением гимнастике и это будет не только метод повышения общественного производства, но и единственный метод производства всесторонне развитых людей" (там же, стр. 400).

На благодетельную роль семьи в деле воспитания Маркс, как и Оуэн, не возлагал никаких надежд.

Сила действительности заставила однако наконец признать, что крупная промышленность сама разрушает—вместе с экономическим основанием прежнего семейного строя и соответствующего ему семейного труда—и прежние семейные отношения. Должно было быть провозглашено право детей... „К несчастью,—говорится в заключительном отчете „Chiedr. Emb. Comm." (комиссия по исследованию детского труда) 1866 г.,—дети обоего пола, как явствует из всех свидетельских показаний, нуждаются в защите главным образом от своих собственных родителей". Система безграничной эксплоатации детского труда вообще и домашнего их труда в особенности „поддерживается произвольной и беспощадной властью, которой родители бесконтрольно и безгранично пользуются

относительно своих молодых и нежных отпрысков... Родители не должны обладать абсолютной властью превращать своих детей в простые машины для выколачивания известного недельного заработка... Дети и подростки имеют право на защиту законодательства от злоупотреблений родительской властью, которые преждевременно подрывают их физическую силу и низводят их на очень низкий моральный и интеллектуальный уровень". Однако не злоупотребление родительской властью создало эту прямую и косвенную эксплоатацию капиталом незрелой рабочей силы, а наоборот, капиталистический способ эксплоатации вызвал злоупотребление родительской властью, так как уничтожает соответствующий этой власти экономический строй" (там же, стр. 405).

„Как ни ужасно, как ни отвратительно разрушение капиталистической системой старинного семейного строя, тем не менее крупная промышленность посредством той решающей роли, которую она возлагает на женщин, подростков и детей обоего пола в общественно-организованном процессе производства, вне сферы домашнего очага, создает новую экономическую основу для более высокой формы семьи и для более высоких отношений между обоими полами. Разумеется, одинаково нелепо считать христианско-германскую форму семьи абсолютной, как и древнеримскую, древне-греческую или восточную формы, которые, впрочем, образуют последовательные ступени целого исторического ряда развития. Точно так же и составление комбинированного работой персонала из лиц обоего пола и самого различного возраста, — хотя в своей стихийной и грубой капиталистической форме, при которой рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, оно и представляет заразительный источник разврата и рабства, — при соответствующих условиях должно, наоборот, сделаться источником развития человеческой личности" (там же стр. 405—406).

Таким образом сквозь ужас капиталистической эксплоатации детского труда, разрушения старых форм семьи Маркс в самом факте привлечения детей и подростков (равно как и женщин) к участию в общественном производстве видит явление прогрессивное, которое будет содействовать устано-

влению высших форм семьи и явится источником развития человеческой личности.

О запрещении детского труда.

Подобно тому как машины являются фактором прогресса, несмотря на то, что введение их сопряжено с большими бедствиями для рабочего класса, так точно и детский труд, несмотря на все ужасы капиталистического его применения, факт прогрессивный. Бороться надо не с привлечением детей к производительному труду, а с капиталистической эксплоатацией этого труда. Об этом Маркс вполне определенно высказывается еще в другом месте, именно в „Критике Готской программы". По поводу пункта „Запрещение детского труда" Маркс говорит: „Тут необходимо было указать: запрещение до какого возраста. Общее запрещение детского труда несовместимо с существованием крупной промышленности и потому является не более, как благим пожеланием. А если бы и возможно было провести подобное запрещение, это было бы реакционной мерой, так как, при строгом регулировании рабочего времени сообразно различному возрасту и при соблюдении других мер предосторожности с целью охраны детей, раннее соединение производительного труда с преподаванием является могущественным средством преобразования современного общества".

Уже в 1847 г. эти идеи были высказаны Марксом и Энгельсом в их знаменитом „Коммунистическом манифесте". По мнению авторов манифеста, пролетариат, достигнув политического господства, должен принять немедля ряд мер, направленных ко благу общества.

В числе этих мер должно быть:

„Общественное и даровое воспитание всех детей. Устранение фабричной работы детей в современной ее форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д."

„Может быть,—говорится в манифесте,—вы упрекнете нас в том, что мы хотим прекратить эксплоатацию детей родителями. Мы заранее сознаемся в этом преступлении.

Вы утверждаете, что, стремясь заменить домашнее воспитание общественным, мы хотим уничтожить самые дорогие человеку отношения.

А разве теперешнее воспитание не находится под влиянием общества? Разве не определяется оно общественными отношениями, прямым и косвенным вмешательством общества, организацией школ и т. д. Не мы выдумали влияние общества на воспитание: мы только стремимся изменить характер воспитания, устранить влияние на него господствующего класса".

„...Буржуазные разглагольствования о семье и воспитании, о нежных отношениях родителей к детям внушают тем более отвращения, чем более разрушаются все семейные связи в среде пролетариата, благодаря крупной промышленности, и чем более дети рабочих превращаются в простые товары и рабочие инструменты".

Необходимость изменения современного воспитания в указанном направлении (соединение воспитания с материальным производством) Маркс ставит в тесную связь с необходимостью уничтожения существующего разделения труда в обществе.

При натуральном хозяйстве деятельность производителя была весьма разнообразна.

В период, когда ремесло и мануфактура стали господствующими формами производства, отдельные отрасли производства еще не обособились. Деятельность производителя стала менее разнообразна, она специализировалась. Каждое ремесло путем долгого опыта вырабатывало свойственную ему техническую форму, медленно усовершенствовало ее и передавало из поколения в поколение. Распадение производства на отдельные, обособившиеся отрасли создавало и закрепляло разделение труда в обществе. До самого XVIII века ремесла назывались мистериями (тайнами). Это название показывает, как трудно было проникнуть непосвященному человеку в тайны ремесла и какие перегородки существовали между отдельными производствами. Крупная промышленность сломала эти перегородки. Стремясь повысить производительность труда, крупное производство старалось ввести разделение труда в мастерской, разложить каждый процесс производства на его составные части. Чтобы выполнять отдельную часть процесса, не нужно уже было специальной профессиональной подготовки. Разложение процессов производства на составные части сделало возможной научную технологию. Научная технология ко всем процессам производства применяет данныя

науки, этим вносит единство в эти процессы, постоянно видоизменяет их.

„Современная промышленность никогда не считает и не рассматривает форму какого-либо процесса производства, как окончательную. Техническое основание ее является таким образом революционным, между тем как все раньше существовавшие способы покоились на фундаменте, по существу своему консервативном. Посредством машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в технических основах производства и вместе с тем в функциях рабочих и в общественных комбинациях процессов труда. Этим она также постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и беспрерывно перебрасывает массы капиталов и рабочих из одной отрасли производства в другую. Природа крупной промышленности обусловливает поэтому перемену труда, постоянную смену функций (занятий) и всестороннюю подвижность рабочего“ („Капитал“, т. I, стр. 403).

Таким образом, самая природа крупной промышленности требует всесторонне развитого рабочего, обладающего общей способностью к труду, политехнической подготовкой, умеющего работать на любой машине, понимающего любой процесс труда.

Между тем в обществе продолжает еще существовать старое разделение труда. Рабочий обычно является выполнителем лишь одной какой-нибудь детальной функции. Это страшно тяжело отражается на нем. Постоянные изменения в процессах производства, которые несет с собой крупная промышленность, каждую минуту угрожают рабочему потерей работы. Старая машина заменяется новой, и рабочий с своей детальной функцией становится излишним, он выбрасывается на улицу и пополняет собою армию безработных. Для рабочего отсутствие у него общей работоспособности, политехнической подготовки, умения выполнять любую работу несет все ужасы голода и нищеты, для общества—безграничное, бессмысленное расточение сил.

„Сама крупная промышленность своими катастрофами делает для себя вопросом жизни и смерти признание всеобщим законом общественного производства—постоянные пере-

мены в сфере труда и приспособление общественных условий к нормальному осуществлению этого закона.

Чудовищное явление капитализма, существование нищенского ра очего населения, которое капитал держит в запасе для своих переменчивых потребностей эксплоатации, должно быть заменено абсолютной пригодностью человека к различным требованиям труда. Эта замена становится вопросом жизни и смерти для крупной индустрии. Превращенный в дробный индивидуум, простой носитель частичной общественной функции, должен быть заменен целостно (всесторонне) развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции являются сменяющими друг друга формами приложения его деятельности" („Капитал", т. I, стр. 404).

„Одним из стихийно развившихся на почве крупной промышленности моментов этого преобразовательного процесса являются политехнические и агрономические школы, другим — промышленные школы дополнительного образования, в которых дети рабочих получают некоторые познания в технологии и практическом употреблении различных инструментов. Если фабричное законодательство, вырванное с трудом у капитала, соединило элементарное обучение с фабричной работой, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание рабочим классом политического господства завоюет в школах для рабочих место теоретическому и практическому обучению технологии" („Капитал", т. I, стр. 404) *).

Те же идеи, что в „Капитале", развивает Маркс и в резолюции, которую он изготовил для первого конгресса первого Интернационала (этот конгресс состоялся в 1866 г. в Женеве). В то время Интернационал представлял собой организационный центр молодого, полного энергии социализма. Интерес к общим проблемам рабочего движения был громадный. Пункт

*) В примечании к этому абзацу Маркс говорил: „Джон Беллерс, настоящий феномен в истории политической экономии, понимал с полной ясностью еще в конце XVII столетия необходимость уничтожения теперешнего воспитания и разделения труда, вызывающего гипертрофию и атрофию на обоих концах общества, хотя и в противоположном направлении".

Мы имели уже выше случай подробно остановиться на сочинении Джона Беллерса „Предложение основать промышленную школу для изучения всех существующих отраслей промышленности и сельского хозяйства".

„работа женщин и детей" занял значительную часть прений Женевского конгресса. Этот, казалось бы, чисто экономический вопрос был поставлен очень широко, связан с вопросом воспитания подрастающего поколения и послужил поводом как для самой резкой критики существующей школьной системы, так и для формулировки марксистского идеала воспитания. Принята была резолюция, составленная Марксом. Приводим текст этой резолюции.

„Тенденцию современной промышленности привлекать к участию в общественном производстве детей и подростков обоего пола мы считаем прогрессивной, благодетельной и правомерной, хотя при капиталистическом господстве эта тенденция и принимает отвратительные формы. При разумном общественном строе все дети без исключения, начиная с девятилетнего возраста, должны будут принимать участие в производительном труде; точно так же и никто из взрослых не может быть исключен из того общего закона природы, что человек должен работать, чтобы есть, и не только головой, но и руками. Исходя из этой точки зрения, мы говорим, что ни родители, ни предприниматели не могут получать разрешение общества пользоваться трудом детей и подростков иначе, как под условием, чтобы их производительный труд был связан с образованием. Под образованием мы понимаем три вещи: 1) умственное образование; 2) физическое развитие, такое, какое дают гимнастические школы и военные упражнения; 3) политехническое воспитание, знакомящее с общими научными принципами всех производственных процессов и в то же время дающее ребенку и подростку практические навыки в обращении с элементарными инструментами всех производств.

Дети и подростки от 9 до 17-летнего возраста должны быть разделены на три класса так, чтобы постепенное и прогрессивное обучение было связано с умственным, гимнастическим и политехническим воспитанием. За исключением, может быть, первого класса, расходы на содержание политехнических школ должны частично покрываться продажей сработанных вещей. Соединение оплачиваемого производительного труда с умственным развитием, физическими упражнениями и политехнической подготовкой поднимет рабочий класс на гораздо более высокий уровень, чем на каком находятся теперь высший и средний классы общества".

ШКОЛА УЧЕБЫ И ПРИЧИНЫ ЕЕ УПРОЧЕНИЯ

Идея соединения обучения с производительным трудом, так энергично выдвигавшаяся в конце XVIII и начале XIX века, очень быстро была сдана в архив. О ней заговорили вновь лишь в последнее десятилетие XIX столетия.

Тем временем школа стала синонимом книжной школы, школы учебы, в которой ученики смирно сидят на партах и слушают, что говорит на кафедре учитель,—школы, где ничего не преподается, кроме книжных знаний, имеющих очень слабое отношение к живой действительности, где индивидуальность учеников всячески подавляется и путем строгой внешней дисциплины они превращаются в какие-то машины для восприятия бесконечного числа сообщаемых им сведений.

Об этом красноречиво рассказывает в своей брошюре „Школа будущего“ член швейцарского национального совета Шенкель.

Шенкель—учитель в Винтертурском техникуме, и перед его глазами проходят сотни учеников, окончивших народную школу. На основании своих наблюдений он утверждает, что ученики, пробывшие в школе 8—9 лет, кончившие так называемую Secundarschule—высшую народную школу, обнаруживают прямо чудовищную неспособность в 2—3 предложениях связно изложить самую простую мысль, совершенно не умеют ни наблюдать, ни самостоятельно думать. Особенно ярко этот недостаток выступает при изучении естественных наук: ученики не в состоянии сделать вывод из самого простого опыта, проследить зависимость между различными стадиями опыта, вывести и определить закон соответствующего явления.

Заинтересовавшись вопросом, как отзываются недостатки современной школы на практической жизни, Шенкель пред-

принял по этому вопросу целую анкету, расспрашивал крестьян, рабочих и торговцев и пр. На основании этой анкеты он говорит: „Молодые люди, являясь из школы на фабрику или мастерскую, не в состоянии управлять каким бы то ни было самым простым инструментом, их приходится с большим трудом выучивать сначала каждой самой простой манипуляции. Это нечто в высшей степени противоестественное, так как маленькие дети, внимательно следя за действиями взрослых, подражая их движениям, очень легко научаются любой манипуляции.

В бюро и конторе говорят то же, что на фабрике и в мастерской. Обычно молодые люди не в состоянии самостоятельно составить самого простого письма. Правда, они могут механически вычислять по данному шаблону, но думать при этом они не в состоянии. В деревне юноши, учившиеся в городе, являются предметом горя и неудовольствия для крестьян: они не умеют даже держать в руках никакого орудия труда, а не то что работать".

„И это в стране Песталоцци!"—горестно восклицает автор.

Тот же результат посещения школы отмечает и директор Фрибургского техникума Леон Гену (Léon Genoud) в своей книге „L'enseignement professionnel":

„Нормальная программа начальной школы отклонилась от своей цели. Она сделалась слишком теоретичной и отвлеченной, и молодежь, повидимому, потеряла вкус к ручному труду и физической деятельности" (стр. 408).

То же в большей или меньшей мере относится и к школьному воспитанию других европейских стран.

Каковы причины того, что школьное дело не пошло по пути, указанному Песталоцци, Оуэном, а пошло по пути Ланкастерской системы механического обучения чтению, письму и другим элементарным знаниям?

Основная причина—в той фазе промышленного развития, какую переживали европейские государства в XIX веке. Научная технология заменила ручной труд машинным. Но вначале машина, упростив человеческий труд до выполнения несложных манипуляций, обучиться которым мог каждый в самое короткое время, не сделала ненужным человеческий труд, она только превратила рабочего из самостоятельного работника в придаток машины. Техника капиталистической промышленности

XIX века сузила спрос на квалифицированный труд, каковым был труд ремесленника, и повысила спрос на простой, неквалифицированный труд. Нужен был не умелый, понимающий весь процесс в целом, инициативный, самостоятельный рабочий, нужен был послушный, исполнительный, необученный чернорабочий, от которого не требовалось ни особенной физической силы, ни сообразительности, ни искусства, а только аккуратность, выдержка, терпение, выносливость.

Такого рабочего, аккуратного, исполнительного, послушного, и воспитывала школа учебы. Такая школа на той стадии капиталистического развития, которое переживала Европа в XIX веке, не противоречила потребностям капиталистического производства, хотя, конечно, противоречила интересам рабочих. Но рабочие были очень плохо организованы, еще слишком слабы, чтобы суметь обеспечить себе такую школу, какая им была нужна, да и не в этом направлении была заострена их борьба.

УПАДОК УЧЕНИЧЕСТВА, КАК ЗНАМЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Школа учебы не развивала в детях общей трудоспособности, но и вне школы ученику становилось все труднее приобрести знания и умения, необходимые для выполнения сложного труда квалифицированного рабочего.

Раньше общие трудовые навыки давала семья. Семейная жизнь была связана с обширной разносторонней трудовой деятельностью. Ребенок с раннего детства наблюдал работу членов семьи и сам принимал в ней посильное участие. Теперь характер семейной жизни, ее уклад изменился: работа производилась вне дома, отец уходил на целый день куда-нибудь на мануфактуру или фабрику, иногда уходила на работу и мать.

Раньше дети большею частью учились ремеслу своего отца тут же в его мастерской, под его надзором. Если подросток почему-либо хотел изучить другое мастерство, он поступал в ученье к мастеру, становился как бы членом его семьи. Цех наблюдал за тем, чтобы мастер обучал как следует ученика, и вообще регулировал отношения между мастером и учеником.

Теперь все в корне переменилось. На фабрику стали брать детей и подростков, ничего не умеющих делать. На фабрике или мануфактуре подросток в течение очень короткого времени научался выполнять ту несложную работу, которая от него требуется: подкладывать под машину листы, связывать рвущуюся нитку и т. п. Обучение этим простым манипуляциям нельзя назвать профессиональным обучением и вообще подготовкой к трудовой деятельности: такого рода механическая работа не воспитывает общей работоспособности и не дает никакой специальной подготовки. Возможность для подростка, без предварительного обучения, сразу же поступить на платное

место заставляет громадное большинство родителей хвататься за это средство и хоть немного пополнить скудный бюджет семьи. Позволить себе роскошь отдавать своих детей на 3—4 года в ученики для изучения профессии может сравнительно небольшой слой лучше поставленных рабочих.

Но и самое обучение у мастера изменило свой характер. Положение ремесла стало другое, менее устойчивое. Прижимаемый к стене конкуренцией с крупной промышленностью, ремесленник вынужден удлинять свой рабочий день, работать на-спех, понижать свой жизненный уровень. Нередко он выдерживает конкуренцию, только благодаря эксплоатации ученического труда, заставляя учеников выполнять чисто механическую работу, которая мало чем отличается от фабричной работы, или употребляя их для посылок и домашних работ. При таких условиях ученики мало чему научаются.

Во многих отраслях производства изменился самый характер ремесла. Ремесленник изготовляет уже не весь предмет целиком, а лишь ту или иную часть его, или же занимается сбором или окончательной отделкой изготовляемых машиною частей. Работа сильно механизируется, приближается по своему характеру к работе на мануфактуре.

Благодаря этому и профессиональное обучение значительно суживается, специализируется. Но даже если и нет всех этих отрицательных сторон, учение у мастера подготовляет в лучшем случае к работе в мелкой мастерской. Между тем ремесло в производстве играет все меньшую роль. Громадному большинству учеников приходится потом работать на фабриках и заводах при совершенно иных условиях, и к этой работе работа в мастерской ремесленника может подготовить лишь в очень недостаточной мере.

Раньше изучение ремесла гарантировало ученику верный кусок хлеба в будущем. Теперь положение обученного рабочего столь же непрочно, как и необученного. Изобретение новой машины, новых способов обработки и пр. может сделать излишней всю профессию, и рабочий, затративший годы на профессиональную подготовку, вынужден искать какую-нибудь другую работу, к которой он оказывается совершенно неподготовленным.

„Кризис ученичества стал, так сказать, мировым фактом“, — пишет Коэнди (Cohendi) в своей статье „Ученичество“.

„...Анкета (речь идет об анкете 1902 г., предпринятой во Франции „Постоянной Комиссией Высшего Совета Труда" совместно с „Дирекцией Труда") констатировала упадок ученичества и понижение профессиональной подготовки учеников, явившиеся следствием этого упадка. В некоторых отраслях промышленности не существует ученичества: рабочие, как правило, набираются из рядов подручных. С другой стороны, даже в тех отраслях промышленности, где еще существует ученичество, оно уже не то, чем должно было бы быть, т. е. всесторонней полной подготовкой, теоретической и практической, к профессии".

„...Известны многочисленные причины, способствовавшие исчезновению ученичества. Стремление со стороны детей и их семей получить немедленный заработок, развитие крупной промышленности, которая не позволяет более мастеру заниматься с учениками, машинизм, специализация работы, разлагающая ее на отдельные задачи, на серию актов, настолько простых, что достаточно нескольких недель, чтобы выучиться управлять машиной и выполнять часть ремесла, обеспечивающую заработок,—все эти причины, вместе взятые, должны были повести за собой прогрессивный упадок и исчезновение ученичества. Исчезновение ученичества в значительном числе промыслов является в настоящее время фактом неоспоримым. Упадок ученичества—это понижение технической подготовки рабочего, благодаря чему все его будущее серьезно укорачивается".

Лафарг в „Grande Encyclopédie" пишет:

„В настоящее время ученичество теряет совершенно свой семейный характер и почти совершенно свою полезную сторону. Нет совсем почти учеников, которые „учатся". Если ученик не является неизбежным дополнением инструмента, придатком машины, он ни на что другое не употребляется, как на посылки".

ПРОГРЕСС ТЕХНИКИ. НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЭТОЙ ОБЛАСТИ

И школа учебы, и упадок ученичества действовали в одном направлении — понижали общую трудоспособность, общую техническую подготовку рабочего.

Это могло продолжаться лишь до тех пор, пока промышленность не нуждалась в значительном числе рабочих, обладающих теоретической и практической подготовкой к техническому труду.

Но за последнее время техника сделала колоссальные успехи. И прогресс техники отразился на характере спроса на рабочие руки. В отраслях промышленности, где введены самые усовершенствованные машины, употребляются усовершенствованные процессы производства, уменьшается спрос на необученных рабочих и увеличивается спрос на политически образованных, самостоятельных, инициативных рабочих. Об этой новой тенденции промышленного развития подробно говорит в своей интересной работе Отто Каммерер (Otto Kammerer „Ueber den Einfluss des technischen Fortschrittes auf die Produktivität". 1910. Schriften des Vereins für Socialpolitik, № 132). „В первой половине XIX столетия машины были так еще технически несовершенны, что требовали очень много со стороны человека ручного труда. Во второй половине того же столетия машины развиваются в направлении, стремящемся сделать независимым (от ручного труда) не только главное движение машины, но и добавочные, подсобные движения: до сих пор было нужно все же еще очень много подсобного ручного труда" (стр. 413).

Под давлением повышения заработной платы, стачек, „за последнее десятилетие (работа Каммерера вышла в 1910 г.)

развитие машиностроительства характеризуется усиленным стремлением строить машины так, чтобы обслуживание их требовало немногих, но интеллигентных и высоко оплачиваемых рабочих сил" (стр. 413—415).

Каммерер отмечает ряд производств (главным образом в области тяжелой индустрии), где осуществился этот процесс, при чем приводит для каждой отрасли производства точные данные, насколько после введения той или иной машины увеличился спрос на интеллигентных рабочих и сократился спрос на подручных.

Этой тенденцией не затронуты еще многие отрасли промышленности, процесс только начинается, но наличность его тем не менее несомненна.

„Техническое развитие в конце концов всегда приводит к вытеснению необученных рабочих.

Это развитие выдвигает основную идею машинной техники: применение человеческой силы не в качестве мускульной машины, а в качестве мыслящего существа. Главным средством осуществления этой идеи является электрическое распределение силы" (там же, стр. 424).

„Знакомство с новейшим развитием машинной техники заставляет признать самой характерной чертой сделанного в последнее время прогресса стремление, при содействии электрического распределения силы, так усовершенствовать машины, чтобы они не только выполняли свою основную задачу—ускорение движения или приведение в движение инструмента, но, сверх того, сами выполняли бы все хватательные и подсобные движения. Развитие, следовательно, не заключается, как часто это считают, в привлечении все большего числа рабочих к работе при машинах. В действительности, наоборот, необученные рабочие все больше выбрасываются из промышленности, их место занимает меньшее число высокооплачиваемых рабочих, обладающих необходимой интеллигентностью и специальным образованием, необходимыми для того, чтобы понимать усовершенствованные машины и уметь правильно ими управлять.

Если в первое время оказавшиеся в одной области излишними необученные рабочие, в силу расширения производства, и могут найти себе занятие в другой отрасли промышленности, то со временем прирост необученных рабочих может быть лишь очень незначителен, тогда как потребность в обученных

рабочих будет постоянна и будет возрастать. Поэтому со временем подготовка умелых рабочих будет иметь большее значение, чем страхование на случай болезни и старости, так как необученный рабочий будет так же мало пригоден, как больной. Государство, которое так или иначе не будет заботиться о том, чтобы подрастающее поколение получало специальную подготовку, в будущем очутится, может быть, в таком же затруднительном положении, в каком очутилось бы государство, пославшее деревянные суда с пушками, заряжающимися с дула, в бой с панцырными линейными судами со скорострельными орудиями" (там же, стр. 425).

Потребность увеличить контингент интеллигентных, технически образованных рабочих стала уже вполне отчетливо сознаваться передовыми капиталистическими государствами и особенно сильно теми, где техника за последнее время сделала гигантские успехи, ближайшим образом—Северо-Американскими Штатами и Германией.

В последнее время правительства принимают лихорадочные меры к тому, чтобы создать достаточно обширные кадры квалифицированных рабочих.

Толкают к этому правительства и потребности милитаризма.

Мировая война как нельзя красноречивее показала, какое громадное значение имеет техническая сторона дела, усовершенствованные орудия, организация промышленности, многочисленность хорошо подготовленного технического персонала.

И вот эта-то потребность промышленности вообще, и в частности военной, во всесторонне подготовленном, интеллигентном рабочем заставила капиталистические страны обратить серьезное внимание на организацию технического образования, а в связи с этим на реорганизацию всего школьного дела: на превращение школы учебы в школу труда.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. РОСТ ЕГО. ИЗМЕНЕНИЕ ЕГО ХАРАКТЕРА

Упадок ученичества вредно отразился на многих отраслях промышленности, особенно тех, которые были еще слабо вовлечены в крупное производство и носили полуремесленный полухудожественный характер.

Так, во Франции, например, анкета 1902 г. документально установила, что упадок ученичества крайне вредно отозвался на целом ряде производств. Ученичество играло раньше большую роль во Франции, которая побеждала на мировом рынке главным образом совершенством и художественной отделкой своих продуктов.

То же явление наблюдалось и в других странах. Чтобы поддержать национальную промышленность, правительства и частные лица стали устраивать промышленные и ремесленные школы, имевшие цель дать ученикам то профессиональное образование, которое раньше они получали в мастерской ремесленника. Часто эти школы ставили своей целью прямо поддержку мелкого производства.

Так, в Австрии в 40-х годах прошлого столетия образовалась „Национальная лига промышленников". В 1847 г. она организовала первую выставку ученических работ своей школы. В уставе этой выставки говорится между прочим: „Молодой рабочий, желающий обеспечить свое будущее, должен употребить время своего ученичества на основательное изучение своего ремесла, чтобы быть в состоянии устоять в борьбе, которую ведет мелкое производство, и удержать свою позицию в конкуренции между ручной и машинной работой, между национальной и иностранной промышленностью,—борьбе, которая будет становиться все ожесточеннее" (Genoud, L'enseignement professionnel, 1901, p. 12).

Профессиональные школы ремесленного типа встречали оппозицию со стороны самостоятельных ремесленников, а иногда и наемных рабочих, обладавших профессиональной подготовкой. Они видели в учениках профессиональных школ будущих конкурентов. Иногда ремесленники стремились добиться закрытия профессиональных школ, как это имело, например, место в Лионе по отношению к часовой профессиональной школе Будра; где этого не удавалось достигнуть, там добивались того, чтобы профессиональная школа не продавала продуктов труда учеников. Во Франции эта традиция прочно установилась, там даже в профессиональных школах нового типа вещи, сработанные учениками, как бы хороши они ни были, или идут на слом, или годами валяются в подвалах школы. В Швейцарии, там, где профессиональные школы продают работы учеников, они продают их по повышенной цене, чтобы не делать конкуренции самостоятельным ремесленникам. Отрицательно относились к профессиональным школам и трэд-юнионы и всячески противились их основанию. Они вообще стремились ограничить доступ к ремеслу, чтобы сократить предложение рук со стороны обученных рабочих, и строго регулировали число учеников, допускаемых к обучению профессии. Не менее отрицательное отношение мы видим и у американских профессиональных союзов к основывавшимся в свое время в Америке профессиональным школам (Trade Schools).

Однако профессиональные школы, вынужденные приспособляться к потребностям производства, скоро изменили свой характер. Они перестали быть простой заменой обучения у мастера. Прекрасно поставленное преподавание рисования, моделирования, механики и др. предметов теории подняло преподавание на высшую ступень. Ученик научался в школе тому, чему не мог научиться в мелкой мастерской, у мастера. К этому типу принадлежат американские Industrial Schools, французские муниципальные и национальные профессиональные школы, многие профессиональные школы в Германии, Австрии, Швейцарии.

По поводу профессиональных школ этого типа П. Лафарг пишет в „Большой Энциклопедии“: „Ученичество в мастерской под руководством мастера заменяется профессиональными школами, число которых растет с каждым днем; при них организуются

стипендии, награды, путешествия с учебной целью по промышленным городам для лучших учеников. Таким образом, ученичество, которое одно время проходило под надзором корпораций, потом на некоторое время было предоставлено частной инициативе, теряет теперь свой частный характер и стремится превратиться в социальное учреждение, функционирующее под руководством учителей и профессоров, получающих назначение непосредственно от общественных властей".

Профессиональные школы этого типа подготовляют уже не самостоятельных ремесленников, а „обученных" рабочих для крупного производства: мастеров, надсмотрщиков, помощников инженеров и пр.

Однако эти профессиональные школы далеки еще от идеала. В большинстве случаев они оторваны от производства, что кладет на них известный отпечаток. Часто в них царствует рутина. Так, например, во многих французских профессиональных школах до сих пор употребляются машины исключительно французской марки, тогда как в соответствующих отраслях французской промышленности давно уже работают на более совершенных машинах немецкой и американской марки.

При большинстве профессиональных школ существуют рабочие мастерские, но они далеко не всегда хорошо оборудованы. Исключение составляют американские профессиональные школы (Industrial Schools), но и они не в состоянии угнаться за всеми нововведениями техники. На помощь тут приходят в некоторых странах технические музеи (например, в Австрии, в Швейцарии, в Англии), но не в достаточной мере.

Рабочие охотно отдают своих детей в профессиональные школы нового типа. Правда, делать это могут лишь наилучше поставленные, которые в течение нескольких лет могут обойтись без заработка детей; в профессиональные школы нового типа отдает своих детей и мелкая буржуазия.

Подготовка „рабочей аристократии".

Окончившими профессиональную школу, технически подготовленными рабочими в настоящее время, когда промышленность предъявляет на таких рабочих особенный спрос, фабриканты дорожат. Они не только дают им более высокую плату, не только ставят их в привилегированное положение

но участием в прибылях и другими способами стараются связать их интересы с интересами промышленного предприятия. У большинства этих рабочих воспитывается таким образом буржуазная психология. Их интересы часто противоречат интересам всего рабочего класса в целом. Это—слой рабочей аристократии, во многом напоминающий собой английскую рабочую аристократию, сорганизовавшуюся в трэд-юнионы. Этот слой технически подготовленных, квалифицированных рабочих составляет в Германии, Швейцарии, Австрии около 1/4 всех фабрично-заводских рабочих, во Франции—несколько менее. Организационно он входит в общие рабочие организации, идейно же сплошь и рядом не отделяет интересов рабочего класса от интересов капитала. Благодаря своей большей интеллигентности, образованности, общим более благоприятным условиям, представители рабочей аристократии являются обычно вождями рабочих организаций, их должностными лицами и вносят в них свойственный им дух компромисса, оппортунизма. Война с особенной яркостью вскрыла это явление: например, вожди профессиональных союзов в Германии целиком пошли с капиталом. Буржуазия умеет властвовать, разделяя.

С точки зрения рабочей демократии создание особого слоя рабочей аристократии—явление нежелательное. Рабочая демократия—за поднятие общего уровня технического образования рабочего класса в целом, а не отдельных его слоев.

За последнее десятилетие потребность капитала в обученных рабочих значительно выросла, особенно в быстро развивающихся в экономическом отношении странах, в роде Германии, и буржуазия и правительство стали принимать меры к повышению технической подготовки всего рабочего класса в целом. В этом отношении характерно устройство повсюду вечерних технических курсов.

Во Франции, в Англии, в Америке посещение таких курсов добровольно, необязательно, в Англии оно даже платно. Вечерние курсы идут навстречу стремлению громадного числа рабочих выбиться из рядов необученных рабочих в ряды лучше поставленных квалифицированных рабочих.

Во Франции вечерние курсы носят общеобразовательный характер, хотя рисование и составляет в них главный предмет. Техническое преподавание там, где оно существует, преследует узко специальные цели.

Интереснее постановка дела в Англии. Там существуют так называемые народные политехникумы. Теперь такие политехникумы существуют в каждом из лондонских кварталов. В общем их около десятка. Это настоящие дворцы. В одном Regen Street Politechnikum читается в неделю свыше 500 курсов, а учащихся в нем около 15-и тысяч.

„Каждый из этих политехникумов охватывает программы и курсы промышленной школы, музыкальной консерватории, курсов декламации, коммерческой школы, профессиональных школ, по крайней мере, для 15-и различных профессий, школы домоводства, шитья и кройки и пр. Вместе с тем это клуб, где организуются празднества, спектакли и концерты, по крайней мере, раз в неделю; при политехникумах громадные залы, богатые библиотеки, прекрасно оборудованные читальни, гимнастические залы, плавательные бассейны, залы для игр, курительные комнаты, дешевые рестораны и пр.“ (Genoud, L'enseignement professionnel, стр. 150). Можно записываться на любой курс, за что взимается небольшая плата.

Дополнительные школы.

Американские повторительные школы „Continuation Schools“ носят более технический характер, преподавание теории и практики в них поставлено очень хорошо, при школах прекрасные учебные мастерские с новейшими машинами и пр.

В Австрии и Германии посещение дополнительных школ обязательно.

В Германии дополнительная школа (Fortbildungsschule) вначале носила общеобразовательный характер. Преподавание велось в ней в патриотическом духе, и цель ее была главным образом—служить противоядием начавшемуся сильно развиваться в рядах юношества социал-демократическому движению. Однако под давлением потребности в технически подготовленном рабочем все большее и большее внимание стали обращать на рисование, черчение, геометрию, вычисление, ведение торговых книг, писание деловых сочинений. Французы посмеиваются над программами немецких дополнительных школ и говорят: „Слишком много учености! И без знания алгебры и тригонометрии поваренок сумеет испечь сладкий пирог“. Однако германская дополнительная школа имеет

в виду не подготовку к какой-нибудь одной узкой специальности, а стремится дать общую теоретическую базу, столь необходимую для всякого технически подготовленного рабочего. Она стремится поднять общий уровень технического образования рабочего класса и в этом отношении имеет несомненно прогрессивный характер.

Практика скоро показала, что преподавание в дополнительной школе страдает слишком большой отвлеченностью и потому не достигает цели. При дополнительных школах стали строить мастерские и сочетать теоретическое преподавание с практической работой. Результаты стали получаться очень хорошие, и дополнительные школы в Германии быстро преобразовываются в этом направлении. Однако скоро стало сказываться, что успеху занятий мешает утомление учеников. Проработав день на фабрике или на заводе, они не могут уже работать вечером в учебной мастерской. Поэтому в Германии издан закон, в силу которого каждый хозяин обязан раз в неделю освобождать ученика от работы у себя на фабрике или на заводе и посылать в дневную дополнительную школу. Дневные дополнительные школы, в которых теоретическое преподавание тесно связано с практическим и где преподавание носит не узко профессиональный характер, а более или менее приближается к политехническому, поднимает рабочий класс Германии на более высокую степень культуры.

Чего не хватает в Германии и что имеется налицо в Америке, это—общее развитие внешних чувств, общая подготовка к труду, которые дает в Америке детям начальная школа. В американскую техническую школу ученик приходит с развитым умением наблюдать, рисовать, ориентироваться во всякой работе, ловко выполнить ее. В Германии до сих пор царила школа учебы, которая не только не подготовляла детей к труду, а отучала их от него. Современная дополнительная школа в Германии обнаружила этот недостаток германской народной школы и заставила приступить к ее реформе.

Американская школа систематически подготовляет к труду, начиная с детского сада. Завершением этой общей подготовки к труду являются так называемые „High Manuel Training Schools“. Это прекрасно оборудованные мастерские, где молодые люди изучают на практике весь процесс производства в целом. Изучается не та или другая профессия, а целый

ряд производств, выбираются самые важные отрасли, самые типичные.

Дополнительная школа Германии подчеркивает тенденцию современного промышленного развития сделать техническое образование всеобщим достоянием.

Американские High Manuel Training Schools выдвигают другую тенденцию этого развития: расширить рамки профессионального образования, превратить его из подготовки к узкой специальности в подготовку к промышленному труду вообще, дать общую основу, которая делала бы возможной смену занятий, вызываемую прогрессом современной техники.

Школа заводской молодежи.

Наконец в самое последнее время стал создаваться новый тип школ, которые выдвигают еще одну характерную тенденцию современного промышленного развития, именно: установление тесной связи технического образования с производительным трудом подростков.

Движимые потребностью в обученных, прекрасно подготовленных рабочих, которым можно поручать ответственные посты, находя подготовку, получаемую рабочими в дополнительных школах недостаточной, американские крупные заводчики решили взять дело подготовки нужных им рабочих в собственные руки. Во второй половине первого десятилетия XX века в Америке возник целый ряд фабричных школ. Громадное большинство их—дневные школы. Ученики для занятий освобождаются от работы, при чем продолжают получать свою обычную заработную плату. Кроме того, ученикам, успешно прослушавшим полный курс, выдается премия в 50—150 долларов. Занятиям посвящается обыкновенно два дня в неделю, хотя школа работает всю неделю, сменяются лишь ученики. Ученики принимаются в эти школы от 14-и до 18-и лет, в зависимости от того, требуется ли для поступления в фабричную школу окончание обыкновенной или высшей школы (американские высшие школы доступны самым широким слоям населения). В фабричных школах преподаются математика, физика, применительно к потребностям производства, электричество, механика, товароведение, черчение, рисование и пр. Общеобразовательные предметы не входят в программы школ.

У печатников и в химических производствах программы несколько иные.

На заводе ученики работают под надзором различных мастеров и переходят от машины к машине.

У одних только железнодорожных компаний в 1910 году была 51 фабричная школа такого типа.

Кроме фабричных школ для учеников, которые могут устраивать лишь очень крупные предприятия, где работает много подростков, в Америке стала быстро прививаться так называемая „Cooperative schoolsystem". Она заключается в том, что одно или несколько предприятий входят в соглашение с местной технической школой. Они обязуются посылать в школу своих учеников (с сохранением им платы), которые проводят в ней половину или часть времени (часто дело организовано так: одну неделю ученики учатся, другую работают), а школы обязуются преподавать ученикам предметы, необходимые им для их технического образования.

В Англии крупные предприятия также озабочены выработкой нужного им рабочего персонала.

„В 1903 г. синдикат инженеров и судостроителей Сундерланда, крупного центра судостроения, совместно с администрацией технического училища этого города, положил основу взаимного сотрудничества, которое дает великолепные результаты. О значении экономических сил, принимающих участие в этом движении, можно судить по тому факту, что это движение группирует около себя 25 судостроительных предпринимателей, из которых один только М. Доксфорд владеет такими громадными верфями, что ему случалось одному в год изготовлять столько судов, сколько изготовляют все германские судостроители, вместе взятые. Основной принцип, проводимый в Сундерланде, заключается в том, что ученики должны обучаться своей профессии у хозяина в мастерской и посещать хорошо приспособленные научные курсы и курсы рисования при техническом училище. Первые два года по окончании начальной школы они проводят все свои дни в мастерской и некоторые вечера в училище, потом путем конкурса наиболее способные получают стипендии, которые позволяют им всецело в течение семестра, без всяких расходов, отдаваться техническим занятиям высшего разряда. Эти занятия обеспечивают им специальный диплом, дающий весьма существенные

преимущества обладающим им“ (Révue pédagogique, 1914, июль, стр. 52).

„Крупная индустрия в Германии с своей стороны приняла особые меры по отношенню к ученичеству с целью подготовки рабочих, знания и способности которых соответствовали бы современным требованиям техники. Были созданы специальные ученические мастерские, которые посредством систематической смены занятий посвящают наиболее одаренных во все тайны профессии. Первый пример подобного рода дала администрация императорских прусских железных дорог.

Во время ученичества, продолжающегося год, молодые люди, под постоянным надзором и руководством мастера, учатся обращаться с материалами и инструментами. Затем они поочередно посылаются на работу в различные отделения мастерской, где они принимают участие в производимых там работах и работают при всевозможных машинах; таким образом их практическое обучение происходит в самых благоприятных условиях“ (Genoud, L'enseignement professionnel, p. 165).

Устройство профессиональных дополнительных и фабричных школ вызывается потребностью современной крупной промышленности в подготовленном, квалифицированном рабочем. Те блага всеобщего политехнического образования, связанного с производительным трудом, которые при этом выпадают на долю рабочего класса, буржуазия стремится уравновесить увеличением своего влияния на молодежь и тем делением, которое вносится ею в среду рабочего класса выделением наиболее талантливых рабочих в особый привилегированный слой рабочей аристократии. Но по мере расширения потребности в квалифицированном рабочем будет постоянно расширяться и круг технически обученных рабочих, техническое образование из привилегии превратится в общее достояние. Оно поднимет общую интеллигентность рабочего класса и превратится таким образом в средство преобразования существующего строя в социалистический.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ШКОЛЫ УЧЕБЫ В ШКОЛУ ТРУДА. НЕИЗБЕЖНОСТЬ ЭТОГО

Народная школа повсюду в Европе приняла форму школы учебы. Чем на большее число лет распространяется школьная повинность, тем больше притупляется, как мы видели на примере в Швейцарии, общая работоспособность детей. „В возрасте от 3-х до 14-и лет у ребенка особенно сильно преобладают инстинкты и влечение к ручному труду",—говорит Георг Кершенштейнер в своей книге „Begriff der Arbeitsschule" (S. 25). Большую часть этого времени ребенок проводит в школе. Школа учебы не только не развивает, а заглушает это естественное стремление.

Когда промышленность стала предъявлять повышенный спрос на политехнически образованного, инициативного, интеллигентного рабочего, когда стали приниматься меры к расширению технического образования рабочих, повсюду натолкнулись на печальные разультаты школы учебы. Этот факт особенно оттенялся сравнением с Северо-Американскими Штатами, где народная школа употребляет все усилия для развития трудоспособности в детях.

Понятно, почему Америка первая пошла по этому пути. В отношении технического прогресса Америка стояла долгое время впереди всех других стран мира; в Америке раньше и острее, чем где бы то ни было, стал ощущаться недостаток в технически подготовленном рабочем.

Начиная с детского сада, ребят приучают к труду, к умению обращаться со всякого рода материалами и инструментами; учат путем труда наблюдать, самостоятельно мыслить и действовать. Малыши рисуют, красят, лепят, вырезают, клеят. Народная школа продолжает дело детского сада, только

работы делаются сложнее, требуют все большей ловкости, выдержки, настойчивости, самостоятельности. Красною нитью проходит производительный труд через все школьные занятия „High Manuel Training Schools“ — политехнические школы являются лишь завершением преподавания ручного труда, начатого в детском саду. Разносторонняя трудовая деятельность очень рано выявляет наклонности ребенка, его вкусы и таланты, так что выбор профессии для юноши или девушки, прошедших американскую школу, гораздо легче, чем в Европе, где дело предоставляется большею частью слепому случаю.

Помощь в выборе профессии.

Выбор профессии имеет большое значение для вступающего в ряды армии труда юноши (или девушки), ибо труд, соответствующий склонностям и способностям, гораздо более удовлетворяет, чем труд, которому противится вся натура. Имеет значение выбор профессии и для производительности труда, очень повышая ее. Американские предприниматели прекрасно знают это и весьма озабочены тем, чтобы „to put the right man on the right place“ (ставить надлежащего человека на надлежащее место) на своих фабриках. Кроме того, что школы труда лучше выявляют способности ребенка, чем школы учебы, при американских школах существуют особые „советчики по выбору профессии“, которые наблюдают детей в школе, узнают их склонности, определяют, к какой профессии наиболее пригоден выходящий из школы подросток, и дают ему соответствующие указания. Должность, неизвестная в Европе. Конечно, не следует преувеличивать значения выбора профессии для большинства населения. В настоящее время громадное большинство вынуждено сообразоваться не со своими вкусами и наклонностями, а с возможностью получить ту или иную работу. Теперь большее значение имеет та общая подготовка к труду, которая дает возможность не век быть привязанным к одной узкой специальности, а в случае необходимости менять род занятий и профессию. Еще больше приходится ценить это соединение физического труда с умственным, которое мы видим в американской школе,—соединение, одухотворяющее физический труд и оплодотворяющее умственную деятельность, подготовляющее уничтожение деления общества на

белую кость, занимающуюся умственным трудом, и кость черную, удел которой—труд физический.

Колоссальные успехи Америки в области промышленного труда, которыми она в немалой мере обязана прекрасно подготовленному рабочему персоналу, заставили и в Европе заговорить о реформе народной школы, о превращении ее из школы учебы в школу труда. И естественно, что горячее всего этот вопрос стал обсуждаться в Германии,—стране, за последние 45 лет развивавшейся в промышленном отношении быстрее всех других европейских стран. Вопрос о трудовой школе стал там злобой дня.

В Германии школа носит сословно-классовый характер,—там существует народная школа, которую посещают дети трудящихся классов, и существует средняя школа (не являющаяся продолжением народной, в своих младших классах параллельная ей), предназначенная для детей зажиточных слоев и преследующая иные цели—подготовку „командующего" слоя. И вот, в то время как народная школа продолжает в общем быть построена на принципах муштровки и, учебы, средняя школа воспринимает принципы американской школы. Не вся в целом. Громадное большинство средних школ в Германии и Франции продолжает преследовать прежнюю цель—воспитывать в учениках, по словам Пауильсена, „добродетели подчиненного чиновника", но повсюду в Европе создались уже школы для детей зажиточных сословий, подготовляющих воспитанников для такой карьеры, где нужны самостоятельность и инициатива.

Школа для „детей руководителей промышленности".

В программе английской „новой" школы, ставшей образцом для целого ряда такого рода школ на континенте, Аббатсхольмской школы, прямо говорится, что ученики школы с успехом могут впоследствии занять видные должности в многочисленных колониях Англии. Ректор „новой" школы в окрестностях Штутгарта Капфф очень подробно излагает, для кого именно предназначаются эти „новые" школы, или, как их называют в Германии, „Landerziehungsheime", сельско-воспитательные интернаты.

„Новые школы предназначены вообще для подготовки ко всякого рода профессиям. Для сыновей и наследников руководителей промышленности („captains of industry") совершенно не существует никакой подходящей средней школы, которая давала бы им необходимую подготовку, — пишет Капфф.—Для будущих обладателей руководящих должностей наша трудовая школа подходит как нельзя более".

„На земле еще более чем достаточно места для людей, имеющих мужество строить свою жизнь по-своему, при чем не исключаются ученые профессии врача, профессора, духовного лица, не говоря уже о профессии техника. Конечно, молодыми немецкими купцами и банковыми чиновниками все заокеанские земли переполнены выше меры, о необходимом контингенте для заполнения остающихся свободными мест заботятся юные ганзейцы, которые через своих родственников получают лучшие места. Но разве не имеется еще достаточного количества производительных профессий, при помощи которых можно составить себе состояние? Например, известно ли у нас в родительских кругах, что значит, что в необычно процветающей Аргентине в настоящее время имеются гигантские пространства, служившие до сих пор пастбищами и теперь превращаемые в обработанную землю, и что там существуют все условия для возникновения сословия фермеров, подобные тем, какие были в прериях Северной Америки? Но и в самой Европе достаточно еще мест для колонизации. Так, знатоки утверждают, что полуостров Истрию можно превратить в маленькую Калифорнию, если бы предприимчивые сельские хозяева, обладающие капиталом, завели там плодовые фермы на манер американских.

...Перед сыновьями высших сословий, как и в англо-саксонских странах, в особенности стоит задача быть пионерами немецкой промышленности и торговли, а также немецкой науки в чужих странах. Для таковых не было до сих пор соответствующей средней школы. Воспитательная школа предназначается для заполнения этого пробела" (Die Erziehungschule, von der Kapff, S. 71).

Итак, цель новых школ—удовлетворить потребность государства в образованном, интеллигентном, инициативном слое высших должностных лиц, удовлетворить потребность буржуазии в умелых руководителях промышленных предприятий.

Потребность в таком избранном слое создает быстро развивающийся империализм.

Цели новых школ определяют весь их дух. В настоящее время насчитывается уже довольно много новых школ. В 1889 г. первая школа подобного рода была основана д-ром Редди в Англии в Аббатсхольме, затем в Англии устроена была еще одна такая же школа, в Бедале. По инициативе Демолена, в 1899 г. по образцу Аббатсхольмской школы была основана „новая" школа в „Les Roches", во Франции. Теперь таких школ во Франции больше шести. Годом раньше, чем во Франции, основал аналогичную школу в Германии бывший преподаватель Аббатсхольмской школы, доктор Литц. Теперь у него уже три таких школы. По тому же типу организовано несколько школ в Швейцарии и Австрии.

„Новые" школы представляют собой интернаты. За обучение и содержание в них берут 1.500—2.000 франков в год. Они расположены обычно вдали от городского шума, на лоне природы, в каком-нибудь имении. Обстановка самая комфортабельная: ванны, электричество, отдельные комнаты для каждого ученика, читальни и пр. Книжки, посвященные описанию „новых" школ, испещрены фотографиями, которые показывают, как богато, рационально и уютно все устроено.

На физическое воспитание обращено громадное внимание: великолепная вентиляция, утренние души, обмывания, купания, физические упражнения, спорт, игры, здоровая пища, целесообразная одежда, спокойный, долгий сон—все преследует цель укрепления организма воспитанников. В число физических упражнений введен и физический труд на открытом воздухе, и физический труд в мастерских. Садоводство, огородничество, уборка сена, постройка беседок, голубятен, навесов для лодок—все это крайне полезно для физического развития. Дети в „новых" школах дышат здоровьем.

На умственное развитие также обращено самое серьезное внимание. Нет бессмысленной зубрежки. Самодеятельности учеников предоставлен широкий простор. Интерес ученика, удовлетворение его потребности в активности, творчестве поставлены в центр преподавания. Внешняя дисциплина и принуждение сведены до минимума. Весь режим школы таков, что захватывает ученика целиком, способствует всестороннему развитию его личности. Совместная, разумно организованная

работа учит умению жить и работать совместно с другими. Школьное самоуправление приучает к умению организовывать общественную жизнь.

По сравнению с обычными средними школами „новые" школы являются громадным шагом вперед.

Но это совсем не те школы, каких хочет демократия. Эти школы больше всего напоминают филантропины как по своим целям, так и по всему своему складу. Склад жизни в „новых" школах совершенно буржуазный. Общественная среда подобрана крайне искусственно. Тепличная атмосфера сельского интерната может быть лучше затхлой атмосферы лицея или бессмысленной, часто бессердечной атмосферы буржуазной семьи, но интернат, хотя бы он и был разумно организован, остается интернатом, т. е. изолирует ученика от живой жизни, суживает сферу общественных впечатлений и переживаний ученика.

Роль физического труда в сельских интернатах суживается до чисто педагогически-гигиенических целей: укрепления здоровья, развития физической ловкости, сообразительности, любознательности.

Песталоцци, Оуэн, Беллерс и др. хотели, чтобы дети с ранних лет принимали участие в производительном труде. Такое участие дает сознание своей полезности, дает серьезное отношение к жизни.

Растущие в тепличной атмосфере воспитанники сельских интернатов тоже делают полезную работу: сажают цветы и овощи, строят голубятни и пр. Но тут и речи нет о том, чтобы они окупали трудом стоимость своего содержания. Стоимость их содержания оплачивается теми 2.000 фр., которые вносят за воспитанника его родители. Они прекрасно понимают это, и то, что они выращивают салат и потом продают его кухарке интерната, вряд ли может воспитать в них чувство солидарности с миллионами трудящихся масс, которое воспитывает взаправдашнее участие в производительном труде.

Подведем итоги сказанному. Сельские интернаты с педагогической точки зрения во многом организованы разумно, но по своим целям и духу они являются школами, удовлетворяющими специальные потребности некоторых слоев буржуазии. Рабочая демократия воспользуется их педагогическим опытом, но построит свои школы по-иному.

Борьба за школу труда.

Гораздо труднее оказалось приложение новых идей о необходимости свободного развития индивидуальности ребенка к начальным школам Европы. Режим школы учебы рассчитан был на воспитание в массах известного образа мыслей и известных чувств, он обезличивал ученика, приучал его к автоматическому послушанию, усыплял его способность к самостоятельному мышлению. Известные круги ценили именно эту сторону дела в школе учебы. С другой стороны, новейшее развитие техники властно пред'являло спрос на рабочих, имеющих свое „лицо", умеющих работать не только по указке, а вносить в труд инициативу, вкладывать в него свое „я".

Резче всего это противоречие давало себя чувствовать в Германии. Долгое время там искали компромиссного решения. Пытались оставить в неприкосновенности старый школьный режим и лишь ввести в учебный курс в качестве особого предмета преподавание отдельных ремесл. Такая попытка была сделана также во Франции, но дала очень неблагоприятные результаты. В Германии введение профессионального образования в курс начальной школы встретило решительный отпор со стороны немецкого учительства. В 1857 г. во Франкфурте-на-Майне, в 1882 г. в Касселе, в 1889 г. в Аугсбурге и наконец в 1900 г. в Кёльне немецкие учителя решительно высказались против введения в программу народных школ преподавания ручного труда.

Когда в 1889 г. столь известный теперь директор народных школ в Мюнхене Георг Кершенштейнер стал говорить о воспитательном значении ручного труда, он был встречен всеобщими насмешками. Но за 23 года многое изменилось. Для Германии стало вопросом жизни и смерти повысить уровень технического и общего образования рабочих, приблизить их по развитию к уровню американских рабочих.

В связи с этим началось внутри германской школы брожение, пересмотр методов преподавания.

Интересна резолюция с'езда немецких учителей, состоявшегося в Берлине на троицу 1912 г. На с'езде присутствовали 8 тысяч учителей. На очереди дня стоял вопрос о трудовой школе. Докладчиком был Эрнст Вебер, бывший раньше ярым противником введения

в программу народных школ ручного труда. Но теперь его отношение к этой отрасли преподавания стало гораздо мягче: он, хотя с большими оговорками, признал полезность ручного труда, как метода преподавания. Предложенная им с'езду резолюция гласит:

„1. Собрание немецких учителей против такой трудовой школы (Arbeitsschule), которая видит в ручном труде главным образом средство развития ловкости руки и подготовку к будущей профессии, и потому высказывается против введения ручного труда, как особенного предмета.

2. Собрание высказывается однако за такую трудовую школу, которая стремится при помощи физического труда содействовать умственному развитию, которая стремится достигнуть желательной равномерности в культивировании всех душевных сил и органов чувств и более, чем это было ранее, дать простор внутренним переживаниям, стремлению к вещественному изображению, детской самодеятельности и индивидуальности.

3. В таком толковании и ручной труд является одним из средств, ведущих к этой цели. Собрание подчеркивает однако, что ручной труд даже в качестве методологического принципа приложим лишь к отдельным отраслям преподавания и лишь на известных ступенях развития.

4. Собрание немецких учителей указывает особенно настоятельно на то, что реформистские идеи, входящие в понятие „трудовая школа", тогда только могут из идей превратиться в действительность, если учителю будет предоставлена большая самостоятельность в определении об'ема, выбора, распределения и трактования учебного материала. Поэтому собрание требует устранения бюрократической системы надзора, которая ставит непреодолимые препятствия индивидуальной педагогической работе".

Резолюция в духе его доклада была принята единогласно, несмотря на то, что отдельные ораторы высказывались очень резко против трудовой школы вообще и американской в частности, называли трудовой метод глупой игрой, отучающей от серьезной работы, и т. п. Вообще в прениях чувствовалась отрыжка старой борьбы против введения профессионального преподавания в народную школу, чувствовалась боязнь новшеств. Но раздавались и бодрые голоса реши-

тельных сторонников трудовой школы. Резолюция представляла собой большой шаг вперед. Многие приняли ее, скрепя сердце, но все же приняли. Да ничего и не оставалось делать под напором новых требований, пред'являемых школе.

Знамением времени является назначение директором народных школ Мюнхена убежденного сторонника трудовой школы Георга Кершенштейнера. Правда, Кершенштейнер не внушает опасений, он далек от всякого демократизма. Он преклоняется перед буржуазным государством, блюдет пуще всего его интересы и с ними сообразует свою педагогическую деятельность. Он очень сведущий человек, прекрасно знакомый с новейшими методами преподавания, ездивший изучать постановку профессионального образования во Франции, Швейцарии, Австрии. Но его идеал—не свободная школа. Он хочет школы, которая при помощи новых методов преследовала бы старые цели. Клапан приоткрывается, индивидуальности ученика дается некоторый простор. Самодеятельность является средством, чтобы лучше овладеть вниманием учеников, завоевать их доверие и тем вернее подчинить их своему влиянию. Новые методы являются лишь более утонченным и совершенным средством, построенным на знании детской индивидуальности, повлиять на их чувства и мировоззрение, пропитать их соответствующей моралью и идеологией: детскую самодеятельность надо направить в определенное русло, пробудить в детях интерес к технике, к ручному труду, на этом главным образом сосредоточить их интерес. Это одновременно отвлечет их от больных вопросов и даст крупной промышленности необходимый контингент интеллигентных, инициативных рабочих.

Пока организация школьного дела будет находиться вне сферы влияния рабочего класса, школа труда будет орудием, направленным против ее интересов. Лишь рабочий класс может сделать школу труда „орудием преобразования современного общества".

ВОЙНА И НЕМЕЦКАЯ НАРОДНАЯ ШКОЛА

Школа в Германии являлась и является орудием осуществления известных государственных целей. Великие деятели на поприще народного образования, в роде Песталоцци или Гораса Манна (американского демократа), целью школьного воспитания ставили благо, счастье воспитываемого юношества.

Цель современной немецкой государственной школы совершенно иная, а именно: воспитание необходимого государству слуги, в первую голову—солдата. Ученик — лишь средство для достижения государственных целей. Ради этих целей воспитываются в нем известные чувства и навыки, прививаются ему известные взгляды. Система немецких народных школ—это громадный механизм, работающий с большой правильностью.

С каждым годом этот механизм усовершенствуется, вводятся новые методы преподавания, учителя получают лучшую подготовку. Но стала ли школа лучше? Несомненно, она стала гораздо приспособленнее для того, чтобы влиять на душу ребенка, на его мировоззрение. Но как, в каком направлении? В том, которое необходимо для достижения целей, преследуемых немецким государством. Учителя—средство для проведения этих целей.

Война с особенной наглядностью вскрыла эти цели.

Остановимся на двух недавно вышедших брошюрах.

Одна из них—„Война и наши дети“ („Der Krieg und unsere Kinder“ von Else Zurhellen—Pfleiderer, Gotha, 1915) останавливается на том, как отвечать на вопросы, которые вызывает у детей война:

„У всей немецкой молодежи должно быть пробуждено, а там, где оно уже имеется налицо, укреплено сознание того,

что из всех воюющих сейчас народов немецкий народ самый лучший. В частности это довольно трудно доказать детям: им нельзя еще выяснить все значение умственной работы, нравственных качеств, способности народа к размножению, качественной добротности товара. Но многого из этого, может быть, можно коснуться. Развить национальное самосознание у ребенка никогда не трудно, особенно в такое время".

Другая брошюра—„Война и школа"—еще более характерна. Она принадлежит перу бывшего непременного члена прусского министерства культа, д-ра Адольфа Маттиаса („Krieg und Schule", von Dr. Matthias, Heft 16 der Sammlung „Zwischen Krieg und Frieden", Hirzel in Leipzig).

Он настаивает на том, чтобы высшие учебные власти позаботились о том, чтобы „в сердца юношества были заброшены духовные и нравственные семена, которые должны дать благодатные плоды для здорового будущего и блага нашего дорогого отечества". Каковы же должны быть эти семена по мнению г. Маттиаса?

„Школа должна не только воспитывать стремление к миру,—пишет Маттиас,—она должна быть также подготовительной школой к войне и воспитывать мужественную способность держать молот в руке". По мнению Маттиаса, война положит конец всем бредням о правах ребенка и „на мрачном, залитом кровью фоне вновь напишет священные слова: „обязанность".

Еще большая милитаризация народной школы, еще большее пренебрежение к правам ребенка и человека, еще большее превращение школы в орудие для достижения государственных и милитаристических целей—вот что ожидает немецкую народную школу, если внутри страны все останется по-старому: если население попрежнему будет пассивно относиться к тому, чему учат в школе, если родители попрежнему будут лишь посылать детей в школу и не будут иметь влияния на весь ее уклад.

„Св. Восп" 1916—1917 гг.

ДОРОГУ ТАЛАНТУ

Новые пути германской школы.

Свыше 15 лет уже в Германии в области педагогики идет непрерывное кипение. Старая школа подвергается беспощадной критике, критикуются методы преподавания, программы, весь уклад школьной жизни, вся организация школьного дела. Многие вопросы очень быстро перерастают рамки чисто педагогического обсуждения и становятся достоянием общеполитической прессы,оживленно дебатируются политическими партиями. Новые идеи применяются на практике и не только отдельными педагогами, но и само правительство идет на эксперименты. В Мюнхене, например, управление народными школами вручается Георгу Кершенштейнеру, который в корне изменяет все прежние программы, вводит новые методы преподавания, организует так называемую „трудовую школу" (Arbeitsschule). И не только в Мюнхене, повсюду в Германии идет напряженная реформаторская работа на поприще народного образования.

Какова же основная причина всех этих исканий новых путей в педагогике, этого усиленного стремления к реформе?

Громадный прогресс техники за последние два десятилетия в Германии сделал для нее вопросом жизни или смерти создание широкого слоя интеллигентных, политехнически образованных, даровитых рабочих.

Война дала могучий толчок техническому прогрессу и сделала эту тенденцию особенно наглядной.

„Государство,—пишет Отто Каммерер, — которое так или иначе не будет заботиться о том, чтобы подрастающее поколение получило специальную подготовку, будет в таком же затруднительном положении, в каком очутилось бы государ-

ство, пославшее деревянные суда с пушками, заряжающимися с дула, в бой с панцырными линейными судами, снабженными скорострельными орудиями" (Schriften des Vereins für Sozialpolitik, № 132, S. 425).

В этом корень всего вопроса. Эта-то потребность современного производства в широком слое интеллигентных, даровитых, самостоятельных рабочих и является первоисточником всех школьных реформ последнего времени в Германии.

Немецкая народная школа прежних ступеней капиталистического развития была школой узко сословной, школой для низших слоев населения. Это была школа учебы, школа, построенная на строгой дисциплине, подавляющая в учениках всякое проявление личности, всякую самостоятельную мысль. Эта школа была рассчитана на массовое производство послушных, исполнительных, добросовестных рабочих, от которых не требовалось ни инициативы, ни дарований, ни самостоятельности.

„Главное значение школьного воспитания,—писал в 1901 г. в своей книге „Гражданское воспитание немецкого юношества" Георг Кершенштейнер, — поскольку речь идет о народных массах, заключается главным образом не столько в привитии ученикам известного круга идей, сколько в систематическом воспитании привычки к прилежному, добросовестному, тщательному труду, к постоянному приучению и безусловному повиновению и верному исполнению обязанностей и в авторитетном, неуклонном приучении к услужливости" (стр. 35).

Эта цитата в высшей степени характерна как для взгляда на задачи немецкой народной школы руководящих кругов Германии, так и для самого автора этих строк—знаменитого мюнхенского реформатора народной школы, Георга Кершенштейнера. Школа учебы не могла выполнить того требования, которое стало пред'являть к ней современное производство. Как бы талантлив ни был ребенок, в старой школе учебы талант этот не имел случая ни выявиться, ни тем более развиться. Народная немецкая школа со своим формализмом, с железной дисциплиной заглушала его. Война обострила потребность в широком слое талантливых, инициативных, интеллигентных рабочих, и потому теперь одним из самых популярных лозунгов в Германии является клич: „Дорогу таланту!"

Социальный смысл „отбора талантов".

В полном согласии с этой целью стоят заключительные слова сентябрьской речи (1916 г.) Бетмана-Гольвега в рейхстаге: „Свободный путь каждому таланту, каждой ценной силе!—говорил канцлер,—таков лозунг дня".

Эта речь канцлера вызвала воодушевление в рядах патриотствующего большинства социал-демократической партии. Хемницский „Народный Голос" („Volksstimme"), являющийся выразителем взглядов этого большинства, пишет в своей статье от 30 сентября 1916 года: „Это заявление целиком укладывается в рамки того круга идей, которые Бетман-Гольвег выставил уже раньше, как внутреннюю военную цель. Он хочет помочь сломать устарелые рамки и пустые предрассудки, которые до сих пор разделяли государство и рабочих, он хочет уловить, направить должным образом, поддержать и укрепить игнорированный доныне поток любви к отечеству, который глубоко таится в недрах рабочего класса. Он хочет, при помощи новой ориентации, сблизить рабочих с государством, и те силы, которые стремятся к деятельности, использовать для его укрепления и созидания".

Все—от германского императора до патриотического большинства немецкой социал-демократии—согласны, что необходимо приложить все усилия, чтобы извлечь из народных недр таланты, как можно больше талантов, чтобы понаделать из них мастеров, надсмотрщиков, техников, инженеров, в которых так нуждается и будет нуждаться германская промышленность.

Никогда, кажется, фетишизм, владеющий умами в современную эпоху капиталистического производства и заключающийся в том, что все—человек в первую голову—приносится на алтарь производства, не доходил до таких геркулесовых столбов, как во время войны. Через все эти призывы к выискиванию и отбору талантов яркой нитью проходит одна мысль: производству нужны таланты. И только немецкие левые социал-демократы в „Бременской Гражданской Газете" („Bremer Bürgerzetiung") и в „Политике Рабочих" („Arbeiterpolitik") ясно и определенно сказали то, что естественно было сказать людям, не охваченным гипнозом фетишизма, но теперь уже несущим в массы лозунг, характерный для эпохи производ-

ства, идущей на смену теперешней: не человек для производства, а производство для человека.

Важен не отбор для нужд производства наиболее одаренных, важно всестороннее гармоническое развитие каждого человека, для этого необходимо развитие всех сил и дарований, заложенных в каждом ребенке. Отбор же наиболее талантливых, открытие для них возможности „устроиться", подняться по общественной лестнице, совершенно не в интересах рабочего класса. Масса сама нуждается в этих даровитых силах для развития и организации своей коллективной силы. Смысл отбора наиболее одаренных как нельзя лучше характеризуется следующей цитатой из уже выше упомянутой книги Георга Кершенштейнера: „Гражданское воспитание немецкого юношества".

„Опасны лишь,—пишет он там,—большие, однородные массы недовольных, когда государственные и общественные учреждения приковывают к галерам и наиболее дельных. Умный стратег знает, что лучше всего можно владеть массами, если удается разделить их" (стр. 27). И умный стратег Кершенштейнер настаивает, что необходимо открыть клапан путем отбора наиболее дельных, наиболее одаренных, надо дать им возможность проложить себе дорогу, уйти от народной массы. В Англии уже давно это поняли. И Кершенштейнер указывает на пример Джона Бернса.

Как выявить таланты? Современная школа, как было уже сказано, способствует заглушению природных дарований. Когда все построено на механическом заучивании, на усвоении программ, трудно определить, какой ребенок к чему способен. Однако профессор Зикинген в Мангейме сделал попытку организации отбора дарований на почве существующей школы. Он предложил делить учеников по степени успешности. Мало развитые, медленно воспринимающие, отсталые выделяются в особые вспомогательные классы. Обладающие наилучшей памятью, наиболее быстро воспринимающие переводятся в классы для даровитых. Эти более даровитые ученики проходят более обширную программу. Тот курс, на который средним ученикам приходится употребить, скажем, три года, способные ученики проходят в два года. Передовая часть немецкого учительства в общем отнеслась к этой системе отрицательно. Указывалось, как вредно должно отразиться на психике детей это деление

их на овец и козлищ, указывалось, что если способные ученики до сих пор не надрывали себе сил в школе учебы, благодаря своей прекрасной памяти, то теперь и на них будет возложено непосильное бремя, которое в конец заглушит всякую возможность развития их индивидуальных дарований. Результаты мангеймской системы оказались весьма мизерными: прохождение известной частью учеников более скорым темпом учебного курса. Ученик, обладающий наилучшей памятью, не всегда наиболее даровитый ученик. Жизнь требовала выявления дарований. В этом отношении мангеймская система дала очень мало.

Другой опыт в направлении выявления дарований—это широкое применение к ученикам методов исследования душевных сил путем экспериментальной педагогики. Опыты эти делались и делаются, и сейчас в большой моде в Германии. Сам по себе этот вопрос очень интересен. Экспериментальной педагогикой очень увлекаются и в Америке. При школах там существуют особого рода „советчики по выбору профессии", которые, опираясь на экспериментальное исследование способностей подростка, определяют пригодность кончающего школу к той или иной профессии. В Бостоне, под руководством Франка Парсона, работает основанное на таких же принципах бюро советов по выбору профессии. Теперь в Германии также появляется очень много работ по этому вопросу. Интересны книжки Штерна, много интересных статей, например, в „Журнале по педагогической психологии и экспериментальной педагогике". В Берлине делается попытка при центральном бюро труда организовать учреждение, аналогичное парсоновскому бюро.

Преувеличивать однако роль экспериментальной педагогики в выявлении дарований и в выборе профессии не следует. Дарование—вещь очень сложная, а экспериментальная педагогика может пока что определять лишь элементарные душевные способности. Что же касается выбора профессии, то главное, что препятствует в настоящее время тому, „чтобы каждый человек был на своем месте" в производстве, делал работу, которая была бы ему по душе и соответствовала его силам и способностям, это—общественные условия, необходимость для громадного большинства населения, для миллионов людей брать не ту работу, которая соответствует способностям

и дарованиям, а ту, которая под рукой, которую необходимо взять, чтобы иметь кусок хлеба.

Политическая самодеятельность юношества.

Приступая к опыту организации трудовой школы, германское правительство вполне сознавало, что, будя самостоятельную мысль, жажду знания, всесторонне развивая учеников, оно может создать могильщиков современных общественных порядков Германии, и потому вручало реформу лишь людям типа Кершенштейнера. Он находит, что дать народу всеобщее избирательное право было опасным, преждевременным экспериментом.

Недавно еще, когда немецкий рейхстаг в 59-м своем заседании постановил отменить запрещение (проведенное в 1908 г.) юношам моложе 18-и лет присутствовать на открытых собраниях, на которых обсуждаются экономические вопросы рабочей жизни, вопросы о величине заработной платы, длине рабочего дня и пр., Кершенштейнер бешено выступал против отмены этого запрещения. „Педагогическая Газета“ (№ 24, 1916) говорит по этому поводу, что не стоило так горячиться. Во-первых, отмена запрещения мало изменит существующее положение вещей. Фактически и теперь юноши моложе 18 и лет ходят на собрания такого рода: нельзя при входе требовать метрического свидетельства Кроме того, собрания происходят в присутствии полиции, да и вожди рабочего движения лучше, чем кто-либо, умеют успокаивающе действовать на массу и на молодежь. Работая на фабрике, юноша все равно наталкивается на известные вопросы, слышит известные разговоры, нельзя игнорировать успокаивающего, благотворного влияния вождей рабочего движения.

Действительно, Кершенштейнер не учитывает того изменения во взглядах и характере деятельности, которое произошло со времени войны в рядах немецкой социал-демократии. Официальное большинство теперешней немецкой социал-демократической партии стоит на точке зрения, весьма недалеко уходящей от точки зрения Кершенштейнера. Вспомним хотя бы вышеприведенные цитаты о примирении между государством и рабочими из хемницского „Народного Голоса“.

Ферстер и „гражданское воспитание".

Это изменение во взглядах и тактике немецкой социал-демократии прекрасно учел другой столп немецкой официальной педагогики, Ф. В. Ферстер, пастор, выписанный германским правительством из Швейцарии. Ферстер внимательно следит за рабочим движением, его специальность— „этическое" воспитание юношества, модернизация религиозного воспитания. Его многочисленные произведения, из которых главные: „Школа и характер", „Христианство и классовая борьба", „Авторитет и свобода", „Вина и искупление", „Гражданское воспитание", „Этические беседы с юношеством" и др., обнаруживают не менее умного стратега, чем Кершенштейнер; некоторые из них выдержали много изданий, переводятся на все языки. Ферстер много говорит „о вечном, незыблемом, об'ективном порядке вещей", на основе которого и выработаны существующие правовые нормы. Эти правовые нормы для него священны. Он хочет заставить рабочих служить этому порядку не за страх, а за совесть. Средством сделать это кажется ему „гражданское" воспитание юношества. Это „гражданское" воспитание - дело весьма тонкое, тут насилием ничего не сделаешь. „Ницше однажды жаловался,— пишет Ферстер,—что из рабочих вообще сделали какой-то „вопрос", тогда как надо отдать себе отчет в том, что всякая высшая культура должна быть построена на рабстве, в той или иной форме. В противовес такой точке зрения следует со всей энергией подчеркнуть, что эта господская мораль (Herrenmoral) стала технической невозможностью. Высоко развитая, совместная работа и квалифицированный труд обслуживания сложных машин вообще невыполнимы более при помощи „рабского труда", так как у людей униженных отсутствуют моральные и духовные качества, необходимые для подобного рода кооперации" (стр. 175, „Христианство и классовая борьба" Ф. В. Ферстера).

„Как известно,—пишет он далее,—уничтожение рабства в Соединенных Штатах было вызвано требованиями технического прогресса. Переход от разведения сахарного тростника к разведению хлопка требовал более интенсивных методов эксплоатации территории и делал все более невозможной работу с тупым и упрямым рабским населением" (там же, стр. 176).

И Ферстер мечтает о воспитании такого поколения рабочих, которые не по принуждению, а по доброй воле будут служить капиталу. Понятное дело, что Ферстер от всей души приветствовал „лойяльность" вождей немецкой социал-демократии, проявленную ими по отношению к германской империалистической буржуазии. Вскоре после 4-го августа Ферстер стал устраивать в Берлине лекции, на которые свозились старшие ученики народных школ со всего Берлина. Им Ферстер в популярной, доступной их пониманию форме рассказывает, что теперь, когда немецкая социал-демократия отказалась от проповеди классовой вражды и вполне искренно стала проповедывать сотрудничество классов, она приблизилась к христианской точке зрения и заслуживает всяческого доверия.

Школа труда, будя интерес ребенка, открывает его душу, его внутреннее „я" учителю. То, что недоступно было учителю с розгой в руках, доступно учителю, рисующему, столярничающему с детьми, вместе с ними наблюдающему природу. Такой учитель завоевывает доверие ученика.

И тут приходят Кершенштейнеры, Ферстеры и Наторпы, овладевают душой ребенка и прочно закладывают в нем преклонение пред существующим немецким государством, приходят с проповедью единства немецкой нации. Во время войны трудовая школа явилась прекрасным орудием милитаризации молодежи. Вся творческая работа детей направлена в военное русло. Дети строят в школах траншеи, аэропланы, составляют планы местностей, строят разные физические аппараты, употребляющиеся в современной войне, разыгрывают примерные сражения. Все это возбуждает их интерес к войне, попутно воспитывает в них патриотические чувства.

„Тупик для миллионов подростков".

Трудовая школа способствует выявлению дарований. Но что же делать с этими выявившимися талантами? Как только трудовая школа из области теории стала переходить в область практики, ужасно остро почувствовалось, что этим талантам, этим дарованиям некуда податься, что им заказаны все пути. На германской школьной системе лежит яркая печать сословности. Германская народная школа — школа для низших сословий. Более богатые люди отдают своих детей в платные

начальные школы. Там их дети избавлены от общения с ребятами, говорящими на плат-дейч, беспризорно скитающимися по улице потому, что их мать работает на фабрике, болеющими всякими заразными болезнями, которые так охотно вьют свои очаги в скученных нездоровых жилищах, где ютится беднота. Холеные дети отгорожены стенами платной школы от голодных, болеющих, заброшенных детей пролетария. Как редко попадают дети привилегированных сословий в народную школу, показывают, например, воспоминания одного народного учителя. Он вспоминает, как в то время, когда он сам еще был учеником, к ним в школу поступила чистенькая, изящно одетая дочка инспектора; рассказывает, с каким удивлением и обожанием смотрели все ученики и ученицы на эту маленькую, попавшую к ним, благодаря чудачеству ее отца, фею. Видно, очень уж редкие гости дети привилегированных сословий в народной школе! Кроме платных школ, для детей богатых родителей существуют еще так называемые подготовительные школы (Vorschulen), куда дети поступают шести лет и откуда через три года их без экзамена переводят в средние (höher) школы. В этих подготовительных школах сравнительно высокая плата, более дорогие учебники. В большинстве немецких государств в среднюю школу трудно попасть иначе, как через подготовительную школу. Ученики подготовительных школ занимают все свободные вакансии средней школы. Ученик из народной школы, желающий поступить в среднюю школу, во-первых, натыкается на отсутствие вакансий, а во-вторых, должен многому переучиваться заново, так как программы подготовительных и народных школ различны, различны учебники и пр. Нужна специальная подготовка к экзамену, надо брать учителя. Если сыну зажиточного человека, живущему в каком-нибудь глухом местечке, где нет подготовительной школы, и удается при помощи учителя подготовиться в среднее учебное заведение, то бедному ученику народной школы это весьма и весьма мудрено. Средние учебные заведения переполнены, так как окончание их дает привилегию по отбыванию воинской повинности (сводит военную службу к одному году), а в высшие учебные заведения путь лежит через среднюю школу. И выходит, что народная школа—тупик, что ученик, вступая в нее, обречен уже на то, чтобы его образование ограничилось теми убогими, фальсифицированными

знаниями, которые даст ему эта школа, цель которой воспитать исполнительного, послушного рабочего. „Создав подготовительные школы, государство и община создали прямой и краткий путь для немногих тысяч. А для бесчисленных миллионов осталось пространство без всяких соединительных путей.

И вот, когда война с особенной настоятельностью поставила вопрос о необходимости в интересах промышленного развития открыть дорогу талантам и дарованиям, стало ясно, что на пути этих бесчисленных талантов и дарований, кроющихся в недрах народных масс, стоит сословный характер германской школы.

Поднят был вопрос о необходимости коренной реформы в этом направлении. Вопрос об единой всеобщей школе стал злобою дня.

Язвы современной организации школьного дела в Германии были беспощадно вскрыты.

Сословная или всеобщая школа?

Официальные педагоги, как верно отмечает католический „Маяк“ („Pharus“), стараются свести теперь все дело к устранению подготовительных школ. Это им однако плохо удается. Вопрос стал слишком остро. Поскольку этот вопрос из вопроса о доступе к образованию даровитых учеников превратился в вопрос о доступе к образованию низших сословий вообще, он принял политический характер, и понятно, что вокруг него разгораются и политические страсти. Все политические партии заняли по отношению к вопросу о всеобщей единой школе определенную позицию.

14—17 марта текущего года этот вопрос обсуждался в прусском ландтаге. Социал-демократы внесли следующее предложение: „Палата постановляет обратиться к королевскому правительству с ходатайством о выработке в ближайшем будущем законопроекта о регулировании школьного дела на основе принципов единства, бесплатности и светскости и на основе данных современной научной педагогики“.

В ответ на это предложение министр народного просвещения, д-р фон Тротт-цу-Зольц, заявил: „В такой форме предложение представляет собою в области школьного дела наиболее

радикальное решение, каковое—мне нет надобности на этом останавливаться—совершенно неприемлемо для королевского правительства".

В том же духе высказался и баварский министр народного просвещения, д-р фон Книллинг, в заседании баварской палаты депутатов от 31 марта 1916 года.

Консерваторы находят, что в современной школьной системе ничего менять не следует. Если она предоставляет имущим классам привилегии в отношении доступа к образованию, то это так и должно быть. Среди имущих классов гораздо больше талантов и дарований, чем среди низших сословий.

Центр также отрицательно относится к лозунгу единой всеобщей школы.

В августовской книжке „Немецкой Школы" Тевс старается успокоить центр. „Вопрос о том, могут ли родители на свой счет создавать частные школы для детей, является вопросом второстепенным. Со стороны государства было бы ни на чем не основанным произвольным ограничением гражданских прав, если бы богатым людям, которым разрешается пользоваться более удобными путями сообщения, посещать дорогие концерты и выставки, есть дорогие кушанья, пить дорогие вина и т. д., было запрещено предоставлять своим детям все доступные им средства воспитания. Нельзя отрицать, что при этом у богатых останутся известные преимущества. Но если не желать этого, то надо вообще отменить частную собственность. Всеобщая единая школа устраняет лишь препятствия для бедных в отношении пользования более высокими ступенями образования. Остальное остается все по-старому".

Центр ведет очень энергичную агитацию против всеобщей единой школы. Для популярности с церковной кафедры они называют ее иногда „бесовской" школой. Немецкое учительство надеется, что правящие классы Германии могут осуществить преобразование сословной, классовой школы в школу демократическую, дающую доступ ко всем ступеням образования каждому члену немецкой нации. В этой иллюзии поддерживают их и „прогрессивная народная партия" и хемницский „Народный Голос", видящий в демократических речах Бетман-Гольвега какую-то новую ориентацию. Ориентация весьма старая, направленная к тому, чтобы одурачить народные массы, наобещав с три короба и не дав ничего существен-

ного. Этому одурачиванию усердно помогает и „прогрессивная народная партия“ и теперешнее большинство немецкой социал-демократической партии. Как показывают приведенные речи министров, как показывает позиция, занятая консерваторами, центром и национал-либералами по вопросу о всеобщей единой школе, правящие классы не собираются даже предпринимать какие-либо существенные изменения в теперешней постановке школьного образования.

Современной Германии не под силу осуществить ту реформу школьного дела, которая диктуется ей ходом экономического развития.

Для этого нужны иные движущие силы.

„Летопись“, 1917 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИВЕТСТВИЕ НА II С'ЕЗДЕ РКСМ

Позвольте, товарищи, приветствовать вас от Внешкольно с Отдела Народного Комиссариата по Просвещению.

Еще десять лет тому назад социал-демократы, и большевики и меньшевики, одинаково считали, что социалистическая революция начнется в Западной Европе, потому что западно-европейский пролетариат гораздо лучше сорганизован, чем пролетариат России. Мы думали, что революция в России будет только демократическая. Социалистическая же революция, которая уничтожит деление общества на классы, начнется на Западе, а Россия пройдет только вслед за Западом. Вероятно, это было бы так, если бы не наступила мировая война.

То, что мировая война должна наступить, предсказывали уже давно. Это предсказывал еще наш учитель — Фридрих Энгельс, который говорил, что мировая война неизбежна. В самом деле, капиталисты больше всего борются из-за прибылей. Они захватили земли, где не было капиталистического строя, где были полудикие, слабо развитые народы. Когда весь мир был поделен так называемыми великими державами, то между ними произошла схватка из-за дележа добычи. Но когда точно наступит момент мировой войны, социалисты не знали. В 1912 г., когда собрался международный конгресс в Базеле, была принята резолюция, что так как очень скоро разразится война, то социалисты должны сделать все возможное, чтобы использовать эту войну для того, чтобы начать революцию. Так постановили социалисты всех стран, и русские, и западно-европейские.

Но когда разразилась мировая война, тут только стало видно, как везде сильна буржуазия. Она сильна не только тем, что у нее есть средства производства, не только тем, что она заставляла на себя работать тысячи и сотни тысяч рабочих. А она была еще сильна тем, что она умела при помощи школ, при помощи газет, при помощи прессы, кинематографа, театров и других просветительных средств повлиять на умы рабочих, сделав их рабами не за страх, а за совесть. В буржуазной прессе, которую читали рабочие Франции, Германии, Англии, каждый день повторяются разные буржуазные сказки, которым рабочие верили. В школах внушалось с малых лет уважение к богатству, уважение к сильным. Указывалось на то, что представители буржуазии есть самые умные, самые способные люди и наилучшие организаторы. И передовые рабочие Германии, Англии и других стран не решились выступить против организованной буржуазии, против организованного капитала, затеявшего мировую бойню.

У нас, социалистов, отношение к войне было другое. Большевики не находились под влиянием буржуазии, и они оценили эту войну, как войну грабительскую, как войну империалистическую. Но война, которая продолжалась четыре года, показала и западно-европейским рабочим, что буржуазия втирала им очки и обманывала их. Когда рабочие очутились в окопах и увидели, как рабочие-социал-демократы идут друг на друга ради интересов капиталистов, рабочие мало-по-малу стали понимать, что они были рабами капитала. Возмущение против буржуазии, которая видела в рабочих только рабочие руки, а в момент войны только пушечное мясо, росло в рабочих все больше и больше. Во всей Европе в рабочих массах накипело глухое негодование, которое грозит прорваться. На днях вышел 5-й номер журнала „Коммунистический Интернационал". Там есть прекрасное письмо из Франции, в котором описывается, что во Франции теперь народное возмущение все более и более растет. А ведь там вожди социалистов говорили, что это Германия начала войну, что „наша французская буржуазия была права". Первого мая во Франции были громадные демонстрации. Мы знаем, что в Одессе французские солдаты отказывались бороться с большевиками. Это не преувеличение. То, что это правда, мы видим из писем белогвардейцев, арестованных во время последнего заговора. В письме одного из них

было сказано: „Французы не надежны: они в Одессе не захотели бороться с большевиками".

Почему началось дело революции с России? Революция началась в России потому, что буржуазия здесь была более слаба, чем в Западной Европе. Она не была так организована, как в Западной Европе, и потому русским рабочим с этой буржуазией бороться было гораздо легче. В настоящее время, товарищи, Россия находится в трудном положении. Лорд Черчилль указывал на то, что 14 держав борются против России. Мы видим, как Деникин наступает. Каждый коммунист сейчас переживает очень тяжелое время. Он с волнением думает: победит или не победит Деникин? У коммунистов нет сомнения, что коммунизм победит. Но на время может быть победа белогвардейцев, но не на очень долгое время. Чтобы бороться с белогвардейцами, нужно полное напряжение сил. В России власть взять было легко, но так как рабочие менее организованы, то удержать им власть труднее. От всех нас, коммунистов, требуется величайшее самопожертвование. От нас требуется величайшее напряжение сил. Рабочая молодежь, которая выросла в атмосфере революции, должна быть готова на это самопожертвование.

Большинство из вас, может быть, еще маленькими детьми переживало 1905—6 годы, а также 1912 год, когда рабочие массы стихийно поднялись с протестом. Вы переживали первую, февральскую революцию и Октябрьскую революцию. У вас, товарищи, особенно силен революционный дух, воспитанный всей атмосферой классовой борьбы в России. Поэтому я уверена, что коммунистическая рабочая молодежь всегда будет в передних рядах тех, кто строит новую социалистическую жизнь, и тех, кто защищает социалистическую республику. Да здравствует коммунистическая молодежь! Да здравствует социалистическая республика!

ПРИВЕТСТВИЕ НА V С'ЕЗДЕ РКСМ

Товарищи, позвольте приветствовать вас от имени Главполитпросвета. Товарищи, наш с'езд происходит за месяц до пятилетия Октябрьской революции. Опыт пяти лет революции лежит перед нами. Четыре года приходилось рабочим и крестьянам бороться против внешнего врага. Только теперь наступил первый год, когда можно собраться с силами и начать строить дальше. Мы видим, что эти пять лет страшно разорили Советскую Россию. Сейчас Советская Россия находится в таком положении, что если бы рабочий класс не прошел через горнило революции, то можно было бы сказать, что страна погибла. Но мы знаем, какой громадный под'ем, какой громадный энтузиазм возбудила революция, и мы уверены также в том, что и сейчас, когда предстоит серьезная и трудная работа строительства, рабочие массы окажутся на высоте задачи. Сейчас нам всем, и взрослым, и молодым, надо очень многому учиться, потому что опыт пяти лет революции показывает нам, что у нас не хватает организованного умения и знаний. Для того, чтобы показать вам, как важно это знание, я приведу один пример. В Курской губернии магнитная стрелка отклонилась. Ученые пришли к выводу, что где-то в глубине находится громадный слой железа. Советская власть организовала работы, организовала раскопки. И вот на днях, прорыв вглубь 71 сажень, рабочие действительно наткнулись на громадный слой железа. Таким образом предсказания ученых исполнились. Нам необходимо овладеть знаниями для того, чтобы уметь правильно использовать все те богатства бесчисленные, которые находятся в России. Молодежь уже почувство-

вала необходимость овладеть знаниями. В последний год она взялась за учебу. В будущие годы молодежь должна продолжать так же учиться, как она училась в прошлом году. С своей стороны государство должно ей прийти на помощь Я надеюсь, что и на этом пути молодежь проявит тот же героизм, который она проявляет в борьбе с буржуазией русской и иностранной. Позвольте еще раз приветствовать вас и пожелать вам плодотворной работы.

СОДЕРЖАНИЕ

стр

От ЦК РЛКСМ 5
Предисловие 9
Как я стала марксисткой 11

I. Первый этап.

Союз молодежи 21
Борьба за рабочую молодежь 24
Письмо в Москву 26
Как организоваться рабочей молодежи 28
Партия и движение молодежи 31

II. Вопросы коммунистического воспитания.

Подготовка ленинца 37
К вопросу о коммунистическом воспитании молодежи 42
РКСМ и бойскаутизм 48
Военное воспитание молодежи 86
Социально-политическая работа подростков 90
Католические попы, общественность и Комсомол 96
Как учиться? 104
Организация самообразования 108
Организация самообразования (тезисы) 141
Самообразование молодежи 144
Изучайте марксизм 161

III. Юношеский труд и школа.

Организация труда подростков 173
Школьная муниципальная программа 179
Буква закона 181
Об отмене детского труда 184
В комиссариат труда 189
О заводском ученичестве 190
О школах для рабочих подростков 194
К с'езду школ рабочих подростков 198

Проект школы на Бондюжском химическом заводе 201
Обществоведение в школе фабзавуча 204
Советская система народного образования и РКСМ 208
Школа крестьянской молодежи 214
Комсомольцы в деревне 218
Письмо в ЦК РКСМ 221
Письмо в ЦК РКСМ о „празднике урожая“ 222
„Праздник урожая“ 223

IV. О детском движении.

Юные пионеры 229
Международная детская неделя 232
О юках 235
Методы работы с детьми 238
Юные пионеры и игра 241
Поменьше барабанного боя! 243
Что говорит наш старший пионер? 246
Пионеры в деревне 248
Школа и пионердвижение 252
Будь готов 258
Борьба с детской беспризорностью 260
От слова к делу 264

V. Борьба за школу труда.

Предисловие 269
Песталоцци 272
„Промышленная школа“ для бедных 283
Роберт Оуэн 290
Джон Беллерс 293
Маркс и Энгельс о детском труде 295
Школа учебы и причины ее упрочения 304
Упадок ученичества, как знамение времени 307
Прогресс техники. Новые тенденции в этой области 310
Профессиональное образование. Рост его. Изменение его характера . 313
Превращение школы учебы в школу труда. Неизбежность этого . . . 322
Война и немецкая народная школа 331
Дорогу таланту 333

Приложение.

Приветствие на II съезде РКСМ 347
Приветствие на V съезде РКСМ 350

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

при ЦК РЛКСМ.

Москва, Новая площадь, 6.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

«ТОВАРИЩ». Календарь молодого рабочего на 1925 г. Ц 1 р.
В. ЛЕНИН. — «Каким должен быть комсомолец». Ц. 20 к.
» — «О революционном студенчестве». Ц. 45 к.
» — «Парижская Коммуна». Ц. 50 к.
Н. КРУПСКАЯ. — «Знамя Ленина». Ц. 12 к.
В. КАРПИНСКИЙ. — «Что заповедал нам Ленин». Ц. 60 к.
В. КУЗЬМИН. — «Ильич». Ц. 20 к.
О. ТАРХАНОВ. — «Ленинскому призыву». Ц. 25 к.
«ЛЕНИН и КОМСОМОЛЬЦЫ». Ц. 18 к.
«ПРОГРАММА И УСТАВ РЛКСМ». Изд. 8-е. Ц. 10 к.
«НАШИ СЪЕЗДЫ». Сборник резолюций I—V съездов РКСМ. Ц. 60 к.
«ШЕСТОЙ СЪЕЗД РЛКСМ». Стенографич. отчет. Ц. 1 р. 50 к.
«МИРОВОЙ КОМСОМОЛ ЗА 2 ГОДА». Ц. 50 к.
«СЪЕЗД РКП О МОЛОДЕЖИ». Ц. 65 к.
Л. ШАЦКИН. — «Основные вопросы юношеского движения». Ц. 1 р. 30 к.
М. ЛЕВГУР. — «Юношеское движение на Западе и Востоке». Ц. 25 к.
ТАРХАНОВ. — «10-й международный юношеский день». Ц. 20 к.
К. ЛИБКНЕХТ, ЕГО ЖИЗНЬ И БОРЬБА». Ц. 40 к.
В. МИРОШЕВСКИЙ. — «Буржуазные юношеские организации в Германии». Изд. 2-е. Ц. 40 к.
В. СМИРНОВ. — «Рабочий подросток». Ц. 75 к.
И. ВОЛОШИН. — «Очерки по истории рабочего подростка». Ц. 40 к.
«ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА И РЛКСМ». Ц. 25 к.
«КОМСОМОЛЬСКИЙ КРУЖОК». Ц. 20 к.
«ЛЕНИНСКИЙ КОМСОМОЛ И ШКОЛА». Ц. 40 к.
А. ШОХИН и П. РУДНЕВ. — «Школа крестьянской молодежи». Ц. 75 к.
«КОМСОМОЛЕЦ И КНИГА». Ц. 60 к.
«ВОПРОСЫ ЖИЗНИ И БОРЬБЫ». Сборник статей. Ц. 1 р. 10 к.
«ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ РЛКСМ В ДЕРЕВНЕ». Ц. 10 к.
Ф. ЗИМАН. — «Комсомол и кооперация в деревне». Ц. 20 к.
А. ШИФРЕС. — «Коммунист и комсомолец в Красной армии». Ц. 40 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

при ЦК РЛКСМ.

Москва, Новая площадь, 6.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

«7-е СЕНТЯБРЯ. Международный юношеский день в клубах молодежи». Ц. 20 к.

«МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕТСКАЯ НЕДЕЛЯ». Сборник. Ц. 20 к.

Е. О. ПИОТРКОВСКИЙ. — «Эбер и его естественный метод воспитания». Ц. 2 р.

В. ГОРИНЕВСКИЙ, В. МАРЦ и А. РОДИН. — «Игры и развлечения». 3-е изд. Ц. 1 р. 30 к.

Я. СМОЛЯРОВ. — Сто игр юных пионеров. Ц. 35 к.

В. РУССО. — «Шашки». Ц. 35 к.

В ЗАЛЕЖСКИЙ. — «Восемь побегов». Изд. 2-е. Ц. 35 к.

» — «В стране поднадзорной». Ц. 30 к.

В. ВЛАДИМИРОВА. — «Из недавнего прошлого». Ц. 1 р. 10 к.

АРТЕМ ГИО. — «Жизнь подпольника». Ц. 75 к.

«КАК МЫ УЧИЛИСЬ МАРКСИЗМУ». Воспоминания. Ц. 25 к.

«КОМСОМОЛ В ПОДПОЛЬИ». Воспоминания. Ц. 35 к.

И. ЛЯШКО. — «Крепнущие крылья». Ц. 65 к.

М. КОЛЬЦОВ. — «Идеи и выстрелы». Ц. 60 к.

ГАМБАРОВ. — «Степан Халтурин». Ц. 90 к.

«МОРЯКИ В РЕВОЛЮЦИИ 1905—1906 гг.». Ц. 1 р. 50 к.

«РКП И ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ». Ц. 15 к.

РАДИН. — «Пионер, береги свое здоровье». Ц. 10 к.

А. МИХАЙЛОВ. — «Спартак». Ц. 20 к.

Н. БОГДАНОВ. — «Пионер в деревне». Ц. 25 к.

Н. ДМ—КИЙ. — «Четыре рассказа». Ц. 25 к.

М. ГОРЕВ. — «Агроном приехал». Ц. 20 к.

ЛОПАТИН. — «Моя поездка на Волховстрой». Ц. 20 к.

Л. ПОЖАРСКИЙ. — «Бунтовщик из вашего чайника». Ц. 17 к.

«ПЕСНИ ЮНЫХ ПИОНЕРОВ». Сборник. Ц. 15 к.

С. ЧУЙКОВ. — «Вершинная быль». Ц. 35 к.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ

В ТОРГОВЫЙ ОТДЕЛ ИЗД-ВА „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“.

МОСКВА, Новая пл., Б., Черкасский пер., д. 7.

Магазины: Комсомольский—Неглинный проезд, д. 7.

Пионерский—Тверская, д. 37.

ЛЕНИНГРАД. Пр. 25 Октября, д. 54.

Цена ___ р. 20 к.